

	Александр Ермак	
1960		
1961	1980	1999
1962	1981	2000
1963	1982	2001
1964	1983	2002
1965	1984	2003
1966	1985	2004
1967	1986	2005
1968	1987	2006
1969	1988	2007
1970	Г	2008
1971	о	2009
1972	д	2010
1973	и	2011
1974	н	2012
1975	1994	2014
1976	1995	2015
1977	1996	2016
1978	1997	2017
1979	1998	2018

Александр Ермак

Годин

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60735662

Годин: Avtorskie-txt; 2020

Аннотация

Алексей Годин родился при Хрущеве, учился и служил в армии при Брежневe, вошел в науку при Горбачеве и Ельцине. При Путине талантливый русский ученый пытается разгадать тайну «синей папки» – одну из удивительных загадок природы. Он мечтает поставить свое открытие на службу Отечеству и всему человечеству. Хотя ему мешают и люди, и обстоятельства, Алексей Годин намерен довести дело всей своей жизни до конца. В России...

Содержание

Часть первая. Отсрочка	5
«Пусть идет куда хочет!»	5
«Отец ничего не имеет против»	22
Хочется спать и есть!	43
Пицца для ума	56
«Служу Советскому Союзу!»	82
Осталось три ночи	102
«Ко всему!»	130
«Все, Годин, отслужил!»	158
Часть вторая. Обретение	176
«В списках не значился»	176
«Учись, учись Леша!»	199
Вожделение	232
Конец ознакомительного фрагмента.	234

Александр Ермак

Годин

*Посвящается моей любимой, жене, другу –
Светлане Митковой Кировой*

Часть первая. Отсрочка

«Пусть идет куда хочет!»

Алексей вошел в свою комнату, затворил дверь, сел на стул у окна. Взгляд его сначала упал на стекло, местами покрытое морозными узорами, потом заскользил по мечущимся снаружи снежинкам. На улице разыгрывалась морозная, колючая метель. Он едва успел прибежать домой до нее.

– Ужинать! – раздался из-за двери голос матери.

Вспомнил, что не обедал сегодня. Не очень хотелось есть и сейчас. И очень не хотелось выходить из комнаты, говорить с кем-либо. Даже и думать. Совсем-совсем. Вот бы взяло оно все, да и само собой. Как-нибудь без разговоров, хмурых взглядов. Раз – и улетело бы куда-нибудь, как эти снежинки, и он снова бы спокоен и уверен в себе, а все – в нем.

– Ужинать!

Алексей по-прежнему не спешил. Глядя за окно, начал припоминать виды метели: *влечение*, когда снежинки перекатываются вдоль поверхности земли, *сальтация*, при которой они сначала подсакаивают почти вертикально, а затем снижаются по пологой кривой, захватывая с собой несколько других, и еще *витание*, или *диффузия*, когда сорванные со снежного покрова ажурные звездочки поднимаются вет-

ром высоко над поверхностью. Не идти на ужин? Но тогда уж точно начнутся расспросы.

– Алексей! Третий раз зову! – снова раздался голос матери.

– Алексей! Третий раз зову! – пропищал следом тоненький голосок.

Дверь приоткрылась, и в комнату протиснулась сестренка. Лиля строго смотрела на старшего брата. Покачав головой и, явно подражая маме, строго произнесла:

– Алексей! Сколько можно ждать?

Тут же голос ее смягчился и глаза блеснули от любопытства:

– А что ты тут делаешь?

Алексей не успел ничего сказать, так как Лиля, сделав шаг, наступила на носок собственных растянувшихся колготок и потеряла равновесие. Она, конечно, шлепнулась бы на пол, но брат успел среагировать. Кинувшись к сестренке, подхватил ее на руки:

– Все, идем кушать!

Не выпуская из рук брыкающееся, пытающееся вырваться тельце, понес его через большую комнату. Она была уже пуста. Телевизор выключен. Возле кресла на светлом полированном журнальном столике чернел по белому шрифт, видимо, еще не дочитанной «Комсомольской правды». Над печельницей висел дымок от недавно потушенной «беломорины». Он тянулся следом за уплывающим к открытой фор-

точке голубоватым облачком.

Родители были на кухне. Отец сидел за столом, уже ополовинив тарелку с супом. Мама стояла у плиты.

– Наконец-то! – сказала, разливая суп в остальные приготовленные тарелки.

– Это я его привела! – гордо заявила сестренка, которую Алексей осторожно посадил на стул с подушечкой.

Брат поправил ей сбившуюся на лоб кудряшку:

– Конечно, только благодаря тебе.

Отец, в очередной раз прожевав и проглотив, спросил:

– Так много, сынок, сегодня занимались, что у тебя аппетит отбило?

– Дело не в занятиях...

Глава семейства усмехнулся, глянув на мать:

– Никак с Катюхой поругались?

– Нет...

– Ну что ты к нему с расспросами лезешь? – поставила мать на стол последнюю тарелку. – Дай человеку поесть!

– Дай человеку поесть! – повторила Лиля, отважно запустив ложку в тарелку.

Отец кивнул и замолчал. Вздрогнул и зажужжал в углу холодильник. Лиля строго глянула на него:

– «Бирюса»! «Бирюса»! Брысь-брысь!..

Тут же с громким хлопком распахнулась прикрытая, но не защелкнутая форточка. На кухню влетел ворох снежинок, так и не упав на пол, растаял в теплом воздухе.

Лиля вздохнула:

– Это они от голода... растаяли.

Форточку снова захлопнул, защелкнул отец. Он же первым доел суп, посмотрел на мать:

– Что там у тебя еще?

Та по очереди положила всем картофельное пюре, котлеты, на отдельную тарелку – соленые огурчики из тех, что летом выросли на деревенском огороде дедушки и бабушки и были закатаны на зиму в банки.

– Молодец, мать! – похвалил отец, хрустнув зелененьким. – Ни у кого таких не получается!

– Я старалась!

– И я старалась! – снова подала голос Лиля, которая была летом в Потаповке.

Потом мать разлила каждому в его любимую кружку чай, заваренный из пачки с надписью «Грузинский черный байховый». Пили его с деревенским же вареньем из клубники. Все, кроме Алексея, оживились: ведь наконец собрались вместе. Днем мать с отцом были на работе, Алексей – в институте, Лиля – в школе.

Родители, видимо, заканчивая ранее начатый разговор, быстро перебросились несколькими словами о делах, потом со всем вниманием заслушали «отчет о проделанном за день» дочери-первоклассницы. Когда та наконец выложила все, чем хотела поделиться, отец спросил отмалчивающегося Алексея:

– А у тебя как дела, сынок?

Алексей вздохнул, но ничего не ответил.

– Тебя отец спрашивает, – напомнила мать.

И строго повторила сестренка:

– Тебя отец спрашивает!

– Да-да, – откликнулся наконец Алексей, но не продолжил.

Глава семейства посмотрел на него, потом на Лилю:

– Доча, поела? Беги в комнату, поиграй.

Лиля, однако, не спешила из-за стола:

– Вот еще! А вы тут без меня самое главное и поговорите.

Отец не успел раскрыть рта, как мать его опередила:

– Лиля!

Сестренка, обиженно вздохнув, сползла со стула и отправилась в большую комнату.

– Ну! – посмотрел отец на Алексея.

– Сынок, что-то случилось? – глаза матери светились беспокойством.

– Так...

– Ну, хватит уже тянуть резину, рассказывай! – приказал отец.

Алексей набрал в грудь воздуха и выговорил:

– В институте началась сессия...

Отец вспомнил:

– Да, ты вроде говорил, что скоро начнется. Делов-то...

Мать продолжала с беспокойством глядеть на сына:

– И как... началась?

Алексей сглотнул:

– Не очень. Сегодня был первый экзамен... Сдал... на тройку...

Отец кивнул:

– То, что сдал, это уже хорошо. Ну, а то, что на тройку... Будем считать: первый блин комом. Это тебе не школа, из которой ты одни четверки-пятерки таскал. Теперь, после тройки, поймешь, что в институте другой уровень, готовиться нужно серьезно. Так что учтешь все и сдашь остальные экзамены лучше. Так – нет?

Сын ответил не сразу:

– Наверное.

– Не «наверное», а подготовишься! В общем, не расстраивайся, а лучше готовься. Так ведь, мать?

Та продолжала молча смотреть на сына. Отец встал из-за стола:

– Я пойду покурую и «Комсомолку» дочитаю. Наши первый в мире автоматический грузовик на орбитальную станцию отправили. Или отправляют... А ты, Леш, ложись сегодня спать пораньше, завтра с новыми силами соберешься, и все у тебя получится.

– Все получится, сынок, – подала наконец голос и мать, когда отец вышел из кухни.

Алексей хотел было возразить, вернуть отца на кухню, но тоже встал из-за стола, немного подумал и кивнул:

– Спасибо, мама.

Он прошел через большую комнату мимо скрывшегося за газетой отца и сидящей на диване сестренки. Лиля рисовала в альбоме цветными карандашами с экрана черно-белой «Ладоги», которая тихо бормотала какой-то передачей о сельском хозяйстве. Желтое солнце, красный трактор и почему-то синяя пшеница.

Зайдя к себе, прикрыл дверь и включил «Иней». Этот катушечный транзисторный магнитофон ему подарил отец на день рождения. Прежде Алексей крутил на ламповой «Ригонде» родительские пластинки в 33 и даже 45 оборотов. Слушал Утесова, Шульженко, Русланову, Бернеса... Многие песни запомнил наизусть:

«По Муромской дорожке стояли три сосны.
Со мной прощался милый до будущей весны.
Он клялся и божился одну меня любить.
На дальней на сторонке одною мною жить...»

«Ты ж одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда!
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!...»

«Поет морзянка за стеной веселым дискантом,
Кругом снега, хоть сотни верст исколеси.

Четвертый день пурга качается над Диксоном,
Но только ты об этом лучше песню расспроси...»

Когда у него появился магнитофон, то радиола была забыта. Теперь Алексей мог слушать то, что не продавалось в музыкальных отделах универмагов, то, что совершенно бесплатно переписывали по всей стране друг у друга родственники и друзья: Высоцкого, Северного, Галича... А еще в его жизни появились Deep Purple, Led Zeppelin, Pink Floyd...

Глянув на уже всю бушующую за окном метель, поставил бобину с Boney M, заправил пленку и нажал на кнопку: зазвучала бодрая песня на английском языке. Алексей не дослушал. Поменял на любимый Deep Purple, но после первой же песни остановил запись: тяжелый рок был в этот вечер слишком тяжелым. Поставил Высоцкого:

«Жил я славно в первой трети
Двадцать лет на белом свете – по учению,
Жил бездумно, но при деле,
Плыл, куда глаза глядели, – по течению...»

Одна песня сменяла другую. Алексей слушал их уже в который раз. Положив руки на стол, а на них голову.

«Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,
Раскалю я себя, распалю.
На полке у самого краюшка

Я сомненья в себе истреблю...»

На глаза наворачивались слезы. Вскоре они хлынули потоком, тело его судорожно затряслось.

«Сыт я по горло, до подбородка.
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать...»

Через несколько минут он перестал дрожать, вытер слезы. Легче не стало. Вздохнул. И тут открылась дверь, заглянула мама:

- Поздно уже. Выключай музыку. Ложись спать!
- Хорошо!

Алексей выключил магнитофон, встал. Потянул было себя рубашку, но остановился, снова вздохнул и вышел в большую комнату. Лиля уже спала: ей стелили на диване, так она на нем и росла без перехода от маленькой кроватки к большой. Отец у форточки докуривал последнюю перед сном папиросу. Мама только что вышла с кухни:

- Выключаем свет? – посмотрела на Лилю, которой, впрочем, ничто не мешало.
- Выключай! – загасил папиросу в пепельнице отец и, кашлянув, добавил:
- Пошли к себе.

От керамического завода они получили на семью эту двух-

комнатную квартиру в Дальнедорожном. В десятке микрорайонов города жило почти двести тысяч человек, работавших на нескольких местных предприятиях. Многие из дальнедорожцев годами стояли в очереди на жилье. Годины жили втроем в «однушке» и еще несколько лет после рождения дочери вчетвером, пока наконец не подошла их очередь на улучшение жилищных условий и они не перебрались в эту «двушку-хрущовку» в панельной, типовой в их микрорайоне, пятиэтажке.

Сначала родители спали в гостиной – большой проходной комнате, а Алексей с Лилей в детской, тоже не маленькой. Но потом в ходе ремонта стену во второй комнате, примыкавшей к кладовке, перенесли. У родителей получилась своя темная спальня, у Алексея – небольшая каморка с окном, в которую входили кровать, шкаф и письменный стол. За ним, в свою очередь, занималась днем и Лиля. В семье договорились, что когда дочь подрастет и если трехкомнатную квартиру получить не удастся, то они с братом поменяются местами.

– Подождите! – остановил родителей Алексей. – Я вот что хотел сказать...

– Ну, – кивнул отец, – говори!

Алексей выдохнул:

– Я больше не пойду на занятия!

– Что? – не поняла мать.

– Как это не пойдешь?! – Изумленно посмотрел отец.

Алексей выпалил на одном дыхании:

– Мне не нравится учиться в педагогическом. Не хочу быть троечником. Не хочу заниматься нелюбимым делом. Не хочу быть плохим специалистом. Не мое это дело. Не хочу обманывать ни себя, ни вас, ни людей. Лучше бросить сейчас на первом курсе...

Мама так и села на диван рядом с вытянутыми ножками Лили. Отец потянулся за новой папиросиной:

– Вот спасибо, сынок, хорошие новости, порадовал!

– Простите, что так получилось...

У мамы было совершенно растерянное лицо:

– А мы-то так радовались, так радовались. Мы же так гордились тобой, Леша! Вся родня, знакомые знают, что у нас сын в институте учится, в люди выбьется. Но может, может, погорячился, сынок? Подумаешь, тройку схватил. Всякое бывает. Может, передумаешь? Еще же можно передумать.

– Можно, но нет, мама, прости!

– Леша, подумай!

– Нет, мама!

Та опустила голову:

– Теперь... теперь, выходит, только на нее вся надежда, – бережно погладила через одеяло Лилину ножку.

– погоди, мать! – собрался с мыслями отец. – Как это у тебя, Алексей, все просто получается: не хочу это, не хочу то, захотел – поступил, захотел – бросил. Ни с матерью не посо-

ветовался, ни со мной, а мы ведь как бы тоже к твоей жизни, к твоему образованию отношение имеем. Или не имеем?

– Имеете, – согласно кивнул Алексей.

– А раз имеем, – пыхнул отец папиросиной, – так давай вместе думать-решать. Мы вот с матерью институтов не кончали. Мы в другое время росли, в послевоенное, нам не до учебы было: приходилось работать, страну восстанавливать после зверя-фашиста, родителям помогать, чтобы семья не голодала, чтобы все были более-менее обуты-одеты. Наше дело было выжить, чтобы потом уже своих детей вырастить, дать им стоящее образование. Мы тебя вырастили?

– Вырастили, – согласился сын.

– Одели-обули, голодным не ходил?

– Не ходил...

– Все условия для образования создали?

– Создали...

– Ты по своей воле в институт поступил?

– По своей. Но вы советовали, очень советовали...

– Да, советовали. Но ведь никто тебя силком на олимпиады педагогические не загонял, в пионервожатые не запрягал. Ты же сам с октябрятами возился, говорил, что педагогика – важнейшая профессия. Говорил?

– Говорил.

– Так какого...?! – Отец повысил голос и чуть не поперхнулся дымом.

– Тихо, тихо, Лилю разбудите, – махнула рукой мать.

Алексей насупился:

– Да, я говорил. Говорил, что не хочу быть электриком, даже таким уважаемым, как ты. Говорил, что мне нравится, как мама возится с малышами в детском саду. Мне очень приятно, когда родители детишек называют ее лучшим воспитателем. Да, я с уважением смотрел на учителей в школе, понимал, понимаю, как много от них зависит в жизни других. И я хотел и хочу помогать людям. Но быть школьным учителем?! Нет, педагогика – это не мое. Жаль, конечно, что только сейчас, только сейчас понял это, когда читаю учебники, слушаю лекции, делаю контрольные. Наши ребята, девочки учатся взхлеб, а мне – мне скучно, и я... я не понимаю, какое право имею кого-то воспитывать. А что буду преподавать после окончания? Математику? Литературу? Разве что физику. Она по крайней мере мне интересна. Но талдычить на уроках одно и то же? Из года в год, всю жизнь, всю жизнь: «первый закон Ньютона», «закон Ома», «закон Бойля-Мариотта». В первый раз, в пятый, в три тысячи пятьдесят пятый! С ума можно сойти!

Отец пожал плечами:

– Да, учительская профессия не проста, трудности везде есть, от всех них никуда не сбежишь, не спрячешься.

Алексей махнул кудрявой головой:

– Я не боюсь трудностей. Просто не хочу быть учителем.

– А чего же ты хочешь? – Нахмурившись, смотрел на него отец.

– Я не знаю, не знаю, кем я хочу быть! Думал, что знаю, а оказывается, что нет.

Отец разогнал рукой возле себя дым:

– Вот что, дорогой. Государство на тебя деньги потратило. Ты в институте чье-то место уже занял, так что давай доучивайся. После окончания как молодой специалист по распределению работаешь в школе положенное – хоть физику, хоть математику отучительствуешь – ну, а потом уже решай. Может быть, к тому времени прочувствуешь свою профессию, многое поймешь, передумаешь.

– А если не пойму? Не передумаю? То есть просто взять и выбросить на ветер несколько лет своей жизни? Ты же сам учил меня жить в ладу с самим собой!

– Я много чему тебя учил! И сейчас скажу то, что умные люди давно поняли: никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

– Нет, я точно знаю, что не хочу быть школьным учителем.

– А ты через «не хочу»! В жизни многое приходится делать через «не хочу»!

– А я не буду! Не пойду больше в институт. Я решил!

Мама тихо спросила:

– Катя знает?

– Нет, еще ничего ей не говорил.

– Сынок, тебя же отсрочки лишат. В армию заберут!

– Пусть лишат, пусть заберут. Папа же отслужил свое...

Эта мысль показалась ему просто спасительной. Уйти в

армию: и долг перед Родиной отдать, и переждать, все обдумать, перерешать...

Отец раздраженно начал гасить папиросу в пепельнице:

– Папа отслужил. Тогда все по-другому было... Он решил! Его одели, воспитали, а он решил! Вот что, сын!

– Да, папа.

– Если ты такой самостоятельный, если ты с нами не считаешься, то какой же ты тогда нам сын?

– Я считаюсь...

– Считается он... Хорошенько подумай! Если бросишь институт, то ты и не сын мне вовсе! И делать тогда тебе в этом доме нечего! Собирай вещи, и вот – бог, вон – порог! Живи где хочешь, занимайся чем хочешь. Голодать, мерзнуть не будешь: денег я тебе на первое время дам, а там...

– Петя! – Вырвалось у матери.

Зашевелилась во сне Лиля.

– Тихо, мать! – Вполголоса прикрикнул отец. – Я тоже так решил! – Потом еще больше смягчил голос. – А если считаешь себя нашим сыном, то иди ложись спать, успокойся, утро вечера мудренее. Подготовишься, сдашь остальные экзамены нормально, будешь дальше учиться и станешь хорошим педагогом. Которым мы с матерью будем гордиться. Все! Марш в кровать!

Алексей молча зашел в свою комнату, прикрыл за собой дверь.

– Вот так вот, мать! – Сказал отец, снова берясь за папи-

росину. – Все будет хорошо, и ты ложись спать!

Но мать не поднималась с дивана, продолжала гладить ножки Лилии и смотрела на дверь в комнату Алексея:

– Думаешь, лег? Магнитофон вроде не включил...

– Не волнуйся, глупостей не наделает.

– Я схожу посмотрю.

– Сиди.

– Нет, я схожу.

– Сиди, говорю! Не маленький, переживет.

– Он же всегда с нами соглашался. Никогда против не шел.

– Вырастили добром на свою голову. Как ты и хотела! Пороть надо было! Пороть! Как шелковый бы был...

– А ты шелковый?

– Я?! Я, мать, я... – Махнул рукой и глубоко затынулся «Беломором». – И что дальше из него вырастет?

Мать еще немного погладила Лилию по ножкам, потом решительно встала:

– Нет, Петя, я посмотрю!

Дверь в комнату сына распахнулась сама. Алексей вышел с сумкой на плече и синей папкой под мышкой:

– Я ухожу!

– Куда же ты пойдешь на ночь глядя, там так метет! – Ужаснулась мать.

Отец появлению сына как бы и не удивился:

– Он же самостоятельный, все сам решает. Пусть идет куда хочет!

Алексей посмотрел на мать, готовую в него вцепиться, не пустить:

– Не волнуйся, мам, я к тете Дусе пойду.

Сын быстро накинул на себя в прихожей зимнее пальто, переделанное из старого отцовского, кроличью шапку, влез в утепленные ботинки. Услышал, как глава семейства недовольно пробурчал:

– И папочку свою синюю прихватил... Стой, мать! Никуда не денется, соплей на кулак наматает, вернется!

Скорее понял, чем разобрал, что заплакала мама. Кажется, проснулась Лиля. Второй раз за вечер на глаза Алексея навернулись слезы. Ему было очень жаль своих родных, но он закусил губу и решительно шагнул за дверь.

«Отец ничего не имеет против»

Алексей шел по улице, низко наклонив голову, чтобы снежинки не били в глаза. Дорогу к тете узнавал по углам домов, поворотам. Нужно было миновать несколько дворов и внутренних улиц района. Тетя жила в самом последнем доме перед пустырем, за которым начинался хлипкий лесок.

Он не положил синюю папку в сумку – боялся помять, а теперь опасался, что в нее набьется снег: картон, бумага намокнут. Засунул за пазуху, крепко прижал к себе и мысленно напоминал: первым делом открыть, продуть, просушить.

Тетя не удивилась появлению племянника на пороге. Сестра отца и семейство Годиных дружили. Она возилась и с Алексеем, и с Лилей, когда их было не с кем оставить. Племянник часто забегал к тете поболтать, попить чая со сгущенкой, которую добросердечная родственница приберегала специально для него и его сестренки. Тетя всегда с готовностью выслушивала детские жалобы и обиды, никогда не осуждала за проказы, лишь качала иногда головой и вздыхала, крепко прижимая к себе маленьких.

– Теть Дусь, я поживу у вас немного? – Спросил он, стянув с себя пальто и сбросив ботинки. Осторожно раскрыл синюю папку – снег в нее не попал.

Тетушка, ни о чем не спрашивая, пожала плечами:

– Живи сколько хочешь.

Муж тети Дуси погиб, его портрет стоял на комодe за семью голубыми фарфоровыми слониками. Детей не случилось. Любовника не завела. Жила в однокомнатной квартире с дощатым крашеным полом. Спала в углу на кровати с панцирной сеткой и блестящими шариками на спинке. Их очень любили скручивать и катать по полу маленькие племянники.

Тетя Дуся была уже в ночной рубашке:

– Голодный?

– Нет.

– Тогда давай спать.

Можно было уложить Алексея на диван, но тетушка знала, что он очень любит толстую пуховую перину, раскладываемую прямо на полу. Это было ее приданое. Доставала перину из шкафа редко. Только если несколько гостей оставались ночевать или, как сейчас, специально для Алексея.

Быстро разделся, лег, вытянулся во весь свой средний рост, тяжело вздохнул. Закрыл серые глаза и тут же уснул. Ему ничего не снилось.

Когда проснулся, тети Дуси дома не было. Она работала техничкой в школе по соседству и уже убежала, чтобы успеть помыть полы до начала уроков.

Алексей нашел в железной эмалированной хлебнице черствый «Бородинский», в маленьком холодильнике «Саратов» 1953 года выпуска – масло «Крестьянское» в хрустящей бумажной упаковке. Подогрел на газовой плите воду в синем чайнике со свистком. Тем и позавтракал.

То, что не нужно было ехать в институт, грело душу. Но что-то следовало делать. Он не собирался жить за счет тети или рассчитывать на деньги отца до тех пор, пока не заберут в армию, в которую заберут обязательно: у него нет ни проблем со здоровьем, ни теперь и институтской отсрочки. Но пока нужно устраиваться на работу. Мотаться каждый день из Дальнедорожного в Москву на электричке, как это делал во время учебы в педагогическом из-за отсутствия мест в общежитии, не хотелось. Вот пешком, как мать, и отец, и многие соседи, ходить на работу – это другое дело.

Еще до того, как объявил свое решение родителям, Алексей подумывал о керамическом заводе. Вполне приличное предприятие, но на нем работал отец. В дворники или магазинные грузчики идти не хотелось – слишком на виду, стыдно перед знакомыми. «Няней к маме в детский сад? Маменькин сынок...»

Еще имелось железнодорожное депо, но керамический завод был и ближе, и интереснее. Вздохнул: в своем районе они с отцом так и так будут сталкиваться, а на заводе можно ведь и просто на другом участке работать.

У проходной висела доска «Сегодня требуются»: «Комплектовщик, сварщик, инженер-технолог, лаборант, электрослесарь, учетчик, весовщик, кладовщик, такелажник, машинист погрузочной машины, главный энергетик, водитель грузового автомобиля, помощник мастера...» Взгляд Алексея равнодушно скользнул по «инженеру-технологу» и

«главному энергетик» – не по зубам. На «электрослесаря», «сварщика», «весовщика», «кладовщика» также явно не хватало квалификации. Он мог рассчитывать разве что на «такелажника». Звучит благородно, и это вроде как не совсем уж простой грузчик.

В отделе кадров тетенька в больших очках и синей вязаной кофте сразу поинтересовалась возрастом, спросила строгим голосом:

– Есть восемнадцать?

– Недавно исполнилось. Вот паспорт...

Задала еще несколько вопросов и попросила подождать за дверью. Снова позвала:

– Нарядчиком пойдешь? Ты же человек грамотный, среднее образование есть, даже в институте учился...

– А?..

– А больше для тебя ничего нет.

Уже позже догадался, что кадровичка, узнав фамилию, звонила в цех отцу и обсуждала с ним трудоустройство сына. Хотя Алексей и не очень себе представлял, что это за работа такая – нарядчик, но деваться было некуда: согласился.

Обо всем договорившись в отделе кадров завода, поехал в институт, чтобы забрать документы. Однако их ему не отдали:

– Молодой человек, не торопитесь. Все в жизни совершают ошибки, может, быть еще передумаете...

– Не передумую!

– Ну не спешите же! В армии у вас будет время подумать. Очень возможно, что передумаете. Не вы первый и не вы последний, кто бросал учебу. Но многие после армии возвращаются повзрослевшими, помудревшими, становятся отличными студентами, а в дальнейшем – и замечательными учителями.

– Я не хочу быть учителем!

– Не горячитесь! Вам ведь сейчас не нужен аттестат об образовании?

– Нет, на работе не требуют.

– Вот пусть он у нас и полежит два года. Оформим вам перерыв в учебе в связи с прохождением срочной военной службы: все чин по чину. Подумаете там себе на плацу или в окопах. Захотите потом – будете учиться дальше, не захотите – заберете свой аттестат: никуда он не денется...

Спорить еще и с институтскими Годину не хотелось. Тем более что, действительно, его же никто не принуждает учиться в этом институте после армии, и что там будет у него в голове через два года, один бог знает.

На обратном пути сфотографировался на пропуск («черно-белая, три на четыре, с уголком») и через несколько дней уже смело миновал заводскую проходную, предъявляя новенькие «корочки» с указанием должности – «нарядчик». То, что это женская профессия, узнал в первый же день от взрослых мужиков-работяг:

– Алексей, говоришь? Тут обычно Зои-Маши работают...

Смотрели они на него сверху вниз, что было не очень приятно. Однако подсмеивались не сильно злобно, потому что ошибка Алексея могла дорого им обойтись. Он выписывал наряды на работу, в которых указывал в том числе и стоимость производимых технологических операций. Мастер Григорич, оказавшийся старым добрым знакомым отца, подробно все объяснил и похвалил через несколько дней:

– Молодец, быстро схватываешь!

Работа была незатейливая и непыльная. Заполнял наряды, потом их раздавал-разносил исполнителям. Между делом прогуливался по территории завода и с любопытством разглядывал, как сырье, минуя несколько технологических этапов, превращается в конечные изделия, в том числе в облицовочную плитку. Было понятно, что все на керамическом производстве не так просто, как кажется, все продумано умными людьми. Годин не мог удержаться и расспрашивал рабочих: какие глина и вода идут в дело, откуда их берут, что добавляют, как смешивают, как обжигают и закаляют.

– На мое место метишь? – В шутку спросил заметивший интерес парнишки оказавшийся рядом инженер-технолог Драгунов.

– Нет, что вы, – засмутился Алексей. – Так, любопытно...

Вечером, после работы, когда он восторженно рассказывал Кате о том, как в глину добавляют кварцевый песок, полевые шпаты или карбонаты, та начинала зевать:

– У меня дома отец про эти шпаты недовазенные все вре-

мя бухтит. А тут ты еще! Пойдем лучше сегодня в Дом культуры на «Анжелику»! Новая серия!

– Пойдем, конечно! Не «Карнавальную ночь» же с Гурченко и родителями по телеку смотреть.

– В пятый раз!

– «Кубанских казаков»!

– «Свинарка и пастух»!

– «Иван Бровкин на целине»!..

Они шли в Дом культуры то на Жана Маре, то на Челентано, то на Раджа Капура, а еще на синего «Фантомаса», на «Высокого блондина в черном ботинке», на «Зиту и Гиту». Иногда на новый советский фильм, но чаще в Доме культуры показывали индийские с двухсерийными песнями и плясками.

После кино Алексей провожал Катю домой. Расчувствовавшись от очередного фильма, она то молча вдохновенно щелкала семечки, то, немного фальшивя, напевала:

«Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой,
Зачем, зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?..»

Или:

«Ой, цветет калина в поле у ручья,
Парня молодого полюбила я,

Парня полюбила на свою беду,
Не могу открыться, слова не найду...»

Дойдя до ее дома, долго стояли на первом этаже подъезда под лестницей у батареи. Тискались, целовались взахлеб. Отпрянывали друг от друга, когда кто-то выходил из подъезда или, наоборот, входил в него. Проводить время вместе им больше было негде. На улице холодно. Дома чинно беседовать с нервно переглядывающимися родителями не хотелось. Друзей со свободной квартирой не имелось. Дом культуры после вечернего сеанса закрывают. В районные рестораны и кафе – не по карману, да и мест в них все равно нет, туда не каждый и с деньгами прорвется: надо иметь знакомого официанта или метрдотеля. «Стоячие» столики в помещении кулинарии при «кабаке» прочно оккупированы работягами, не спешащими возвращаться после окончания смены к семье, cedящими очередные двести грамм портвейна «Агдам» под конфетку «Ласточка», увязшими в вечных пьяных разговорах: «Нет, вот скажи: ты меня уважаешь?..»

С Катей они учились в параллельных классах школы. Жили в соседних домах. Так что, когда Алексей, не желая отставать от других пацанов, начал прикидывать, с кем бы ему «задружить», долго не раздумывал. Катя уже была по-женски очень развита: мощные бедра, обещавшие нарожать десяток ребятишек, и объемная грудь, чтобы всех их выкормить. На нее заглядывалось немало парней, и как-то раз

Алексею – не самому сильному, но и не самому слабому – пришлось подраться так, что даже сломал руку. Месяц ходил в гипсе, но девушку свою отстоял. Между прочим, мирно победил Валерку – своего приятеля еще по детскому саду. Тот с восьмого класса играл на танцах в ансамбле Дома культуры. Пилил на соло-гитаре и иногда, когда всем уже не хотелось в сотый раз слышать «Поспели вишни в саду у дяди Вани», пел «Отель Калифорния», «Герл» или даже «Джулай морнинг». Валерка был высоким, стройным парнем, запросто выплевывавшим иностранные слова:

«Из зе энибади гоинг ту лисен ту май стори
Ол эбаут зе герл ху кейм ту стей...»

Он еще и прифарцовывал – с хорошим барышом перепродавал неизвестно откуда попадаемый к нему «импорт»: жевательную резинку Wrigley's Spearmint (рубль пластинка), полиэтиленовые пакеты Marlboro (пять рублей за штуку), фирменные «пласты» The Beatles, Pink Floyd, Black Sabbath (месячная зарплата инженера за один диск)...

Многие девчонки бегали за Валеркой. Катя, было дело, к нему приглядывалась, и ему она нравилась. Но Валерка после школы собирался поступать в техникум, а Алексей – в институт.

Годины-старшие вполне одобряли выбор сына – «хозяйственная девочка», а вот ее родители, кажется, были не

слишком довольны: иногда проскакивало у них – «больно умный». На что дочь всегда резонно отвечала: «Так и я не дура вроде бы, не на помойке себя нашла».

Чем больше Алексей и Катя взросли, тем меньше разговаривали и тем больше целовались, обнимались. Она, перебирая его кудрявые с бронзовым отливом волосы, позволяла все. Кроме одного: «Вот это только после свадьбы...»

А про свадьбу уже думали и родители Алексея, и родители девушки, все чаще заговаривала сама Катя. Теперь она училась на кондитера в профтехучилище и частенько приносила оттуда «профильные» новости:

– Ленка Огарева, ну, ты помнишь ее – худющая, как гоночный велосипед, замуж выходит. Вроде по любви, не по залету. Представляешь, им после подачи заявления в ЗАГСе дали приглашение в магазин «Гименей». Там такие костюмы, рубашки, свадебные платья, туфли, колготки можно купить! Все дефицит сплошной и без очереди...

Родители и Кати, и Алексея откладывали с зарплаты деньги:

– Свадьба – штука недешевая. Гостей, конечно, не очень много будет, но все должно быть честь по чести... Да, надо предусмотреть денег и на коляску, пеленки-распашонки... Еще решить, где, на что жить будут, студенты...

Про свадьбу думали все, кроме Алексея. Он как-то и во все забывал о ней, когда в институте с однокурсницами спорил о «Как закалялась сталь», о «Романсе о влюбленных», о

роли личности в истории...

Про свадьбу размышляли до того, как он бросил институт. Когда о новости узнали Катины родители, спросил ее:

– Что твои думают?

– То, что из института ушел, вроде спокойно пережили. Отец, правда, обозвал дураком, потому что отсрочку потерял и в армию пойдешь. Но одобрил, что на керамический устроился: там и зарплаты хорошие, и квартиру со временем должны дать, если туда же потом вернешься. А вот свадьбу и... все такое... ты же понимаешь, придется отложить... На два года.

– Понимаю. Придется, – сказал он и, как в последний раз, впился в пухлые, податливые Катины губы.

Нацеловавшись и наобнимавшись, разгоряченный, шел ночевать к тете Дусе. Только теперь вдруг заметил, как плохо живет его родственница. Дешевая, раз-два и обчелся, мебель. Старенький телевизор «Рекорд», каналы которого вместо рассыпавшейся ручки давно уже приходилось переключать с помощью пассатижей. Стены без обоев: по белой известке накатан валиком рыжий рисунок «листопад». На полу домотканая пестрая тряпичная «дорожка». Из-за пустоватых комнаты, кухни, ванной казалось, что в квартире холоднее, чем на самом деле. Но и на самом деле весьма ощутимо дуло из незаделанных щелей в оконных проемах. Сгущенка как-то очень быстро закончилась, голубовато подсвечиваемый изнутри холодильник был таким же пустым, как и

кухня. Ши тетя Дуся варила без мяса – капуста да картошка.

Алексей вспоминал, как заботились дедушка и бабушка о «замечательном корнеплоде» в Потаповке:

– Спасибо Петру первому, что завез сей продукт в Россию. С картохой любые времена пережить можно, прокормиться с огорода, даже если ни денег, ни просто хлеба нет...

Новыми вечерами Алексей подолгу не мог уснуть. То возвращался мыслями к институту, то улетал ими к неведомой армии: что его там ждет... А то прислушивался: сквозь тонкие стены было хорошо слышно, что делают соседи. До него и дома частенько долетали отголоски чужой семейной жизни, усиливающиеся во время ссор, но за этой стеной люди не ругались, а просто так жили. Каждый вечер мужской голос орал одно и то же:

– Опять все холодное!!!

В ответ ему визгливое постоянное:

– Ты же сам с порога велел стол накрывать!!!

И еще голос потоньше, как на прокручиваемой снова и снова магнитофонной записи:

– Хватит уже! Разорались! Есть давайте!.. Хватит уже! Разорались! Есть давайте!.. Хватит уже! Разорались! Есть давайте!..

Проваливаясь в сон, вспоминал, что нечто подобное заставал и у Кати дома. Не придавал тогда значения...

Через несколько дней к нему на работе зашел отец, протянул:

– Вот деньги!

– Мне не нужно!

– До зарплаты еще не близко. Бери! Отдай половину Дусе: она тебя кормит, за свет, газ платит... Куришь?

Он уже полгода покуривал тайком от родителей – маме очень не хотелось, чтобы он дымил, как то и дело кашляющий отец. Алексей удержался от этой привычки в школе, из принципа не разделял страсть к табаку своих уже вовсю смолющих друзей детства в Потаповке. А вот в институте прирастал под кофе с интересными разговорами и интеллигентными барышнями в очках, совместно дышали синим дымом.

Ответил с вызовом:

– Курю!

– Раз куришь, не проси у других, не «стреляй», не побираться – ни себя, ни меня не позорь. Свое курево надо иметь! Покупай!..

У проходной почти каждый день встречала с сумкой грустная мама:

– Вот тебе кое-что из чистой одежды принесла. И вот еще, сынок, блинчики! И как ты, как ты без нас?

К тете Дусе забегала Лиля:

– Лешик, возвращайся уже! Без тебя дома тихо и скучно. Папа в газете сидит и курит, курит. Мама на кухне – и плачет, плачет...

Так продолжалось две недели. Но в начале третьей, в оче-

редной раз встретив сына у проходной, мама светилась радостью. Цепко ухватила Алексея под руку:

– Все, пошли домой!

– Не пойду!

– Пойдем, сынок, пойдем!

– А отец?

– Отец ничего не имеет против.

– Так просто не имеет против?

– Я ему сказала, что сам виноват.

– Сам виноват?

– Ну, он же тебя так воспитал. Он же хотел, чтобы ты вырос самостоятельным. Идем, хватит по чужим домам ошиваться!

«Блудный сын» снова оказался дома. С узбекским ковром на полу в гостиной и румынской мебельной стенкой вдоль ее стены. С отечественной кухней «рогожка» на кухне. С набитым припасами холодильником: когда удавалось, всего покупали много и впрок. Алексей ел материны борщи со свиной, уминал голубцы с рисом и говядиной, запивал компотом из киргизских сухофруктов и не хотел обратно к тете Дусе.

Этого в семье никто не хотел. Снова, как и раньше, вечером выходного дня все вместе лепили пельмени: наморазивали полную морозилку, чтобы, когда концу недели закончится огромная кастрюля борща, плова или макарон по-флотски, можно было за пять минут приготовить вкусный и

сытный ужин.

Отец, чертыхаясь из-за попадающихся, стопорящих работу косточек, крутил фарш на ручной мясорубке. Мама месила крутое тесто. Алексей его раскатывал. Лиля мастерила первый секретный «счастливый пельмень», который потом затеряется среди пары сотен других слепленных уже всей семьей в восемь рук и найдется сваренным у кого-то во рту:

– Сегодня «счастливый» с перцем!

Или:

– С копеечкой!..

Пока лепили, пели на четыре голоса.

То:

«Один раз в год сады цветут,
Весну любви один раз ждут.
Всего один лишь только раз
Цветут сады в душе у нас.
Один лишь раз, один лишь раз...»

То:

«Я живу на границе, где полярная мгла,
Ветер в окна стучится, путь метель замела.
К нежной ласковой самой письмецо свое шлю,
Мама, милая мама, как тебя я люблю...»

А то:

«Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему?...»

На душе у Алексея было одновременно и спокойно, и беспокойно. Вроде, как обычно, будними вечерами вся семья собиралась за ужином, делилась новостями и мелкими радостями дня. Но то неожиданно хмурился отец, то мать смахивала со щеки беспричинную слезинку. Лиля рисовала в альбоме на фоне синего неба огромный черный танк...

Продолжали встречаться с Катей. Она то была очень нежной, то раздражалась из-за пустяков. Неделя бежала за неделей. А потом из военкомата принесли повестку.

Получив ее, Алексей первым делом раскрыл синюю папку, перечитал все снова, хотя, казалось, уже давно выучил наизусть. Завернул свое сокровище сначала в газету, потом в целлофановый пакет и засунул поглубже в письменный стол: как ни хотелось, с собой ее не возьмет – дома будет сохранней.

Достал с антресолей свой зеленый брезентовый вещмешок, в котором, как и в отцовском, на случай войны или тюрьмы было все необходимое: миска, ложка, кружка, зубная щетка, мыло, спички, смена белья...

На проводы у Годиных, как полагается, накрыли большой стол. Собрались гости. Тетя Дуся со слезами на глазах обня-

ла, поцеловала, подарила «на дорожку» носовой платочек. В нем – синяя пятирублевка.

Катя пришла с родителями, которые оказались у Годиных в первый раз. Они внимательно и, кажется, с некоторым разочарованием осмотрели квартиру: «Да, не больше, чем у нас...» Подарили платочек – красный «червончик».

Было несколько одноклассников и одноклассниц. Не было друзей. Алексей ни с кем особо не дружил в Дальнедорожном. Настоящие друзья имелись только в Потаповке: Митяй, Андрюха, Николай. Их самих сейчас также должны были провожать в армию.

Конечно, пришел Валерка, который, как и задумывал, учился теперь в станкостроительном техникуме и продолжал играть в ансамбле на танцах. Он имел отсрочку от армии и несколько взрослых поклонниц, с которыми распивал то шампанское «Советское» за шесть пятьдесят, то вино «Яблочное» «по рупь семнадцать».

Мать металась с закусками и горячим с кухни в гостиную и обратно. Отец, сидящий рядом с родителями Кати, курил одну папиросу за другой. Голубоватая водка «Пшеничная» по четыре сорок две лилась в рюмки, из рюмок опрокидывалась в рты, закусывалась теми самыми хрустящими зелененькими, а еще соленой капусткой, сочными маринованными помидорчиками, жареной курицей.

Алексею желали достойной службы и своевременного возвращения домой. Он тоже уже выпил изрядно, но его сму-

щали не беспокойные глаза матери, а взгляд Валерки, сидящего напротив них с Катей. После нескольких рюмок тот вроде как перестал замечать виновника торжества и все время пялился на упущенную им когда-то подругу. Так и елозил взглядом по всей могучей Катиной форме, даже когда взял в руки принесенную гитару и запел:

«Велкам ту зе хотел Калифорния
Сач э лавли плейс, сач э лавли плейс...»

К такому интересу со стороны представителей своего пола Алексей вроде бы уже давно привык, но его задело то, что Кате сегодня, как показалось, понравился этот взгляд с другой стороны стола:

– Ты чего на него так смотришь?

– Вот еще! Ни на кого я не смотрю! Это тебе из-за водки кажется...

Наконец подвыпившие гости спели под Валеркин аккомпанемент:

«Через две зимы, через две весны
Отслужу, как надо, и вернусь...
Только две зимы, только две весны
Ты в кино с другими не ходи!»

Стали расходиться. Попрощавшись со всеми, Алексей увлек Катю к себе в комнату, обнял, прижал к двери, дыхнул

водкой:

– Будешь ждать меня?

– Конечно!

– Два года?

– Что ж делать...

Она была притихшей, необыкновенно ласковой в этот вечер. Даже как будто не возражала против «этого». Только тихо заметила, когда он начал стягивать с нее одежду и дошел до синего нижнего белья:

– Может, не надо? Тебе же спокойнее там будет...

Несмотря на буруевающее его желание, Алексей согласился:

– Будет спокойнее.

Проводил ее домой. Снова долго целовались. Прямо под дверью ее квартиры, из которой кто-то смотрел в глазок.

Когда вернулся, в убранной квартире было тихо. Лиля спала. Отец, кажется, тоже. Только мама дождалась, обняла:

– Надеюсь, сынок, что ты все правильно решил, что не пожалеешь...

– Не пожалею!

– Не могу представить, как же мы без тебя... Как ты без нас...

Вспомнил каникулы в Потаповке, пионерской лагерь от керамического завода:

– Мы же и раньше расставались.

– Но не на два года! – Заплакала.

– Ну, мам! Все будет хорошо...

Был ли он в этом уверен? Про армию рассказывали разное. В книгах и на уроках в школе прославляли подвиги советских солдат. По телевизору показывали мощь отечественного оружия. Отслужившие же знакомые парни только усмехались, качали головами:

– Армия – это такая школа жизни...

Некоторые добавляли:

– Которую лучше пройти заочно.

Воевавший на Северо-Западном фронте дед Семен из Потаповки, когда внук бывал в деревне, ничего не рассказывал про армейские годы. Бабушка Зоя обычно оттаскивала Алексея от него:

– Лешенька, ну чего пристал? Видишь, не хочет дед об этом говорить.

Отец же теперь в ответ на его расспросы сначала повышал голос:

– Не хотел учиться в институте, так узнаешь, какова она – солдатская жизнь! – Потом смягчался и как мог серьезно объяснял, напутствовал: – Армия – это такая нелегкая работа... Следи за собой. Будь аккуратным. Не отставай, но и вперед сильно не суйся. Ни перед кем не пресмыкайся и никем не помыкай, не подличай, оставайся человеком. И помни, что бы ни случилось, это все равно пройдет. Понял?

– А что может случиться?

– Неважно. Но и это пройдет. Понял?

– Понял.

Уже с улыбкой:

– Знаешь, какая главная заповедь солдата?

– Какая?

– Держись подальше от начальства и поближе к кухне.

Уяснил?

Алексей кивал:

– Уяснил. – И уточнял: – А этого всего достаточно?

Отец пожимал плечами и вздыхал:

– В мое время было достаточно. Как там сейчас, не знаю.

В армии, наверное, как и в жизни, все постоянно меняется.

Так что будь готов ко всему...

– К чему «ко всему»?

– Ко всему!..

Хочется спать и есть!

Их долго везли на поезде. Мелькали за окошком березы и сосны, голубоватые поля, уходящие за горизонт. Мало кто смотрел на то, что «за»: вагон раскачивала пьянка. Призывники прощались с гражданской жизнью водкой, вином, пивом, дикими воплями и завываниями под гитару, а также кровавыми соплями из разбитых не по злобе носов.

Выгрузили в Хабаровске. Пересадили и повезли дальше. Прошелестело:

– Танковая учебка... Будем танкистами... Ага, как «Четыре танкиста и собака»...

Алексей почему-то вспомнил огромный черный танк в альбоме сестренки.

Отобрали все гражданские вещи. Прогнали через баню, не дав толком помыться. Выдали непоразмерную форму. Бегом повели в столовую. Бегом поели: теплая водица с листиком капусты, каша из капусты и несладкий компот, вроде бы из той же капусты. Два тоненьких кусочка хлеба.

«Двухъярусные» кровати в казарме. Потрепанные одеяла. Никто не жаловался: заснули мертвым сном.

– Рота, подъем!!! – Заорал какой-то идиот, и рослый сержант стал пинками сбивать молодых солдат с нижних коек, стряхивать, как орехи, с верхних.

Зарядка на улице. Невыспавшиеся, очумелые лица това-

рищей. Презрительный взгляд сержанта. Умывание по секундомеру, миска слипшейся синей овсяной каши и чай, отдающий содой.

Строчные занятия и, наконец, занятия в учебном классе. Кто-то безрассудно засыпает с закрытыми глазами и тут же получает подзатыльник от старшего «товарища». Кто-то научился дремать с открытыми, вставляя в них спички или вообще обходясь без «подпорок». Алексей изо всех сил пытался не схлопнуть ресницы и понять смысл пробивающихся к затуманенному сознанию слов: «Наводчик орудия танка обязан: знать вооружение танка, приборы прицеливания и наблюдения, постоянно содержать их в боевой готовности; знать правила стрельбы из орудия и спаренного с ним пулемета (правила пользования комплексом управляемого вооружения), уметь вести меткий и прицельный огонь на поражение противника с первого выстрела (безошибочно определять расстояние до цели, выбирать точку прицеливания, величину упреждения, правильно устанавливать исходные данные на шкале прицела, точно наводить орудие на цель и вовремя производить выстрел; систематически проверять состояние вооружения, прицельных приспособлений, механизмов заряжания и наведения, проводить их техническое обслуживание, немедленно устранять возникшие неисправности приборов и механизмов вооружения; помогать механику-водителю танка в проведении технического обслуживания и ремонта танка; знать обязанности командира танка

и, при необходимости, заменять его...»

Вечером в клубе части – фильм «Побег». Новобранцы, рассевшиеся рядами, как воронята на проводах, счастливо засыпают под рев самолетов, визг тормозов, ругань героических героев... «Сынок, блинчики!», «Леша, пойдем сегодня на „Анжелику“! Новая серия!», «Сынок, блинчики!», «Леша, пойдем сегодня на „Анжелику“! Новая серия!», «Сынок, блинчики!», «Леша, пойдем сегодня на „Анжелику“! Новая серия!»...

– Не спать! – Трясет за загривок не знающий куда деть свои силы сержант.

День второй. День третий. День шестой, как день первый. Суббота. Баня. Наряд вне очереди за задержку роты на десять секунд. Чистка уличного туалета с десятком очков. Кучи дерьма, наваленного в спешке мимо дыры. Смрад. Сквозь вытягиваемый в легкие синий дым сигареты напололам с товарищем.

Из разговора в столовой:

– Ты откуда?

– Наряд в сортире.

– То-то от тебя так воняет.

Даже два распределенных тоненьких кусочка хлеба, кажется, пахнут дерьмом.

Месяц первый. Все время хочется спать и есть!

– Подъем!.. На зарядку!.. На занятия!..

«Для успешного выполнения своих обязанностей навод-

чику необходимы следующие профессионально важные качества: дисциплинированность, исполнительность, ответственность, смелость и решительность, эмоционально-волевая устойчивость, самообладание и выдержка, находчивость, быстрое восприятие и понимание устной речи, быстрая реакция на движущийся объект, хороший глазомер, способность к оценке скорости и направления движения объекта, способность к быстрому выполнению сложных двигательных действий, точных и координированных движений обеими руками, способность длительно сохранять интенсивное внимание, несмотря на усталость и действие постоянных раздражителей, устойчивость к укачиванию, шуму, вибрации...»

Все расплывается в затуманивающихся глазах. Подзатыльник приводит в чувство. Ненадолго.

– Строевая подготовка!.. Выше ногу, выше, выше, вашу мать!..

Завтрак, обед, ужин: «За один год солдат столько съедает овсянки, что стыдно посмотреть лошади в глаза».

Какое счастье: наряд на работы вне воинской части. Новобранцы копают траншею. Подобревшие на воле сержанты дуют тайком прикупленное через гражданских пиво, позволяют перекуры и затариться пряниками в придорожном магазинчике с синей вывеской.

– Отбой!

Месяц второй. Или третий? Хочется спать и есть!

«Место наводчика: ...датчик количества зарядов, „туча“ –

дымовая завеса, подсветка азимута, „баллистика“ (переключатель типа снарядов: осколочный, бронебойный, кумулятивный), рукоятка ручного поворота башни, рукоятка подъема и опускания пушки, кнопка выстрела, педаль выстрела, кнопка пулемета, ночной прицел, рычаг стропления башни при транспортировке, стопор пушки...»

Присяга:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников...

Теперь солдата можно ставить на дежурство, в караулы, доверить оружие и судить военным трибуналом.

Месяц третий. Или четвертый? Хочется спать и есть!

– Подъем!.. На зарядку!.. На занятия!.. Годин, к доске! Показывай и отвечай!

– Для запуска пушки сначала запускаю привод, разогреваем полторы минуты... Джойстиком-«чебурашкой» поворачиваю башню... Запускаем зеркала, башня начинает фиксировать свое место в пространстве, и как бы ни поворачивал танк, башня будет смотреть в одну и ту же точку... Запуск червячной пары – пушка стабилизируется по вертикали... Запуск стабилизатора... Прогрев окуляра прицела от запотевания... Погодная поправка...

Наконец учебный полигон – поле с разодранным, превращенным танковыми гусеницами в месиво дерном. Имитация сложного рельефа местности, площадки фигурного вождения, площадки отстоя техники. Полоса препятствий: горка, макет колейного моста, поворот между столбами, водная преграда, надолба, еж, эскарп...

– Отбой!

Хочется спать и есть.

– Годин, в наряд!

Нет, не в столовую.

Глаза и желудок слипаются на посту. Глаза и желудок слипаются на занятиях. Слипаются невыспавшиеся, голодные синие строчки из присланных писем:

«Как ты сынок? Как спишь, как кушаешь? Что тебе прислать из дома? Не обижают ли тебя командиры или старшие товарищи?..»

«На заводе все путем. Григорич передает большой привет! Спрашивает, не вернешься ли к нему после армии...»

«Мальчишки мне завидуют. Федька вредный не верит что можешь покатать меня на танке ты же можешь? У меня выходит четверка математике путаю пирожки $7 + 8 - 11$...»

«Заходил Валерка, звал на танцы. Я канешно не пошла... Так хочется тебя обнять и целавать целавать...»

Хочется спать и есть.

Снова полигон. Макеты целей: орудие, танк, вертолет...

– Выстрел!.. Годин, куда! Куда, бл... ь! Палишь в белый

свет, как в копеечку!..

Смотр по строевой подготовке... Набили животы яблоками на разгрузке вагонов: всех несло ночь напролет. С утра снова полигон.

– Выстрел!.. Выстрел!.. Выстрел!.. Годин, бл... ь, молодец! Порядок в танковых войсках!

Окончание учебы. Радостные улыбки на лицах товарищей:

– Ура! В часть! Конец!

– Это только начало! – С ухмылкой бросают сержанты. – Вешайтесь, «духи»!..

Алексей уже знает: до присяги он – «дрыщ» («карантин» или «бесплотный дух»). После – «дух» («салага», «зеленый» или «еж»). Через полгода – «слон» («помоза», «шнурок» или «ворон». Через год – «черпак» («череп», «фазан»). Через полтора – «дед» («дедушка», «старик»). После выхода приказа об увольнении – «дембель» («гражданский», «квартирант»). М-да, «дембель» маячит где-то там за недостижимым горизонтом...

– Вешайтесь, «духи»!.. – С ухмылками встретили в части какие-то усатые и чубатые мужики в солдатской форме.

Построили в казарме роты десятков вновь прибывших:

– Добро пожаловать! Вываливай все из рюкзаков! Выворачивай карманы!

Отобрали все деньги, авторучки, блокноты, все, что представляло собой хоть какую-то ценность.

– Какой размер? – Прицелился на новые сапоги Година прыщавый ефрейтор.

– Сорок второй!

– То что надо: разувайся!

– Не понял!

Удар под дых сложил его пополам. Разогнулся и тут же получил в челюсть:

– Теперь понял?!

Алексей обвел глазами стоящих напротив, потирающих кулаки краснощеких, упитанных старослужащих. Глянул в сторону на опустивших глаза, осунувшихся в учебке синекожих одногодок и молча стянул свои сапоги. Взамен получил разбитые, со стоптанными каблуками.

Ужин в столовой части был не лучше, чем в учебке, но хотелось уже только добраться до своей кровати. Заснул мертвым сном. Его трясли, но в себя пришел только, когда сбросили с кровати:

– Просыпайся, «дух», тебя «дедушки» знакомиться зовут!

Не сразу понял:

– Какие дедушки? Куда зовут?..

В туалете их стояло семеро. В спортивных штанах, майках и кроссовках. С ухмылками и сигаретами в зубах:

– Привет тебе, Алексей Годин!

– Здравствуйте!

Тот, что стоял рядом, по-дружески положил руку на плечо, а потом неожиданно ударил другой рукой в скулу. Алек-

сей отлетел прямо на противоположного «дедушку», который выкинул кулак навстречу. От сильного удара в другую скулу на мгновение потерял сознание и осел на пол.

– Вставай! – Не успел толком открыть глаза, как почувствовал удар ногой в бок. От боли перехватило дыхание.

– Вставай, «дух», не прикидывайся! – Еще один удар ногой с другой стороны. Перед глазами пошли разноцветные круги. «Синий, красный, голубой – выбирай себе любой!..»

Послышалось, как из тумана:

– Пусть отдышится...

– Слабый «дух» пошел...

– Да меня, помнится, еще не так оприходовали по первости, кровью ссал неделю...

– Глаза открыл.

– Вставай Алексей Годин! Или тебе помочь?

Алексей подобрал под себя ноги и, держась за стену, поднялся. Его покачивало. Обвел взглядом ухмыляющихся «дедушек»:

– За что?! Что вам от меня надо?

– Знали бы за что, вообще убили бы. Слушай и запоминай, «дух»! Здесь отцы-командиры – это мы, «дедушки». Будешь слушаться нас и выполнять все, что скажем. Понял?

Алексей посмотрел на кулаки, плечи, бицепсы, вздохнул:

– Понял.

Последовал удар кулаком в грудь:

– Ты еще ничего не понял! Забудь про офицеров, они

в казарме временные гости, а мы – хозяйева, хозяйева твоей «духовской» жизни. Будешь жаловаться, сдохнешь здесь, захлебнешься по неосторожности в толчке. Понял?

– Понял.

Еще удар в грудь:

– Слушай до конца, «дух»! Жить хочешь?

– Хочу.

– Так вот: за каждый день жизни нужно платить. Ты откуда?

– Из Дальнедорожного. Московская область...

«Дедушки» переглянулись:

– Не повезло тебе – нет среди нас твоих земляков. Значит, будешь платить по обычному тарифу, но на первый месяц скидку сделаем. В конце месяца заплатишь... двадцать пять рублей.

– У меня нет таких денег! Вы же у меня днем последний рубль забрали...

Еще удар в грудь:

– Есть, нет – это никого не волнует! Попроси, чтобы родители выслали. Можешь что-нибудь из части упереть и продать в соседнем поселке. Там инструмент наш ценят, масло машинное, топливо... Можешь за забором и людей добрых просить, чтобы подали солдатику на пропитание. Сигареты, если дают, или бухло, бери – в зачет пойдут. Но, если тебя поймают вне части, сам за все будешь отвечать.

Годин помотал головой:

– Я не буду просить денег ни у родителей, ни у людей. И воровать не буду!

Удар в лицо – кровь брызнула на кафель:

– Платить чем-то надо! Не найдешь денег – каждый день будешь кровью расплачиваться!

Алексей утерся ладонью, непонимающе обвел «дедов» взглядом:

– А без этого нельзя?

Те весело переглянулись:

– Ну, отчего ж нельзя. – Пристально оглядели его снизу вверх: – Ну-ка повернись-ка кругом! Повернись, тебе говорят!

Алексей, пошатываясь, обернулся кругом. Услышал:

– Не красавец, конечно, но потянешь! Можешь задницей расплачиваться!

– Это как?

Прыщавый почесал рукой в паху и ослабил:

– Спустишь штаны и расплатишься!

Когда Алексей понял, чего хотят эти уроды, его бросило в жар:

– Нет!

Удары посыпались со всех сторон. С минуту ему просто не давали упасть. Тело все время натывалось на кулаки, колени, носки кроссовок, подлетало и подпрыгивало вверх.

Наконец он рухнул, прижался щекой к синей напольной плитке: «Может быть, с нашего керамического завода...»

Кто-то катнул его ногой. Алексей перевернулся на спину, открыл глаза. На него смотрел щербатый:

– Тряпка и ведро за дверью. Вытри кафель, пол и... думай, думай, Алексей Годин! За каждый день нужно платить! Чем – сам выбирай! До скорой встречи!

Они ушли. Алексей посидел немного на полу, пришел в себя. Нашел тряпку, смыл кровь с кафеля и с лица, пошел к кровати. Теперь уже долго не мог заснуть. Он не понимал, где оказался, почему, за что должен платить. Никому об этом не говорить или все-таки обратиться к командиру взвода, роты, части? Домой только ничего не писать об этом однозначно...

На утреннем построении дежурный офицер спросил Алексея:

– Солдат, что у вас с лицом? Откуда синяки?

Сзади кто-то из «дедов» ткнул кулаком в спину. Годин ответил:

– Поскользнулся и... о косяк, в общем.

– О косяк, говоришь? Осторожнее нужно быть, солдат, это армия... – Пошел себе дальше.

Весь день Алексей вместе со своими товарищами-«духами» бегал, знакомился с устройством части. Плац. Штаб. Санитарная часть. Учебные классы. Комната боевой славы. Синий красный уголок. Казармы. Танковые ангары. Мехчасть. КПП. Магазины-«чипок». Столовая...

Пустые завтрак, обед, ужин никак не могут утолить го-

лод. Денег, чтобы купить пряников в «чипке», нет. Годин, как и его молодые сослуживцы, с жадностью смотрел на «дедушек», достающих из особых тарелок куски мяса, на то, как они бросают не до конца обглоданные кости раскормленной до невозможности столовской собаке Маруське, которая не к каждой из них прикасается. Так хочется броситься на пол к этой косточке. И к той...

После отбоя по казарме ползет духан наверх на сапоги портянок. Он никого не беспокоит: разносится дружный храп. Но Алексею не до сна. Он ловил звуки, ждал, что за ним вот-вот придут. И точно, вскоре после отбоя со стороны туалета раздались шаркающие шаги. Они приближались. «Гонец» был все ближе и ближе, а Годин так ничего и не смог придумать ни за целый день, ни за эти минуты ожидания. Значит, снова будут бить. И сразу заныли притихшие было за день бок, челюсть, спина.

«Гонец» дошаркал до кровати Година. Алексей весь сжался в комочек под тоненьким одеялом. «Платить чем-то надо!». Об этом даже не хотелось и думать. Но думай – не думай, а его ждут. Несколько ухмыляющихся упитанных ублюдков...

Пища для ума

«Гонец», однако, прошаркал дальше. Остановился через две кровати. Алексей услышал знакомое:

– Просыпайся, «дух»!

И также знакомое, с южным акцентом:

– Э-э! Зачем просыпайся?!

– Тебя «дедушки» знакомиться зовут!

Это подняли Казаряна. Минут через сорок он, пошатываясь, вернулся и рухнул на кровать. Годин по-прежнему не спал. Ждал, что сейчас вспомнят и про него.

Однако ждал напрасно. Ни за ним, ни за кем-либо из других «духов» больше так и не пришли.

В следующую ночь все повторилось. Шаги снова прошаркали мимо. После отбоя подняли еще одного «молодого» – Зозулю. Алексея не вызывали, и он понял: садисты никуда не торопятся, с наслаждением обрабатывают каждую ночь по одному молодому солдату. Значит, до него снова очередь дойдет на десятую ночь. Если ничего особенного не случится. Если не объявят внезапные учения. Если в Восточной Сибири не случится мощное землетрясение или не грянет цунами.

Но ничего особенного не случилось. Каждый день полуголодный Годин строился, шел на строевые, политические занятия, а также и по боевой подготовке. Вместе с другими

«духами» выходил на грязные работы: убирал территорию части, мыл казарму, чистил и смазывал разные части своего, а то и чужого танка. Набивал шишки, зарабатывал подзатыльники и ссадины. По-прежнему хотелось есть и спать, но он все так же не мог сразу заснуть после отбоя. Дождался, когда уведут «на знакомство» очередного «духа»: осталось шесть ночей, пять...

Думал о том, что делать. Пытался как-то заговорить с товарищами по несчастью, чтобы объединиться, вместе дать отпор садистам, но никто его не поддержал, каждый, по-видимому, решил выживать поодиночке. Может, кто-то что-то и придумал, но Алексею ничего хорошего в голову не приходило.

Через пару дней ему повезло. Прапорщик спросил «дедов»:

– Надо мне одного сообразительного для разборки старой архивной комнаты. Там все бумаги сгнили и с крысиным говном смешались. Начальство наконец разрешило помещение очистить.

«Деды» сделали задумчивые морды и, как бы поразмыслив, ткнули пальцами в Година:

– У нас как раз есть интеллигент. В институте учился, – заржали. – В самый раз бумажкой по дерьму шуршать.

Прапорщик завел Алексея в синее помещение за штабом, забитое доверху ворохами желтой бумагой так, что не видно конца-края:

– Тут старые газеты и всякие сводки, документы, в общем. Отсюда все на вон ту площадку перетаскаешь и сожжешь. Вот лопата, тачка. Потом все здесь подметешь и вымоешь так, чтоб, как яйца у кота, блестело. Я здесь себе подсобное помещение устрою. Притащишь потом стол, ну, и кровать для важных дел. Покажу откуда... И быстро, быстро шуруй!

Годин взялся за ворохи бумаги. То тут, то там мелькал выцветший штамп «Для служебного пользования». Документы когда-то были в аккуратных стопках, вырезки из газет – в подшивках и картонных папках. Теперь все расплзлось, разваливалось в руках. Годин брал бумаги пластами и загружал в тачку, отмечая про себя даты: 1950 год, 1953, 1955, 1957...

Чем дальше, тем крепче была бумага. Буквы, слова на ней уже можно было разобрать почти без особого труда. Читать! Алексей полгода ничего, кроме устава и должностных инструкций, не видел перед глазами. Думал, мозг его просто засох и больше не требует никакой интеллектуальной работы. Ан нет! Глядя на неуставные фразы, ощутил адскую головную жажду. Даже забыл про животный голод. Хотелось читать, читать и читать!

Взгляд Година то и дело останавливался на блеклых строчках. Когда добрался до бумаг 1960-го, до года собственного рождения, Алексей не удержался, сбавил темп загрузки-разгрузки, выхватывая взглядом отпечатанные на бумаге буквы. Все, что было до него, было «неинтересное до

него». Наверное, каждый думает, что настоящая история человечества начинается только со дня его личного появления на свет.

Алексей читал и с восторгом чувствовал: в мозг потекла чудесная живительная «влага», без которой он непонятно как жил все последнее время:

«Жак Пикар и Дон Уолш на батискафе опустились на дно Марианской впадины, достигнув рекордной глубины 10 916 м...

Создана первая искусственная почка...

Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об организации в Москве Университета дружбы народов...

Первое испытание французской атомной бомбы в Сахаре. Франция становится четвертой ядерной державой мира...

Фотограф Альберто Корда сделал фотографию Че Гевары, которая разошлась по всему миру...

Певец Элвис Пресли уволен из рядов армии США...

В Швейцарии женщины получили право участвовать в муниципальных выборах...

В Тихом океане американцы подобрали четырех советских солдат, которые дрейфовали без еды и воды 49 дней. В пищу шло все, что хотя бы отдаленно напоминало съестное, – кожаные ремни, кирзовые сапоги, мыло...

Индейцы в Канаде получили право голоса...

В Японии поступили в продажу разноцветные фломасте-

ры...

Первую промышленную нефть Сибири дала скважина № 7...

В районе Свердловска сбит американский самолет-разведчик U-2, пилотирувавшийся Фрэнсисом Пауэрсом. Американской администрации пришлось признать, что ее разведывательные самолеты продолжают облетать на большой высоте советскую территорию для мониторинга военных приготовлений (раньше Вашингтон это отрицал). После появления у СССР зенитных ракетных комплексов С-75, способных поражать цели на высоте более 25 километров, и пленения Фрэнсиса Пауэрса шпионские полеты американцев прекратились...

Совет Министров СССР принял постановление „Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами“, в соответствии с которым с 1 января 1961 года предстоит провести деноминацию: 10-кратное уменьшение цен и заработков с введением „нового“ рубля, приравненного к десяти „старым“...

Советский гроссмейстер Михаил Таль стал 8-м чемпионом мира по шахматам...

Принят закон о постепенной отмене налога с заработной платы...

Торжественное открытие мемориала на Пискаревском кладбище в память подвига ленинградцев, выдержавших 900-дневную блокаду в годы Великой Отечественной вой-

ны. В братских могилах за годы войны было похоронено более 470 тысяч ленинградцев и 50 тысяч воинов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота. На Пискаревском кладбище 186 братских могил, большинство из которых безымянные...

В США поступили в продажу первые в мире противозачаточные пилюли...

Агенты израильских спецслужб захватили в Буэнос-Айресе нацистского преступника Адольфа Эйхмана и тайно вывезли его из страны. Он предстал перед судом и был казнен...

В СССР из Ленинградского электротехнического института связи им. Михаила Бонч-Бруевича проведена первая опытная цветная телепередача...

Американский физик Теодор Мейман построил и запустил свой первый твердотельный лазер...

В Москве открыт международный аэропорт Шереметьево...

В Саудовской Аравии женщинам разрешено получать образование...

Произошел официальный разрыв отношений между Советским Союзом и Китаем. Н. С. Хрущев обозвал Мао Цзэдуна сталинистом, тот обвинил советского лидера в ревизионизме. Из Китая отзываются все советские специалисты и технический персонал...

Провозглашена независимость Мадагаскара от Фран-

ции...

Конгресс США ввел запрет на импорт кубинского сахара. Куба национализировала принадлежавшие США сахарные заводы. Сахар стал поступать в СССР...

На Землю впервые вернулись запущенные в космос живые существа – собаки Белка и Стрелка. Они совершили космический полет на советском корабле „Спутник-5“ ...

На Белом море с подводной лодки Б-67 выполнен первый в СССР успешный прицельный пуск баллистической ракеты Р-21 из-под воды по боевому полю...

На XVII летних Олимпийских играх в Риме победу в марафонском беге одержал никому не известный эфиопский бегун Абебе Бикила, бежавший босиком...

Создана Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). В нее вошли Ирак, Иран, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла...

В США на воду спущен первый атомный авианосец „Энтерпрайз“ ...

Самую длинную речь в истории ООН произнес Фидель Кастро. Она длилась 4 часа 29 минут...

С конвейера автомобильного завода „Коммунар“ сошел первый „Запорожец“ – самый дешевый, „народный“ советский автомобиль, получивший за особенность конструкции прозвище „горбатый“ ...

На 15-й ассамблее ООН Н. С. Хрущев стучал ботинком по трибуне и грозился показать прогнившему Западу „кузькину

мать“...

Правительство США ввело эмбарго на торговлю с Кубой...

Взрыв опытной межконтинентальной ракеты Р-16 на стартовом полигоне в Байконуре. Погибло 74 человека...

В Чехии на большой скорости столкнулись два пассажирских поезда, погибло 110 человек...

За 1960 год в Африке образовалось 17 независимых государств. Миллионы людей получили свободу от колонизаторов „цивилизованного“ Запада – Португалии, Франции, Великобритании...»

Алексей читал с таким наслаждением, что на лбу выступила испарина. Заметил, что улыбается. Когда он улыбался в последний раз? Потом задумался над тем, что не обо всех этих событиях знает. Ведь он тогда только начинал жить. Ему еще ничего не нужно было, кроме материнского молока и ласки. А его страна тем временем гордо запускала в космос ракеты, осваивала цветное телевидение и ставила на место зарвавшиеся Соединенные Штаты Америки...

Вздрыгнул – за стеной раздались шаги. Годин тут же зашуршал газетами и документами. Но это просто кто-то прошел рядом. Алексей быстро загрузил, отвез еще пару кип желтых бумаг. Присел на входе в помещение так, чтобы видеть сквозь дверную щель всех направляющихся в его сторону, и снова принялся читать, читать:

«1961 год.

35-м президентом США становится Джон Кеннеди...

В Советском Союзе в сторону планеты Венера запущена автоматическая межпланетная станция „Венера-1“...

В Калифорнийском университете (США) открыт 103-й химический элемент – лоуренсий...

Далай-лама обратился в ООН с призывом восстановить независимость Тибета от Китая...

79-летний Пабло Пикассо женился на 37-летней модели Жаклин Рок...

На сцене ливерпульского The Cavern Club прошло первое выступление „Битлз“...

Президент США Кеннеди санкционировал начало военной операции против Кубы...

Музыкант Боб Дилан дебютирует в Нью-Йорке...

Первый в мире полет человека в космос, осуществленный Юрием Гагариным на советском космическом корабле „Восток“...

Первая передача телевизионной программы из Москвы в столицы стран Западной Европы по сетям „Евровидения“ и „Интервидения“...

В Антарктиде на станции Новолазаревская советский врач-хирург Леонид Рогозов сам себе вырезал аппендицит...

Фидель Кастро объявил, что на Кубе отныне не будет выборов...

Состоялся первый взлет боевого противолодочного вертолета Ка-25...

Советский гроссмейстер Михаил Ботвинник в матч-реванше победил Михаила Таля и вернул себе звание чемпиона мира по шахматам...

Беспилотный космический аппарат „Венера-1“ (СССР) впервые пролетел около Венеры...

XXII съезд КПСС. Новые разоблачения сталинизма. Принята программа построения коммунизма к 1980 году...

В СССР прошла первая телетрансляция матча футбольной сборной из-за рубежа (Польша – СССР)...

Последний рейс поезда класса люкс „Восточный экспресс“ из Парижа в Бухарест, курсирующего между Парижем и Константинополем (Стамбулом) с 1883 года. В разное время в „Восточном экспрессе“ путешествовали Франц-Иосиф, Елизавета II, Шарль де Голль, Агата Кристи и другие знаменитости...

Провозглашение независимости Южно-Африканской Республики от Великобритании...

При ликвидации аварии атомного реактора на глубине 180 метров на советской подводной лодке К-19 погибли 8 человек...

Первый полет первого советского экраноплана „СМ-1“ – своего рода гибрида самолета и глиссирующего судна. Экранопланы могут перевозить 200 морских пехотинцев или две единицы бронетехники на расстояние до 1 500 км на скорости до 350 км/ч...

В Израиль прибыл миллионный иммигрант...

Запущен космический корабль „Восток-2“, который пилотировал летчик-космонавт майор Герман Титов...

Германская Демократическая Республика закрыла границу между Западным и Восточным Берлином...

В СССР создана система Гражданской обороны...

В Торонто открыт Хоккейный зал славы. Цензом для возможного включения в Зал славы являются 500 сыгранных в НХЛ матчей для голкиперов и 800 – для защитников и форвардов вне зависимости от гражданства игроков...

Ученые обнаружили связь курения с заболеваниями сердца...

В Переяслав-Хмельницком открыт памятник в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией...

На Семипалатинском полигоне осуществлен первый подземный ядерный взрыв. В результате поверхность горы в районе взрыва поднялась на 4 метра, там же образовалось пылевое облако, вызванное камнепадом...

В Нью-йоркском музее современного искусства выставлена картина Анри Матисса „Лодка“. Только через два месяца кто-то обратил внимание на то, что картина висит вверх ногами...

В СССР взрыв самой мощной бомбы в мировой истории: 58-мегатонная водородная бомба („Царь-бомба“) была взорвана на полигоне на острове Новая Земля. В радиусе 100 км было выжжено все живое. Триста ненцев, живших на островах, переселили в Архангельск, в городские квартиры, и

предоставили им пенсии...

Тело Иосифа Сталина, восемь лет пролежавшее рядом с Лениным, убрано из мавзолея. Владимир Ильич остался в одиночестве...

Вышел в эфир первый выпуск программы КВН („Клуб веселых и находчивых“)...

Сталинград переименовывается в Волгоград (еще ранее – Царицын)...

Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о запрещении применения ядерного оружия...

США впервые оказывают прямую военную поддержку властям Южного Вьетнама в борьбе с партизанами: американский авианосец доставляет в Сайгон армейские вертолеты...

Генеральная Ассамблея ООН отклоняет предложение СССР о приеме в эту организацию Китайской Народной Республики...

Строители из Восточной Германии возводят Берлинскую стену...

Партийной организацией Московского отделения НИИ гидролизной и сульфатно-спиртовой промышленности исключен из партии Лазарь Моисеевич Каганович, после смерти Сталина возвращенный на пост 1-го заместителя председателя Совета Министров СССР, а в 1957 году объявленный членом антипартийной группы Молотова – Маленкова – Кагановича. Резолюция: „За злоупотребление властью,

нарушение социалистической законности, в результате чего погибло большое число ни в чем не повинных людей, за антипартийную, фракционную, раскольническую деятельность“...

СССР и Албания разорвали дипломатические отношения...»

1962 год Алексей не помнил, как и 1961-й. Снова чьи-то шаги. Еще пара тачек. Шаги стихли, и снова можно читать:

«1962 год.

Папа римский отлучил от церкви Фиделя Кастро...

Более 3000 человек погибли в Перу во время оползня...

Сбитый над территорией СССР американский пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс был обменен на советского разведчика Рудольфа Абея...

Трижды облетев Землю, Джон Гленн совершил первый американский орбитальный космический полет...

Президент США Джон Кеннеди ввел „Билль о правах потребителя“...

Никита Хрущев объявляет о том, что СССР обладает межконтинентальной ракетой...

В США прошла первая в мире передача телевизионного сигнала между городами через спутник...

В Лондоне, как устаревший вид транспорта, прекратили ходить последние троллейбусы...

Итальянский режиссер Федерико Феллини приступил к съемкам фильма „8½“...

В СССР цены на мясо, молоко, масло и яйца повышены на 25–30 %...

В Новочеркасске – фабричном городе неподалеку от Ростова-на-Дону – военные расстреляли демонстрацию рабочих, требовавших улучшения условий жизни и понижения цен. Погибли более 25 человек, более 85 были ранены...

В США Верховный суд принял решение о том, что обязательная молитва в муниципальных школах противоречит конституции...

Запущен первый коммерческий спутник связи – „Телстар“ (США)...

Состоялся первый концерт The Rolling Stones в Лондоне...

Кировский завод выпустил первый колесный трактор общего назначения повышенной проходимости К-700 „Кировец“, завоевавший главный приз на международной выставке в Париже...

Атомная подводная лодка „Ленинский комсомол“ достигла Северного полюса Земли...

Лидер организации Африканский Национальный Конгресс Нельсон Мандела заключен в тюрьму...

Ямайка стала независимой после существования в течение 300 лет в качестве британской колонии...

Музыкант Роберт Циммерман официально изменил свое имя. Новое имя – Боб Дилан...

Пит Бест изгнан из состава The Beatles, на его место при-

шел Ринго Старр...

Первый убитый при попытке перехода Берлинской стены...

Состоялся первый прямой телемост Европа – США...

В Новосибирске официально зарегистрирован миллионный житель...

Начало Карибского кризиса: Москва заявила, что непосредственная интервенция США против Кубы приведет к глобальному конфликту...

На Венецианском кинофестивале приза „Золотой лев святого Марка“ удостоен фильм Андрея Тарковского „Иваново детство“...

После 48 лет отсутствия в Россию с двумя концертами прибыл композитор и дирижер Игорь Стравинский. Перед этим, возможно, близость женатого музыканта и модельера Коко Шанель послужила стимулом для их творчества: Стравинский начал сочинять произведения в новом, более вольном стиле, а Коко Шанель создала знаменитый аромат „Шанель № 5“...

Фидель Кастро заявил, что СССР намерен создать на Кубе базу для своего рыболовного флота...

В результате военного переворота провозглашена Йеменская Арабская Республика...

Выпущен первый сингл группы „The Beatles“ – Love Me Do...

В Лондоне прошла премьера первого фильма о Джеймсе

Бонде „Доктор Нет“...

Американский самолет-разведчик обнаруживает советские ракеты на Кубе. Конфликт ставит весь мир на грань ядерной войны...

Первое выступление The Beatles на британском телевидении на канале TV Granada в передаче People and Places...

Никита Хрущев в личном послании к Джону Кеннеди согласился вывести с Кубы советские ракеты в случае отказа США от захвата Кубы...

Правительства Великобритании и Франции подписали соглашение о совместном создании сверхзвукового пассажирского самолета „Конкорд“...

Во время очередного провокационного полета над Кубой разведывательный самолет США сбит советской зенитной ракетой...

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев объявил о демонтаже советских ракет на Кубе. Окончание Карибского кризиса...

Великобритания подписывает с Индией Соглашение о поставках оружия для отражения китайской агрессии...

В Нью-Йорке при попытке уйти на новый круг в условиях тумана самолет Douglas DC-7B компании Eastern Air Lines задевает землю. Из 51 человек на борту погибают 25...

В Колумбии разбивается самолет Douglas DC-3 компании Tachader. Из 26 человек на борту погибают 24...

В Парагвае разбивается самолет Lockheed 049

Constellation компании Panair do Brasil. Все 50 человек на борту погибают...

В Польше после удара молнии разбивается самолет Vickers Viscount 804 компании LOT Polish Airlines. Все 33 человека на борту погибают...

Генерал Шарль де Голль распустил Национальное собрание Франции и назначил новые выборы...

Вышел очередной номер журнала „Новый мир“, в котором опубликована повесть Александра Солженицына „Один день Ивана Денисовича“...

Никита Хрущев, обходя выставку в Манеже, гневно обрушился на молодых художников: это послужило сигналом для травли творческой интеллигенции. Выставка уничтожена сотрудниками милиции при помощи поливочных машин и бульдозеров...»

Шаги. К нему явно шли. Алексей схватил лопату и заскреб ею по полу, собирая бумажную труху.

– Работаеть?! – Заглянул в помещение до синевы выбритый «прапор». Снял фуражку и почесал затылок. – М-да, накопили исторического дерьма! Секретного, бл... ь! Ну, работай, работай!..

Ушел.

«1963 год.

В Лос-Анджелесе открылась первая дискотека, называвшаяся Whisky-A-Go-Go...

На встрече с советской интеллигенцией глава СССР Ни-

кита Хрущев предложил поэту Андрею Вознесенскому эмигрировать из страны...

Китай аннулировал Айгунский договор с Россией от 1858 года, требуя от СССР земли назад...

Закрывается Алькатрас, знаменитая тюрьма в бухте Сан-Франциско (США)...

Для исследования и освоения Луны осуществляется запуск советской космической ракеты с автоматической межпланетной станцией „Луна-4“...

Уинстон Черчилль стал первым иностранцем, которому Конгресс США присвоил звание почетного гражданина США...

USS Thresher (SSN-593) – атомная подводная лодка ВМС США, головной корабль типа „Трешер“, погибла в Атлантическом океане во время проверки прочности корпуса на предельных для лодки глубинах (360 м) вместе со всем экипажем (129 человек)...

Великобритания предоставила политическое убежище советскому пианисту В. Д. Ашкенази...

Совместный концерт The Beatles и The Rolling Stones в Ричмонде...

В Москву впервые прибыл лидер Кубинской революции Фидель Кастро Рус...

Назначение Сукарно „пожизненным президентом“ Индонезии с титулом „великий вождь революции“...

Американские кардиологи объявили первую кампанию

против сигарет...

В Нью-Йорке прошла премьера фильма „Клеопатра“ с Элизабет Тейлор в главной роли...

Китай отказался признавать за СССР руководящую роль в мировом коммунистическом движении...

Стартовал „Восток-6“ с Валентиной Терешковой, первой женщиной-космонавтом...

В студии „Би-Би-Си“ в Лондоне впервые продемонстрирован бытовой видеомэгнитофон...

Почтовое министерство США ввело почтовые индексы...

Индонезия объявила, что переименовывает Индийский океан в Индонезийский океан...

Джеймс Мередит стал первым чернокожим выпускником Университета Миссисипи (США)...

Чтобы уменьшить риск случайной ядерной войны, между Москвой и Вашингтоном установлена „горячая линия“...

Советская атомная подводная лодка „К-181“ всплыла на Северном полюсе...

Вступил в силу Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой...

Пожар на космодроме Байконур в одной из боевых шахт ракеты Р-9. Погибло семь человек...

США производят ядерный взрыв на полигоне в Неваде...

В СССР запущен первый маневрирующий космический аппарат „Полет-1“...

Открыта обсерватория „Аресибо“ в Аресибо (Пуэрто Рико) с крупнейшим радиотелескопом...

В Южном Вьетнаме свергнуто правительство американской марионетки Нго Динь Зьема...

В Далласе убит президент США Джон Кеннеди...

Смертельное ранение при перевозке в другую тюрьму Ли Харви Освальда, единственного подозреваемого в убийстве президента США Джона Кеннеди...

Впервые для жителей Восточного Берлина разрешен проход через Берлинскую стену для однодневного посещения родственников в ФРГ...

На президентских выборах в США победу одерживает демократ Линдон Джонсон...

Пожар на греческом лайнере Лакония. Судно тонет, 150 человек погибают...»

Именно с 1963 года Годин начал помнить, что с ним происходило в жизни. Тогда, целых 15 лет назад, дедушка в Потаповке спросил его:

– Сколько лет тебе исполнилось сегодня, Лешенька?

Он гордо, как научила бабушка, показал на пальцах:

– Тли! Тли годика!..

«1964 год.

В США запущен спутник „Эхо-2“, установивший спутниковую связь между США и СССР...

На экраны кинотеатров Франции вышел фильм „Шербурские зонтики“ с Катрин Денёв...

Чемпион мира по боксу Кассиус Клей принял мусульманство и взял другое имя – Мухаммед Али...

Руководство фирмы IBM приняло решение о разработке и запуске в производство семейства ЭВМ System/360...

Лондонский Музей восковых фигур мадам Тюссо объявил, что члены группы „The Beatles“ станут первыми рок-музыкантами, чьи фигуры появятся в экспозиции музея...

На киноэкраны вышел фильм Георгия Данелии „Я шагаю по Москве“...

Американская летчица Джеральдина Мок приземлилась в Западной Германии, став первой женщиной, совершившей полет вокруг земного шара...

Начало выпуска автомобиля „Форд Мустанг“ – вместительного, комфортного и достаточно мощного, олицетворяющего самодостаточность владельца...

Основана советская фирма граммофонных пластинок „Мелодия“, выпускающая отечественные и лицензионные грампластинки формата миньон, суперминьон, гранд и гигант, цветные и гибкие. Скорость проигрывания грампластинок: 78, 33 и 45 об./мин...

Во главе американского хит-парада оказался джазовый исполнитель Луи Армстронг с песней Hello, Dolly...

При помощи СССР в Египте завершено строительство первой очереди высотной Асуанской плотины на реке Нил...

Первый полет советского сельскохозяйственного самолета Ан-2М...

Основана Организация освобождения Палестины...

На Волжском шинном заводе выпущена первая покрышка...

В Москве открыт памятник Тарасу Шевченко...

Создан пульт дистанционного управления телевизором...

В рамках программы НАСА „Рейнджер“ (США) получены первые фотографии Луны с близкого расстояния...

Замужние женщины в Квебеке (Канада) получили равные права с мужчинами...

В сенате США президент Линдон Джонсон подписал Акт о гражданских правах, предложенный его предшественником Джоном Кеннеди. Закон формально положил конец дискриминации на основе расовых, религиозных, половых или национальных признаков...

Хит-парад Англии возглавила песня „Дом восходящего солнца“ в исполнении группы The Animals...

Авиация США впервые бомбит Северный Вьетнам...

Реабилитированы немцы Поволжья, депортированные в Сибирь и Казахстан в 1941 году...

На телеэкране появилась передача „Спокойной ночи, малыши!“...

В Японии запущена в эксплуатацию первая в мире высокоскоростная магистраль „Токайдо“. Протяженность трассы составила 515,4 км, а максимальная допустимая скорость поездов – 210 км/ч...

Леонид Брежнев становится генеральным секретарем ЦК

КПСС, заменив Никиту Хрущева...

Введен в действие крупнейший в мире нефтепровод „Дружба“. Предназначен для транспортировки нефти Волго-Уральской, Западно-Сибирской и Прикаспийской нефтегазоносных провинций в Европу. Должен обеспечить социалистические страны достаточным количеством углеводородного сырья...

Китай провел первое испытание ядерного оружия...

Французский философ и писатель Жан-Поль Сартр отказался от Нобелевской премии...

В США на киноэкраны вышел фильм „Моя прекрасная леди“ с Одри Хепберн в главной роли...

К Марсу запущена американская автоматическая станция „Маринер-4“...

Правительство США заявляет протест СССР в связи с обнаружением микрофонов в здании американского посольства в Москве...

СССР и Восточная Германия подписывают Договор о дружбе сроком на 20 лет...»

После жалкого обеда в столовой Годин, забыв обо всем на свете, снова загружал тачку и мозги:

«1965 год.

В СССР произведен запуск искусственных спутников Земли „Космос-54“, „Космос-55“ и „Космос-56“...

Первый полет Ан-22 („Антей“) – самого большого в мире турбовинтового транспортного самолета. Предназначен

для перевозки крупногабаритных грузов на большие расстояния. Максимальный взлетный вес самолета 225 тонн. Длина самолета 57,3 метра, высота 13,53 метра, размах крыла 64,4 метра...

В Южном Вьетнаме высаживаются первые наземные войска США...

Международный женский день 8 Марта стал нерабочим днем...

Советский космонавт, 30-летний майор ВВС А. А. Леонов совершил первый в истории человечества выход в открытый космос...

В Советской Армении впервые отмечен День памяти жертв геноцида армян в Османской империи 1915–1923 годов...

В США запатентованы подгузники „Памперс“...

Открыт крупнейший в СССР аэропорт „Домодедово“...

Писателю Михаилу Шолохову присуждена Нобелевская премия по литературе...

Пол Маккартни создал песню Yesterday...

Конгресс США принял закон, требующий печатать на сигаретных пачках предупреждение о вреде курения для здоровья...

Зарегистрирован брак барда Владимира Высоцкого с актрисой Людмилой Абрамовой...

В Великобритании запрещена реклама сигарет на телевидении...

Сингапур отделился от Малайзии и получил независимость...

Советские футбольные клубы сыграли свои первые матчи в еврокубках...

В Москве арестованы русские писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, обвиненные в антисоветской пропаганде...

Во время первого в истории папства визита папы римского Павла VI в США он издал буллу, в которой с евреев снимались обвинения в смерти Иисуса Христа...

В результате крупнейшей в истории аварии в системе электроснабжения семь северо-восточных штатов США и провинция Онтарио в Канаде погружаются в ночную темноту...

Запущен первый французский спутник Asterix...

Вторжение войск США в Доминиканскую Республику...»

Какой же это был чудесный день! После отбоя Алексей сразу закрыл глаза. Последние прочитанные газетные строчки тут же всплыли в памяти. В 1965-м ему было уже пять лет. Вот они идут с отцом и матерью в городской парк. Вот он катается на синей детской педальной машине, пьет вкусную газировку «Крем-сода» и ест пломбир в хрустящем вафельном стаканчике... А вот бревенчатый дом бабушки и дедушки в Потаповке. Малина в огороде. Куры во дворе. Друзья на улице, такие же мелкие, как и он сам:

– Лешка, выходи!

Выбегает. Отгоняя прутиками шипящих гусей и страшных индюков, несутся на пустырь играть в «чижика». Вслед бабушкино:

– Лешенька, за реку не ходи! Цыгане утащат в табор!

– Ба, мы в другую сторону!

Он готов подбросить «чижика», ударить его так, чтобы тот улетел через головы пацанов далеко-далеко. Но откуда вдруг рядом взялся дедушка? Почему трясет за плечо? Почему у него чужой голос:

– Просыпайся «дух», просыпайся!

«Служу Советскому Союзу!»

Алексей открыл глаза. Деваться было некуда, а он так ничего и не намыслил. Нужно было не газетки читать, но думать, думать, думать...

Сбросил ноги на пол, потянулся за сапогами, громко вздохнул:

– Служу Советскому Союзу!

– Это ты, Годин? – Почему-то удивился «гонец».

– Я...

– Спи дальше. Попутал я: сегодня Гвозденкова зовут...

Наконец окончательно проснувшийся, пришедший в себя Алексей вспомнил: да, до него очередь должна дойти через четыре ночи. И к тому времени он должен что-то придумать!

На следующий день Годину вновь подфартило. Прапорщик опять забрал его:

– Пусть тот же самый доканчивает!

«Дедам» было пофиг:

– Двигай, Годин, на чистку крысиного говна! Только помойся потом, чтоб не вонял!

Наверное, даже другие «духи» радовались, что не попали на эту работу. Но Годин был просто счастлив, пугая разбегающихся во все стороны тараканов и мышей (не крыс), чихая от ядерной пыли, загружая-разгружая тачку и читая между делом, читая:

«1966 год.

Американский стратегический бомбардировщик В-52 столкнулся над Испанией с самолетом-заправщиком. Одна из термоядерных бомб, находившихся на борту бомбардировщика, упала в Средиземное море и пока не найдена...

Советская автоматическая межпланетная станция „Венера-3“ впервые в мире достигла поверхности планеты Венеры...

Джон Леннон заявил, что ансамбль The Beatles стал более популярным, чем Иисус Христос...

Папа римский отменяет отлучение от церкви, наложенное на католиков, которые состоят в браке с не католиками...

Советский спутник „Луна-10“ стал первым в мире космическим аппаратом, облетевшим Луну...

В Израиле начала продаваться „Кока-кола“...

В результате землетрясения силой 8 баллов центральная часть Ташкента практически полностью разрушена. С помощью граждан всего Советского Союза начата масштабная реконструкция города...

Между Францией и Англией начались регулярные перевозки через Ла-Манш на судах на воздушной подушке...

На заседании Политбюро ЦК компартии Китая принято решение о разворачивании в Китае „культурной революции“. Начались широкомасштабные репрессии партийной оппозиции, притеснение интеллигенции...

Ватикан отменил „Список запрещенных книг“, введен-

ный еще в 1557 году...

Франция вышла из военной организации НАТО...

В колхозах впервые введена ежемесячная зарплата. На протяжении многих десятилетий крестьянский труд в советских колхозах измерялся в трудоднях – так называемых „палочках“. За них труженики села обычно получали зерно или даже деньги, но иногда – лишь вдохновляющее „спасибо“ от колхозного правления...

На атолле Муруроа (Французская Полинезия) проведено первое испытание ядерного оружия...

В Тунисе запрещены мини-юбки...

В США экспертиза показала, что доказательства вины супругов Розенберг, обвиненных в ядерном шпионаже в пользу СССР, были поддельными...

В Аргентине отменено право на забастовку...

The Beatles дали свой последний концерт в Сан-Франциско...

Первый полет совершил английский истребитель вертикального взлета и посадки „Харриер“...

В Нью-Йорке начался первый шахматный турнир между компьютерами...

Наблюдается самый обильный звездопад: до 2300 метеоров в минуту...

У Кремлевской стены погребены останки Неизвестного солдата...

Авиация США впервые бомбит столицу Северного Вьет-

нама Ханой...

Визит президента Франции Шарля де Голля в СССР...»

С потаповскими друзьями Алексей с утра до вечера пропадали на речке Енюшке. Там играли в «банку» на берегу, сбивая палками металлическую посудину из-под венгерского горошка «Глобус» и пробиваясь от удаленного «лейтенанта» к неприкасаемому «маршалу». Все так же отправляли в полет «чижика» из расчерченного на земле квадрата. Увлекательнее всего было мастерить из газет «змеев» и запускать в небеса над огородами, раскручивая «позаимствованную» у кого-нибудь из дома катушку крепкой нити. А в выходные дни рассматривали синие татуировки на телах выпивающих мужиков. На жарком солнышке и «под градусом» они сбрасывали с себя кто рубашку, а кто и полностью разоблачался.

– Смотри, у Казанцева на спине целый собор с куполами...

– Как икона прям. У моей бабушки даже не такая красивая...

– У Савельева на груди – Маркс, Ленин, Сталин...

– Мне брат говорил: это против расстрела, если что. Никто ведь не будет в Маркса, Ленина или Сталина стрелять...

– А у Баршеткина на заднице два черта с лопатами в руках.

– Как живые, как будто уголек подбрасывают, когда он идет...

Если не было на берегу пацанов, то Годин снисходительно

присоединялся к девчонкам, играющим с мячом в «вышибалу» или «штандер-стоп».

Почти каждый вечер Алексей просил деда разбудить его на рассвете, чтобы пойти на рыбалку, и почти каждый раз отмахивался поутру, не желая выбираться из сладкого сна. «Нет, сегодня не пойду – погода не та!» Но иногда подскакивал и выбегал из дома, прихватывал приготовленные с вечера банку червей и удочку, торопливо шагал на речку, где встречался с также оправляющимися спозаранку на рыбалку друзьями.

Ловили, пока солнце не поднималось высоко и клев не прекращался. Гордо притаскивали по десятку пескарей. Бабушка варила из них уху, поглаживала Алексея по голове:

– Добытчик растет!

– А то! – Кивал дед. – Мы, Годины, такие!

Алексей от таких слов вдохновлялся и распалялся:

– Да были бы у меня снасти-то настоящие, я бы, я бы... весь дом рыбой завалил!

Бабушка с дедушкой посмеивались, но Алексей верил себе: правда ведь, снасти у них с друзьями были аховые. Удилище – из прямой длинной ветки, леска – несколько раз порванная и связанная, крючки старые – тупые и заржавленные, поплавок – из винной пробки. Деревенским друзьям купить снасти было негде, лишь иногда родственники им что-нибудь приобретали в городе. Когда Алексей привозил крючки и леску из Дальнедорожного, тут же почти все разда-

вал друзьям. Снастей всегда не хватало, но просить лишний раз у родителей денег на снасти – «на забаву» – он у родителей стеснялся. Знал, что свободных денег нет: в семье нужно и сестренку поднимать. Поэтому Алексей, как и все пацаны, проявлял изобретательность. Вместо утерянного грузила, которое стоит в магазине много копеек, использовал найденную гайку. А еще они с подсказки чьего-то старшего брата научились добывать свинец из старых, найденных на деревенской помойке аккумуляторов. Вытаскивали из них синие металлические пластины и нагревали в тут же подобранной жестяной консервной банке на костре. Это было так увлекательно и завораживающе!

Алексей во все глаза смотрел на то, как кусочки свинца сначала начинают шевелиться, потом уменьшаются в размерах, тают, словно лед, превращаясь в тяжелую, зеркально-блестящую, какую-то магическую жидкость. Он осторожно, чтобы не обжечься, смахивал травяной кисточкой плавающий на поверхности шлак и разливал чистый металл в приготовленные формочки. Так делали не только грузила для рыбалки, но и черепа для брелоков, а позже – свинчатки для драк, ну, иногда и кастеты на всякий случай. Ребята признавали: хотя Годин и не очень искусно вырезал формы для отливки, самый чистый и неперегретый металл получался только у него. Поэтому они обычно распределяли обязанности: кто-то разжигал и поддерживал костер, кто-то готовил формы, Алексей же плавил и лил, каждый раз заво-

роженно не отводя глаз от жидкого, тягучего металла. Вот тот уже в форме. Вот перебросил его в зашипевшую воду. Свинец быстро остыл, и уже можно держать в руке теплый, снова ставший твердым металл. Волшебство!

А еще он любил смотреть, как дед столярничает в мастерской, по совместительству – теплице: ловко орудует рубанком, из-под которого кудрявится тонкая, как бумага, деревянная лента. Одна, вторая – и мастерскую наполняет особый теплый, уютный, вкусный аромат. Когда деда не было, Алексей тоже хватался то за рубанок, который намертво застревал в деревяшке, то за пилу-ножовку, которая никак не хотела впиваться в полено, то за стамеску, которая также не желала делать нужные сколы. Разочарованный до слез, бросал инструменты и убегал из мастерской.

Дед, отловив внука во дворе или за столом, делал ему внушение:

– То, что к инструментам тянешься, это правильно: мужчина должен уметь ими пользоваться. А вот то, что бросаешь работу в самом начале или на середине, – это плохо. Так никогда ничего не добьешься ни в каком деле. Даже если не ладится, нужно терпеть, учиться, браться снова и снова, только тогда можешь чего-то добиться. Взятся за гуж – не говори, что не дюж! Нельзя никакое дело бросать на полдороге, все надо доводить до конца, до ума. Что ты хотел выстрогать?

– Самолет!

– Можно и самолет. Давай я тебя научу, как с инструмен-

том обращаться.

Алексей морщился:

– Не хочу больше, – демонстрировал палец с царапиной, – вот уже и палец сбил твоим струментом!

И убегал синий плавить свинец, чтобы снова услышать, как хвалят его талант товарищи.

Но слова деда все же не шли из головы, и, когда того не было рядом, Алексей снова брался за рубанок, пилу, стамеску. По-прежнему ничего не получалось, но и за помощью он не обращался: в очередной раз помучившись, аккуратно расставлял инструмент по местам и убегал играть с друзьями.

В конце лета Лешка так не хотел уезжать обратно в Дальнедорожный, но родители все же забрали:

– Мы по тебе соскучились, дедушке и бабушке надо от тебя отдохнуть. Да и садик ждет!

Лешка то обнимал родителей, поскольку и он соскучился по ним, то смотрел на грустных бабушку и дедушку:

– Вы от меня устали?

Те, конечно, отмахивались, мигая глазами с набежавшей слезой:

– Что ты, что ты, Лешенька...

И он серьезно смотрел на родителей:

– Так садик же подождет!

– Без разговоров! – Строго заключал отец, и они вернулись в Дальнедорожный.

Дома ему снился запах деревянной стружки, берег, «чи-

жик», пескари и лившийся из банки голубой свинец...

В первый же день в детском саду Лешка подговорил своего нового друга Мишку бежать: обещал в Потаповке накормить его от пуза вкуснящей малиной. Они успешно перелезли через ограду и спокойно дошли до автобусной остановки. Там уселись на лавочку и стали горячо спорить, что делать после того, как наедятся малины: ловить пескарей или плавать свинец.

Синего автобуса долго не было. Отец быстро нашел их. Там же, на остановке, сорвал хлесткую ветку с ближайшего дерева...

«1967 год.

Заключен международный Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, объявивший космос достоянием всего человечества и установивший запрет на размещение в космическом пространстве ядерного оружия...

Дочь Сталина Светлана Аллилуева попросила политического убежища в посольстве США в Дели...

Вышел первый сингл группы Pink Floyd...

Спущена на воду первая французская атомная подлодка...

Джими Хендрикс впервые сжег свою гитару во время концерта...

Премьера фильма „Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика“...

Первое выступление The Rolling Stones за „железным занавесом“ в Варшаве...

Беспосадочный перелет Москва – Токио. Начало регулярного воздушного сообщения между столицами СССР и Японии...

За несколько дней до проведения всеобщих выборов в Греции полковник Георгиос Пападопулос осуществляет военный переворот и устанавливает режим „Черных полковников“. Пришедшая к власти в Греции хунта запретила ношение мини-юбок...

Боксер Мухаммед Али лишен права участвовать в поединках в связи с его отказом служить в армии США...

В эксплуатацию сдана Останкинская телебашня в Москве: высота – 540 м, 8-е место в мире по высоте...

Разрыв СССР дипломатических отношений с Израилем...

В Софии подписан новый договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Болгарией...

В Ленинграде на заводе им. Козицкого изготовлена первая партия цветных телевизоров „Радуга“...

Юрий Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР...

В Пекине прошла сотысячная демонстрация протеста против того, что Гонконг является владением Великобритании...

Вышел альбом The Beatles Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club

Band – лучший альбом всех времен и народов, по версии журнала Rolling Stone...

На Ближнем Востоке началась Шестидневная арабо-израильская война между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой...

Израильтяне взяли под свой контроль Стену Плача в Иерусалиме...

В Энфилде (Великобритания) установлен первый в мире банкомат по выдаче наличных денег...

Во время воздушного парада в Домодедово впервые широкой публике представлены советские самолеты с изменяемой стреловидностью крыла („МиГ“ и „Су“) и вертикального взлета и посадки („Як-38“)...

На киноэкраны вышел фильм Киры Муратовой „Короткие встречи“, в котором играли Нина Русланова, Владимир Высоцкий, Кира Муратова...

Американский хит-парад возглавила песня Light My Fire группы The Doors...

Между Кремлем и резиденцией премьер-министра в Лондоне установлена линия прямой связи...

Объявлена амнистия крымских татар: „После освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживающих в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма“...

Дала первый ток Братская ГЭС на Ангаре...

Впервые в космосе произведена автоматическая стыковка кораблей (советские „Космос-186“ и „Космос-188“)...

Центральное телевидение СССР начало трансляцию программ в цветном изображении...

Британская теннисная ассоциация предложила снять разделение спортсменов на любителей и профессионалов и сделать состязания открытыми для всех...

В Боливии схвачен Че Гевара – латиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции 1959 года и кубинский государственный деятель...

В Великобритании впервые применены трубки для определения алкоголя у водителей...

В Нью-Йорке состоялась премьера психоделического мюзикла „Волосы“, в котором демонстрировалось употребление наркотиков, шокирующая нагота и антивоенные протесты...

В Великобритании опубликован „Акт об аборте“, который положил начало легализации в Западной Европе искусственного прерывания беременности...

Впервые осуществлена мягкая посадка на другую планету: советский космический аппарат „Венера-4“ успешно сел на поверхность Венеры...

На севере США заснят на видеопленку снежный человек...

В госпитале Грут Шут, Кейптаун (ЮАР) проведена первая в истории медицины операция по пересадке сердца...

Совет Безопасности ООН принял резолюцию с требованием вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий...»

Первого сентября Алексей должен был пойти в школу. Но отец забрал его с собой на две недели в поездку к дальним родственникам, поселившимся во время Великой Отечественной войны в киргизском Фрунзе.

Лешка впервые летел на самолете. Загребал в маленькие ладошки леденцы «Взлетные» и глядел на синеву, на облака, по которым так хотелось бегать, прыгать, скатываться в воздушные ямы:

– Пап, а пап! А ты ходил по облакам?

– Нет, конечно. Они же не твердые.

– А снег тоже не твердый, но по нему же можно ходить.

– Снег твердый. А облака... Облака – это пар, пар из воды.

– Просто из воды...

– Как в чайнике. Сначала была жидкая вода, а нагрели, и стала паром – вверх поднялась. Ты же видел такое облако дома над кипящим чайником.

– Нет, это не такое, это красивое.

– Согласен.

– А оно навсегдашнее?

– Пока теплое – таким и будет, но потом остынет и снова станет водой, прольется дождем. А если совсем продрогнет, то снегом...

Потом был фруктовый сад вокруг дома родственников.

Духовитые яблоки, груши, сливы. Ешь сколько хочешь!
Хрум! Ням! Хрум! Ням!..

А по возвращении в школе был скандал. Лешка оказался в классе единственным не умеющим читать. Кто-то выучился за эти две первые недели, кого-то выучили родители еще до школы.

Алексею было не по себе, что он хуже всех в классе. С синим букварем подошел вечером к отцу:

– Пап, быстрее научи меня читать! Я не хочу быть отстающим!

– Давай попробуем!..

Через месяц Годин читал лучше всех:

– Мы ехали, ехали,
К речке подъехали,
Мост переехали,
Дальше поехали...

Зимой во дворе залили каток. Многие пацаны лихо, со скрежетом нарезали круги по крепкому голубому льду. А у Алексея не было своих коньков. Попросить родителей купить он стеснялся. На антресолях пылились старые кожаные отцовские: пытался их надеть, но они были слишком велики...

Двадцать второго апреля, в день рождения бабушки Лени-на, Алексея приняли в октябрята – в «юные ленинцы» и будущие пионеры. На линейке он вместе со всеми дал торже-

ственную клятву:

- «Мы, вступая в ряды октябрят, перед своими товарищами торжественно обещаем:
- Быть верными наследниками пионерских традиций;
- Учиться прилежно, на совесть, как завещал великий Ленин;
- Не оставлять в беде товарищей;
- Оказывать помощь тем, кто в ней нуждается;
- Быть чутким и отзывчивым, стараться приносить пользу своей семье, школе и Родине;
- Быть честными и справедливыми;
- Растить настоящими патриотами нашей советской Родины!..»

Каждому на грудь прицепили значок – красную «пятиуголку» с портретом Володи Ульянова. Все объединялись по пять человек в «звездочки», у которых свой вожатый-пионер и его помощник – командир «звездочки». Каждый октябренок исполнял какие-то полезные обязанности. Цветовод поливал в классе цветы и забирал их домой на летние каникулы. Библиотекарь отвечал за бережное отношение к учебникам и книгам, за регулярное посещение школьной библиотеки. Физкультурник организовывал полезные подвижные игры на переменах, учил делать утреннюю гимнастику, на своем примере увлекал заниматься спортом. Годин был санитаром. Он носил на руке белую повязку с красным крестом, следил за чистотой рук и ушей, проверял наличие носово-

го платка, проветривал классную комнату. Алексей гордился тем, что его приняли в октябрята. Ведь, чтобы попасть в организацию юных ленинцев, нужно было хорошо учиться и быть дисциплинированным.

Глянув за дверь – не идет ли «прапор» или кто из «дедов» – улыбнулся, вспомнил, казалось бы, забытое навсегда: «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут!»

«Мы – веселые ребята!
Наше имя октябрята!
Так называли нас не зря
В честь победы Октября!
Мы играем, мы читаем,
На Луну слетать мечтаем!
Будем крепко мы дружить
И стране родной служить!»

Вот он и служит...

«1968 год.

Американское вооруженное подразделение учинило расправу над мирным населением деревни Сонгми на юге Вьетнама. Погибли более 500 человек, в том числе 250 детей...

В ходе тренировочного полета погибли Юрий Гагарин и Владимир Серегин...

На киноэкраны вышли „Бриллиантовая рука“ Леонида Гайдая, „Три тополя на Плющихе“ Татьяны Лиозновой...

После победы на первичных президентских выборах в Ка-

лифорнии был смертельно ранен сенатор Роберт Кеннеди...

В чехословацкой „Литературной газете“ появился документ, получивший название „Две тысячи слов“ и подписанный представителями всех слоев чехословацкого общества, с призывом к более быстрому переходу к реальной демократии...

Войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию...

В небе Египта советскими ракетами были сбиты пять израильских самолетов...

Состоялся первый полет магистрального пассажирского трехдвигательного самолета „Ту-154“...

Первый в мире полет сверхзвукового пассажирского самолета „Ту-144“...

Следом за „Ту-144“ взлетает сверхзвуковой пассажирский англо-французский лайнер „Конкорд“...

Убийство лидера движения за гражданские права чернокожих в США Мартина Лютера Кинга...

Рабочие Франции по призыву профсоюзов начали забастовку в поддержку студентов. Генерал Шарль де Голль выступил по радио с угрозой ввести танки в Париж...

Договор о нераспространении ядерного оружия подписывают представители 61 государства, включая Великобританию, США и СССР...»

На школьных уроках пения всем классом нестройно выводили:

«Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.
„Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?“
„Мы сыны батрацкие,
Мы за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир...“»

«1969 год.

Пущен первый энергоблок на самой северной в мире АЭС
– Билибинской на Чукотке...

Младший лейтенант Советской Армии Виктор Ильин предпринял попытку покушения на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, „поскольку тот проводит неправильную, вредную для народа политику“...

На околоземной орбите осуществлена первая ручная стыковка космических кораблей „Союз-4“ и „Союз-5“ (СССР), образовавших первую же в мире экспериментальную орби-

тальную станцию...

Произошел инцидент на острове Даманском. Китайские военнослужащие, посчитав его своей территорией, перешли советско-китайскую границу и расстреляли группу советских пограничников. Во время боя погибли 31 пограничник со стороны СССР и 247 военнослужащих армии Китая...

IX съезд компартии Китая объявляет об окончании „культурной революции“...

Добровольная отставка Шарля де Голля с поста президента Франции...

В СССР объявлено чрезвычайное положение в сельском хозяйстве, все население призвано спасти урожай...

Начат вывод американских войск из Южного Вьетнама...

Американские астронавты Нил Армстронг и Эдвин Олдрин в рамках полета Apollo-11 выходят на поверхность Луны...

В результате военного переворота в ливийской столице Триполи группа молодых офицеров во главе с Муаммаром Каддафи свергла проамериканское правительство короля Идриса и провозгласила Ливию республикой...

Умер Хо Ши Мин, председатель и генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама...

Во время полета советского космического корабля „Союз-6“ космонавты Г. С. Шонин и В. Н. Кубасов впервые в мире осуществили космическую сварку на орбите...

Пеле забивает свой 1000-й гол на своем 909-м матче...»

Все мальчишки мечтали играть, как Пеле! Алексей резко встал и глянул через щель в дверях. Вроде бы никого, но на всякий случай решил прерваться: бросил читать, взялся загружать очередную тачку.

Чутье не подвело его – из-за двери выскочили двое «дедов», непонятно как подкравшихся так близко.

Осталось три ночи

Увидев лопату в руках Година, щербатый и прыщавый разочарованно переглянулись:

– Гляди-ка, не спит!.. В натуре работает!..

Походили по уже очищенному участку, поковыряли носками сапог в куче бумаг и, поморщившись, снова вышли на воздух, разлеглись на лавке:

– Ладно, трудись, а мы тут поконтролируем!

Видимо, кто-то из офицеров выгнал «дедушек» из казармы, и теперь они будут делать вид, что тоже трудятся – должен же кто-то руководить работой Година.

Это было досадно. Однако Алексей, когда возился с бумагами, то периодически выпадал из поля зрения «дедов». Успевал понемногу читать, урывками. Было бы очень жаль выбросить документы его периода жизни совсем непрочитанными.

«1970 год.

В Уголовный кодекс РСФСР включена статья о тунеядстве...

На киноэкраны вышел фильм Владимира Мотыля „Белое солнце пустыни“...

В городе Тольятти (СССР) со сборочного конвейера Волжского автомобильного завода сошел первый автомобиль ВАЗ-2101 „Жигули“ (легковой заднеприводный авто-

мобиль с кузовом типа седан), прозванный в народе „копейкой“. В качестве прототипа этого автомобиля был определен итальянский Fiat 124, получивший в 1967 году титул „Автомобиль года“ и существенно доработанный в Тольятти. „Копейка“ стала любимицей советских автомобилистов...

Конец существованию The Beatles как группы: Пол Маккартни заявил, что больше не будет сотрудничать с Джоном Ленноном...

Совместное торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов в Москве, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина...

Международный олимпийский комитет исключил ЮАР из соревнований за проводимую в этой стране политику апартеида...

Экспедиция норвежского путешественника-исследователя Тура Хейердала на папирусной лодке „Ра-2“. Цель – доказать возможность достижения берегов Америки древними народами Африки...

Началось серийное производство советского автомобиля ГАЗ-24 „Волга“. Машина стала престижной. Именно на ГАЗ-24 „Волга“ предпочитает передвигаться советская элита...

Первая в мире доставка автоматическим аппаратом на Землю образцов лунного грунта...

Александр Солженицын объявлен лауреатом Нобелев-

ской премии по литературе...

Отец и сын Бразинскасы захватили самолет „Аэрофлота“ Ан-24, совершавший рейс Сухуми – Батуми, убили бортпроводницу Надежду Курченко и принудили экипаж к посадке в Трабзоне (Турция)...

В СССР состоялся первый розыгрыш „Спортлото“ ...

Осуществлен запуск советской автоматической станции „Луна-17“, которая впервые в истории доставила на поверхность Луны управляемый с Земли самоходный аппарат „Луноход-1“ ...»

Продолжая работать, Алексей надолго задумался. 1970 год был богатым на события. Родилась сестренка. Сначала он обрадовался появлению еще одного человечка в доме. Потом Лилю возненавидел: родители перестали обращать внимание на сына. Про него вспоминали только, когда поручали ему разогреть мазь для нее, сбегать в аптеку за чем-нибудь для нее, приглядеть за ней. Алексей держал бутылочку под струей теплой воды и ругался про себя на сестренку: твердая мазь очень медленно размягчалась...

В том же году Годин вступил в пионеры. Под новую клятву:

«Я, Алексей Годин, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить и беречь свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия,

всегда выполнять законы пионеров Советского Союза».

Какой-то комсомолец в синем костюмчике повязал ему на шею красный пионерский галстук и вложил в ладошку пионерский значок.

В их школе была дружина, в которую входили отряды по классам. В каждом отряде – несколько звеньев по пять – десять человек. Как пионер, Алексей взял шефство над хулиганом Серегиным – помогал ему по математике. Тот приходил к Годиным домой и все время озирался, так как был из неблагополучной семьи и, похоже, никогда не видел, как «богато» могут жить люди, не подозревал, что возможно подавать чай со словом «пожалуйста». Серегин оказался неглупым пацаном, но занятия по математике, в которой он с помощью Алексея здорово подтянулся, в итоге так и не помогли: сигареты, выпивка, хулиганство привели пацана туда же, где почти всю свою жизнь провел его отец, – на тюремные нары.

Еще Годин, как и все пионеры, участвовал в «смотре строя и песни»: проходил строем по школьному актовому залу, отдавая салют директору, завучу, представителю районного отдела народного образования и горкома комсомола. Гораздо интереснее было участвовать в военизированной игре «Зарница». Но она проходила редко, зато часто собирали металлолом, макулатуру. Иногда, как «тимуровцы», мыли полы у пожилых ветеранов войны...

– Годин! Че-т-то медленно шуршишь!

– Шуршу, шуршу!

«1971 год.

В присутствии 103 тысяч зрителей состоялся прощальный матч легендарного футбольного вратаря Льва Яшина...

Советский спускаемый аппарат совершил первую в истории космонавтики мягкую посадку на поверхность Марса...

Указы Президиума Верховного Совета СССР о повышении минимального размера пенсий по старости для рабочих и служащих; о мерах по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения колхозников...

В катастрофе корабля „Союз-11“ погибли советские космонавты Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев...

Вышел фильм „Офицеры“...

В Питтсбурге осуществлена первая постановка рок-оперы „Иисус Христос – суперзвезда“...

Подписание Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией...

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР „О мерах по дальнейшему улучшению материальных и жилищно-бытовых условий студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений“...

В Канаде создана международная независимая неправительственная экологическая организация „Гринпис“...

Во Флориде открыто самое крупное в мире место развлечений – „Дисней-уорлд“...

Рабочие и служащие СССР освобождаются от обложения сельскохозяйственными и подоходными налогами за пользование земельными участками, отведенными им предприятиями, учреждениями и организациями под индивидуальные сады и огороды...

Начало третьей индо-пакистанской войны...»

Заботиться о маленькой сестренке Алексею было в тягость. Родители, казалось, совсем не замечали его – единственного, совсем недавно такого любимого сына. Он попросился в деревню, и его без раздумий отправили. И еще месяц счастья в Потаповке, которая по мере его роста уменьшалась в представляемых размерах и становилась доступнее во всех направлениях. Алексей исходил все ее девять улиц: главную с широкой грунтовой дорогой, продовольственно-хозяйственным магазином и сельсоветом, а также кривые переулки, спускающиеся с пригорка к речке. Забрел из любопытства на синекрестовое кладбище, что все больше разрасталось за церковью, которую исправно посещала бабушка. Заглядывал на хоздвор, в гараж, в ремонтную мастерскую, на ферму... Иногда шел в травяное поле за пригорком: смотрел в высокое небо на порхающих жаворонков, ловил летающих кузнечиков с голубыми крылышками и прислушивался к ветерку, легко перебирающему ковыль. Если устремлял глаз к горизонту, то от простора захватывало дух: поле, поле, березовый колок, и снова поле, поле без конца и без края.

Теперь с пацанами делали не только рогатки-«прачи», из которых стреляли гайками по разоряющим огороды воронам, но и «поджиги» из обрезков медных и стальных труб. Заряжали их головками спичек и палили, куда ни попадя. Пугали местных теток, бросая рядом самодельные бомбочки. Для них Алексей с удовольствием пилил найденный где-то кусок магния, смешивал опилки с марганцовкой из бабушкиной аптечки, делал запал из дедушкиных спичек. Бомбочки взрывались на славу и так, как было рассчитано Алексеем: на заданном расстоянии, а не в руке. Иногда же он просто сжигал напиленный магний: подносил горящую спичку к кучке блестящих опилок и она мгновенно вспыхивала, ярко, ослепляюще и волшебно. Только что был перед ним металл – и раз, превратился всего лишь в струйку дыма...

Втайне от деда он снова и снова брался за рубанок, стамеску, пилу. Но по-прежнему ничего толком с ними поделывать не мог и деда на помощь все так же призывать не спешил. Возвращал инструменты на свои места, так ничего и не выстругав. Утешал себя тем, что не очень-то и хотелось: свинец, магний, медь, сталь интересовали его гораздо больше дерева. Но в голове все-таки крепко засели слова деда: «Даже если не ладится, нужно терпеть, учиться, браться снова и снова, только тогда сможешь чего-то добиться».

Между делом читал Джека Лондона и ходил копать за околицу, туда, где раньше стоял цыганский табор. Был уверен, что бродячий народец оставил после себя в земле клад. В

один из дней его лопата действительно звякнула по металлу.

Он принялся остервенело ковырять твердую землю. Вспотел, вымазался, но выкопал-таки из земли чугунок. Вытянул на траву. Тяжелый. Полный. Земли...

От нечего делать на берегу Енюшки с пацанами «травили анекдоты», которые кто слышал дома, кто в школе, кто в автобусе. Лешка всегда спешил поделиться новыми с дедушкой и бабушкой. Они смеялись над его детскими анекдотами:

– Мальчик, не хулигань, а то у твоего папы вырастут седые волосы! – Мой папа очень обрадуется, он ведь совсем лысый!

– Ха-ха-ха! А еще?

– Мама спрашивает у своего сыночка: Сашенька, вчера на столе оставалось два кусочка торта. Сейчас там всего один, почему? – Просто в темноте я не заметил второго кусочка.

– Ха-ха-ха! Все?!

– Нет, еще такой знаю: «Приехал как-то Хрущев на свиноферму. Свиньи: хру-хру, хру-хру... – Чем вы их кормите? – Отрубями. – Кормите кукурузой, чтобы полностью выговаривали!»

Рассказал и сам засмеялся. И без остановки:

– Пионерка спросила у Хрущева: дяденька, правду папа сказал, что вы запустили не только спутник, но и сельское хозяйство? – Передай своему папе, что я сажаю не только кукурузу.

Снова засмеялся, но бабушка с дедушкой почему-то не поддержали его, серьезно переглянулись и наказали ему:

– Ты, Лешенька, таких анекдотов про руководителей страны лучше никому и никогда не рассказывай.

– Почему?

– Потому что за них могут не только по головке не поглаживать, но и... – Посмотрели на рамочку у окна, в которой были большие и маленькие фотографии разных родственников. – В Сибирь отправить!

Это он запомнил на всю жизнь.

Потом бабушка захворала и родители отправили его в пионерский лагерь. Там были линейки, как в школе. Опять же прохождение строем под речевки и песни:

«Кто шагает дружно в ряд?

Пионерский наш отряд!

Сильные, смелые.

Ловкие, умелые.

Ты шагай, не отставай,

Громко песню запевай!»

«Вот закон на сто веков:

Пионер всегда готов.

Он всегда стоит на страже

Родины своей отважной.

Он не плачет, а смеется,

Он, нахмурясь, улыбнется,

И с размахом скажет он

Пионерский свой закон:

„Пионеры, к борьбе за Родину, добро и справедливость
будьте готовы!“ —
„Всегда готовы!“»

«Ярко галстуки горят
На груди, на груди!
Горны звонкие трубят
Впереди, впереди!
Кто шагает дружно в ногу?
Уступите нам дорогу!
Солнце, воздух и вода —
Наши лучшие друзья!»

Когда рядом не было никого из начальства или никем не
руководимый отряд шел к столовой, то запевали песни на
другой лад:

«Кто шагает дружно в ряд?
Пионерский наш отряд!
Почему мы так кричим?
Потому что жрать хотим!»

«Раз, два, мы не ели! Три, четыре, есть хотим!
Открывайте шире двери, а то повара съедим!
Поварятами закусим, а компотом все запьем.
Вилки-ложки поломаем, а столовую взорвем!»

Заводилой в отряде была девочка-отличница Арина: прическа «сессон», как у Мирей Матье, синий джинсовый «фирмовый» комбинезон, умные, пронзительные глаза и всегда то ли сочувственная, то ли снисходительная усмешка на губах. Стройная, загорелая, она каждое лето с родителями ездила еще и на море. Хорошо плавала и брассом, и кролем. А Годин в воде был как топор, держаться на воде не умел даже и «по-собачьи»: Енюшку в Потаповке всегда вброд можно было перейти.

Вечером, когда в лагере устраивали танцы под магнитофон, он смотрел на никогда не стоящую в одиночестве, легко порхающую по площадке Арину. Подпевал про себя:

«По соседству твой класс.
Ты сидишь у окна, ты сидишь у окна.
Как обидно, что нас
Разделяет стена, разделяет стена...»

Он не решался пригласить такую изящную, гибкую Арину на медленный танец, оказаться к ней так близко, на «пионерском расстоянии», положить руку на талию...

Потом слушали песни вожатого под гитару:

«Дым костра создает уют,
Искры гаснут в тумане сами.
Пять парней о любви поют
Чуть охрипшими голосами...»

Арина искала кого-то взглядом. Но не Година.

Про себя он дал тогда еще одну, собственную торжественную клятву: обязательно научиться плавать, танцевать, играть на гитаре, ну, и кататься на коньках. Арина наверняка на катке чувствует себя так же уверенно, как и на танцплощадке...

«1972 год.

С самолета Ан-12Б совершено первое в мире десантирование боевой машины десанта с экипажем внутри машины. Идея выброски техники парашютным способом с экипажами внутри принадлежит лично легендарному создателю Воздушно-десантных войск Герою Советского Союза генералу армии Василию Филипповичу Маргелову. В первое испытательное десантирование командующий решил отправить своего сына, старшего лейтенанта Александра Маргелова...

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о введении нового Всесоюзного физкультурного комплекса „Готов к труду и обороне СССР“ (ГТО)...

Поэту Иосифу Бродскому предписано покинуть СССР...

В Светлогорске военно-транспортный самолет упал на здание детского сада. Погибли двадцать три ребенка, два воспитателя и восемь членов экипажа самолета...

Американская полиция провела арест пяти злоумышленников, которые устанавливали электронные подслушивающие устройства в штабе Демократической партии в гости-

ничном комплексе „Уотергейт“...

Президент США Ричард Никсон объявил о том, что СССР в течение трех лет закупит американское зерно на сумму 750 миллионов долларов...

Олег Блохин дебютировал в футбольной сборной СССР...

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС „О повышении с 1 сентября 1972 года ставок и должностных окладов врачей, учителей и воспитателей детских дошкольных учреждений“...

В Мюнхене открылись XX летние Олимпийские игры. Совершен террористический акт против израильских спортсменов...

За первой игрой Суперсерии наблюдало несколько миллионов человек в Европе, более двадцати пяти миллионов канадцев и американцев и около ста миллионов телезрителей в Советском Союзе смотрели игру у себя дома... Комментатор Николай Озеров произнес: „Такой хоккей нам не нужен!“ (канадцы забросили победную шайбу за 34 секунды до конца игры, выиграв серию игр 6:5)...

16 выживших после крушения самолета рейса 571 компании Air Force в Андах были спасены спустя 73 дня. Чтобы выжить, они были вынуждены есть тела погибших пассажиров...»

– Заснул, что ли?

Годин вздрогнул от неожиданности. Похоже, зачитался и перестал имитировать уборочную активность. Заскреб лопа-

той:

– Нет, тут просто надо решить, как пачку бумаг выдержать, чтобы меня не завалило.

– Дергай, как придется. Если что, сообщим родным: погиб при разгребании крысиного дерьма...

Наполняя в очередной раз тачку, задумался, смог ли бы он съесть кого-нибудь из погибших товарищей. Молодые солдаты – все худые, а вот «дедушки» – откормленные.

Покачал головой: к следующей смене пионерского лагеря он научился плавать, хотел гордо продемонстрировать, но Арину, увы, не нашел. Как сообщили осведомленные девчонки, она с родителями уехала на все лето отдыхать в Крым – «там тепло, там яблоки»...

Годин продолжал работать и читать вприглядку:

«1973 год.

После мягкой посадки на поверхность Луны в восточную часть Моря Ясности советской межпланетной станции „Луна-21“ в путешествие по спутнику Земли отправился „Луноход-2“...

В Париже подписано соглашение о выводе американских войск из Вьетнама, что явилось свидетельством поражения США в войне...

При обмене партийных документов в СССР решено билет № 1 выписать на имя В. И. Ленина...

Истребители ВВС Израиля сбили над Синайским полуостровом ливийский пассажирский самолет „Боинг-727“.

Погибли 108 человек...

Выведена на орбиту первая долговременная орбитальная станция „Салют-2“...

Во время авиарейса „Ту-104“ Москва – Чита неожиданно встал пассажир Рзаев и закричал, что у него бомба, самолет захвачен и направляется в Китай. Милиционер выстрелил ему в спину. Прогремел мощный взрыв. Погиб 81 человек...

На авиавыставке в Ле Бурже разбился советский сверхзвуковой пассажирский самолет „Ту-144“...

Леонид Ильич Брежнев получил Ленинскую премию за укрепление мира и дружбы между народами...

По Центральному телевидению начат показ сериала „Семнадцать мгновений весны“ Татьяны Лиозновой по повести Юлиана Семенова. В часы показа фильма улицы городов и поселков СССР пустели, показатели уличной преступности „скатывались“ до полного нуля, общественный транспорт ходил пустым...

Террорист в Мавзолее бросил бомбу, несколько посетителей погибли...

Во время штурма президентского дворца погиб президент Чили Сальвадор Альенде. После переворота образована лояльная США военная Хунта под предводительством Аугусто Пиночета...

Скончалась великая советская певица, исполнительница народных песен, заслуженная артистка РСФСР Лидия Ан-

древна Русланова...

Умер легендарный маршал, герой гражданской войны Семен Михайлович Буденный...

Произошло восстание в Афинском политехническом университете против военной хунты „Черных полковников“...

Первый таран реактивным самолетом совершил летчик Елисеев, ценой собственной жизни уничтоживший нарушивший воздушную границу СССР самолет...»

Алексей хорошо помнил, что именно в 1973 году он прочитал то, что теперь бережно хранил дома в синей папке. Если что-то с ним случится, то она останется. Может быть, сестренка поймет всю ценность хранившегося внутри плоской синей картонки. Учителя в школе не поняли. Посмеялась химичка, поморщился физик. Махнули рукой, не стали ничего объяснять. А он тогда решил, что сам разберется. Стал ходить в химический, физический кружки. Первый же опыт очень впечатлил его: чистый кальций оказался даже мягче свинца, его запросто можно резать ножом. Если же бросить кусочек этого металла в воду, то он не тонет, а начинает как бешеный метаться по поверхности, выпуская струи дыма, и превращаться в газ, в дым, испаряться.

Потом химичка с физиком поженились и переехали в другой район, стали преподавать в другой школе, оставив бывшую свою на время без профильных кружков. Алексей со скуки записался тогда на факультатив по математике. Она быстро увлекла его, и Годин даже участвовал в городских

олимпиадах. Но он никак не мог определиться, что ему более интересно: сами физика, химия, математика или преподавание – помощь в обучении другим. Пытаясь разобраться в своих интересах, Алексей стал лучше учиться по всем предметам, потому и легко поступил в институт, который потом так же легко бросил.

А Лиля... Она выросла, и он вырос. Постепенно стал понимать родителей, перестал ревновать их к сестренке. Она любила его, видела в нем защитника и помощника. И он наконец увидел в ней заботливую сестру, родную кровь. Как-то заболел какой-то ангиной-скарлатиной и лежал с высокой температурой в забытьи. Когда сознание просветлялось, видел рядом припухшее от слез бледно-голубоватое личико сестренки. Она сидела рядом с миской в одной руке и тряпчочкой в другой – смачивала его горящие щеки, губы. Шептала:

– Лешенька, братик... Ну, выздоравливай, пожалуйста, а то я все без тебя и без тебя...

Он полюбил сестренку всей душой. Да, Лиля, если что, придумает, что делать с синей папкой: знает, как дорожил ею брат...

– Ладно, Годин, работай! Мы пошли, у нас и без тебя делов хватает!

Щербатый и прыщавый величественно удалились.

«1974 год.

Завершение строительства первой очереди Нововоронеж-

ской атомной электростанции...

Ввод в действие Череповецкого химического завода...

Указом Президиума Верховного Совета СССР лишен гражданства и выдворен за пределы страны писатель-анти-советчик А. И. Солженицын...

Советская станция „Марс-6“ села на Марсе, впервые передав на Землю данные об атмосфере и почве этой планеты...

На киноэкраны вышел фильм Василия Шукшина „Калина красная“...

ЦК КПСС утвердил проект строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ), одной из крупнейших железнодорожных магистралей в мире...

Умер Георгий Константинович Жуков, советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943), министр обороны СССР (1955–1957)...

Сдан в эксплуатацию крупнейший в стране Шерабадский завод по переработке тонковолокнистого хлопка (Узбекская ССР)...

Греция заявила о решении выйти из НАТО...

Начало ходовых испытаний советского самого крупного в мире атомного ледокола „Арктика“...

Ввод в действие на Криворожском металлургическом заводе им. В. И. Ленина крупнейшей в мире доменной печи...»

Нога его по размеру почти сравнялась с отцовской. В прихожей уже и не отличить, где чьи ботинки. Достал с антресолей отцовские коньки – сели вроде плотно. Но они были

кожаные, с короткой голенью, и ноги в них все равно подворачивались. Так что на тех ребят, что катались на голубом катке, Алексей по-прежнему смотрел с завистью и с такими же «некатающимися» играл в хоккей в валенках прямо на заледенелой улице возле дома.

Чутье вновь не подвело его. Бросил читать и сделал вид, что укладывает кипу бумаг в тачку.

– А! – Выскочил из-за двери щербатый и разочарованно сплюнул. – Ну, Годин, ты че, и вправду не филонишь, работаешь все время?

– Выполняю приказ!

– Вот придурок! Тьфу! – Брызнул слюной щербатый и ушел.

«1975 год.

Ввод в действие первого агрегата Токтогульской ГЭС (Киргизская ССР)...

Ввод в действие первого производственного комплекса Чебоксарского завода промышленных тракторов...

Состоялся первый полет ближнемагистрального пассажирского самолета Як-42...

Лишение Бобби Фишера звания чемпиона мира по шахматам в связи с его отказом отстоять это звание во встрече с претендентом – Анатолием Карповым. Провозглашение Карпова чемпионом мира...

В Париже прошел последний концерт Deep Purple с участием Ричи Блэкмора...

Начало серийного производства на Белорусском автозаводе автосамосвала „БелАЗ-7520“ грузоподъемностью 110 тонн...

На киноэкраны Соединенных Штатов Америки вышел фильм Стивена Спилберга „Челюсти“...

Советский летчик С. Е. Савицкая на учебно-боевом самолете „МиГ-25ПУ“ установила мировой рекорд скорости среди женщин – 2683,44 км/ч...

Первый в истории космонавтики совместный полет и стыковка космических кораблей „Союз“ – „Аполлон“ с космонавтами А. А. Леоновым и В. Н. Кубасовым (СССР) и Т. Стаффордом, В. Брандом и Д. Слейтоном (США)...

В телеэфир вышел первый выпуск игры „Что? Где? Когда?“...

Нобелевская премия мира, присужденная Андрею Дмитриевичу Сахарову, советскому физику и общественному деятелю, вручена его жене Елене Боннер...»

Година принимали в комсомол. На собрании нужно было получить рекомендацию. Отличница из их класса уже получила и ее, и сам комсомольский билет. Алексей тоже хотел быть в «передовом отряде советской молодежи». Его увлекали история Павки Корчагина, фильм «Добровольцы» и, конечно, песня:

«Комсомольцы-добровольцы!

Мы сильны нашей верною дружбой,

Сквозь огонь мы пройдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы-добровольцы!
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной —
Только так можно счастье найти...»

А еще стихи Сергея Есенина:

«Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом».

Хотелось вместе с другими хорошими ребятами с ленинскими значками на груди делать какое-то большое, настоящее дело: «Здрав штаны, бежать за комсомолом».

Алексей с волнением шел на собрание, хотя и не сомневался, что подходит комсомолу: да, не отличник, но учится хорошо, общественной работы не чурается – помогает отстающим по физике и химии. Но вредная отличница – «первопроходная» комсомолка – заметила:

– У Година на последнем уроке была тройка по истории. Рано ему еще в комсомол!

Действительно, он схлопотал «тройак» по истории, которую скучнейшим образом преподавал учитель – сын дирек-

тора школы. Алексей планировал в ближайшее время «закрыть» некрасивую оценку и даже не думал, что она может помешать его вступлению. Но ведь помешала: не дали ему рекомендацию.

Годин был и расстроен, и горд за комсомол: даже с текущей тройкой не берут. Учебу надо было подтягивать. И он «закрыл» исторический «трояк»: через несколько месяцев снова подал заявление.

Со второго раза все получилось. Рекомендацию Годину и еще одному «хорошисту» из класса дали. В райкоме комсомола прошел комиссию, на которой правильно ответил на все задаваемые вопросы, в том числе и о том, что такое «демократический централизм». Зазубрил так, что помнил до сих пор: «демократический централизм состоит в сочетании демократизма, то есть полновластия трудящихся, их самостоятельности и инициативы, выборности руководящих органов и их подотчетности массам, с централизацией – руководством из одного центра, подчинением меньшинства большинству, дисциплиной...»

Никаких больших, настоящих дел, впрочем, для него не нашлось. Годин ходил на оказавшиеся весьма скучными комсомольские собрания, писал личные планы и отчеты, какие-то приветствия по какому-то общественному поводу.

Да, комсомол был очень скучен. А вот в Потаповке жизнь была ключом. Алексей с друзьями уже не стреляли из рогаток и поджигов, не лазили по чужим огородам за клубни-

кой: нашлись более взрослые увлекательные занятия. Митяй, Андрюха, Колян, которых, несмотря на тройки и двойки, по стремительно разворачивающейся программе «всеобщей комсомолизации» тоже приняли в ВЛКСМ, всюду задымили: кто смолил «Беломор», кто «Север», а кто и болгарскую «Стюардессу» с «Ту-104». Алексею курить не нравилось, а вот портвейн «Три семерки» пришелся по душе. Алкоголь менял его «агрегатное состояние». Тело становилось как будто легче, проходило стеснение, появлялся задор, и Годин вместе с друзьями начинал приставать к местным красоткам, задирает пацанов с другого конца Потаповки.

Не все деревенские девчонки отвергали притязания. Некоторые только для вида отмахивались, а сами с удовольствием позволяли себя целовать и даже тискать. Алексей «крутил любовь» с Зиной – соседкой, крепкой во всем: в плечах, в груди, в бедрах. Целовались взасос до посинения-онемения губ.

В деревне он не рассказывал друзьям, что в школе начал ходить еще и в кружок танцев. Надеялся, что, если все же когда-нибудь удастся встретиться с Ариной, то он сможет станцевать с ней и вальс, и танго, и даже пасодобль. Но о своих танцевальных «достижениях» записал в комсомольский отчет – отрапортовал, надо же было о чем-то рапортовать.

«1976 год.

„Египет разорвал договор о дружбе с СССР...”

Led Zepplin выпустили свой шестой студийный альбом

Presence...

С конвейера Камского автомобильного завода сошел первый серийный автомобиль марки „КАМАЗ“. Модель быстро завоевала популярность на российском и международном рынке грузовых перевозок...

Спущен на воду атомный ледокол „Сибирь“...

Первый концерт группы Kiss...

Группа ABBA в третий раз поднялась на первое место британского хит-парада...

Южный и Северный Вьетнам объединены в Социалистическую Республику Вьетнам...

Вышла кинокомедия Эльдара Рязанова „Ирония судьбы, или С легким паром!“...

Советский пилот Виктор Беленко совершил побег на истребителе „МиГ-25П“ в Японию, где запросил политическое убежище в США...

Скончался выдающийся китайский государственный и политический деятель, революционер-марксист, председатель ЦК компартии Китая Мао Цзэдун...

Заслуженный мастер спорта СССР, чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию Шаварш Карапетян спас 20 пассажиров троллейбуса, упавшего в Ереванское озеро...

В Новосибирске произошел умышленный таран самолетом „Ан-2“ пятиэтажного жилого дома. Летчик хотел убить жену и тещу...

Элизабет Тейлор в седьмой раз вышла замуж...

В США выходит фильм „Кинг Конг“...»

Умерла бабушка, и следом рядом с ее могилкой появилась еще одна – дед не смог жить в одиночку. Потаповка для Алексея закончилась вместе с ними. Другого такого места у него не было, как и не было других бабушки и дедушки. Отец мамы, родом из Белоруссии, погиб во время войны с фашистами. Ее мама, украинка с Полтавщины, умерла вместе с другими двумя дочерьми от какой-то болезни, выкашивающей голодные деревни подчистую: тогда выжила только средняя – его мама Аня. Еще одной доброй «бабушкой» Алексея стала тетя Дуся в Дальнедорожном.

Он плакал и на могилах в Потаповке, и потом дома, вспоминая. Так и не решился, не успел попросить деда научить его обращаться с рубанком и стамеской. А тот ждал и хотел... А бабушка, милая бабушка... Каждый день она утром и вечером молилась на свои иконки в красном углу. Сквозь непонятные слова он разбирал иногда:

– Петенька... Лешенька... Лилечка... Паси бог!..

Годин вздрогнул, вздохнул, вытер набежавшие слезы, прислушался: нет, всего лишь показалось, что кто-то идет.

С Ариной и в новое лето они не встретились. Она, по слухам, поехала во всесоюзный пионерский лагерь «Артек», в который Годину, как ребенку из обычной семьи, никогда не попасть. Зато в выпускном классе школы на него обратила внимание Катя. Она была так похожа на соседку Зину из Потаповки, но одевалась поинтереснее. Деревенская пассия

приходила на свидания в одном и том же свободном синем сарафане, под которым богатая женская фигура только угадывалась. У Кати же были разные платья, мини-юбки, почти «фирменные» польские джинсы, умопомрачительно обтягивающие упругие бедра. Зина пристегивала пажами к трусам штопаные чулки. На Кате были новые дефицитные колготки, которые для долшей сохранности держались в холодильнике. С Зиной они виделись только летом, а Катя всегда была под рукой. И, главное, у городской девочки интересы были все-таки шире. Зина спрашивала:

– Ты кем хочешь стать: скотником, как Василич, или трактористом, как дядь Саша?

Катя же интересовалась:

– Леш, ты правда собираешься поступать в институт?
«1977 год.

В столице СССР произошел пожар в гостинице „Россия“, в результате которого погибли 43 человека, еще 52 человека получили травмы...

В Лос-Аламосе установлен суперкомпьютер Cray-1 с производительностью 133 мегафлоп...

Пленум ЦК КПСС одобрил проект новой Конституции СССР...

Л. И. Брежнев стал председателем Президиума Верховного Совета СССР, впервые совместив высшие партийный и государственный посты...

В зарубежных кинотеатрах начался показ фильма „Звезд-

ные войны. Эпизод IV: Новая надежда“, ставшего первым по размерам кассовых сборов...

В продаже появился первый персональный компьютер Apple II...

Последний концерт Элвиса Пресли в Индианаполисе...

Советский гроссмейстер Виктор Корчной попросил в Амстердаме политического убежища...

США запускает космический корабль Voyager 2 для исследования дальних планет Солнечной системы...

На Чернобыльской АЭС пущен первый блок...

Советский атомный ледокол „Арктика“ первым из надводных кораблей достиг Северного полюса Земли...

Утвержден новый текст гимна СССР, в частности, слова „И Ленин великий нам путь озарил; Нас вырастил Сталин – на верность народу, На труд и на подвиги нас вдохновил!“ заменены на „И Ленин великий нам путь озарил: На правое дело он поднял народы, На труд и на подвиги нас вдохновил!“ ...

Совершил испытательный полет первый советский широкофюзеляжный самолет „Ил-86“, принимающий на борт до 350 пассажиров, его дальность полета составляет 5250 километров...

5 ноября 1977 года умер Алексей Стаханов, знаменитый на весь мир шахтер – зачинатель массового движения новаторов производства в Советском Союзе, Герой Социалистического Труда...

Учреждено звание „Народный учитель СССР“...»

Шорох за спиной и такой болезненный пинок прямо в копчик:

– Зачитался-таки, интеллигент, твою мать! А кто работать будет?!

Вернулись те же двое. На этот раз – правда, зачитался, проворонил. Молча сносил удары по лицу и телу. Один, второй, третий...

– Улыбается, гад! Он над нами смеется!

А Годин, спокойно пропуская болезненные удары, просто думал о бабушке, о Зине, о Кате, о советском атомном ледоколе «Арктика» и советском же широкофюзеляжном самолете «Ил-86», которыми можно и нужно было гордиться...

– Ничего, он у нас скоро так посмеется, так посмеется!

Осталось три ночи...

«Ко всему!»

На следующий день Годин работал в кузнице, оборудованной в ремонтной части. Прапорщик-кузнец в грубой робе выковывал какую-то деталь то ли для танка, то ли для дащи кого-то из командиров. Алексей подметал окалину, таскал уголь, а то качал меха, засматриваясь на огненную работу. Твердая сталь, раскрасневшись, побелев, становилась мягкой, податливой. Прапорщик бил то большим молотом, то малым, и металл поддавался, принимал форму, которой добивался кузнец. Годин не мог оторвать взгляда от стальной метаморфозы. С таким же восторгом он смотрел в Потаповке на консервную банку, в которой на костре плавился, превращался в жидкость твердый свинец, на кальций, во время школьного факультативного занятия бегавший по воде и превращавшийся в ничто – в дымок.

Перед обедом в кузницу заглянули щербатый и прыщавый, кивнули в сторону Година:

– Работает?

Прапорщик равнодушно пожал плечами:

– Работает.

– Ну-ну, – прыщавый «дедушка» бросил дымящийся «бычок» к ногам Година, посмотрел на него: – Денег достал?

– Нет...

– Смотри, мы тебя предупредили...

Кузнец все так же продолжал заниматься своим делом. Бил молотом по наковальне. Незлобно матерился, когда сталь не хотела гнуться, ложиться по нужному профилю.

В эту ночь увели очередного «духа». У Година оставалось еще два дня. Он хотел спать, но не засыпал. В полусне-полубреде размышлял о том, что можно выковать меч на кузнице и перерубить всех «дедушек» в туалете. Кровью забрызгать стены, залить пол. Чтобы в густой красной луже плавали обрубки щербатого, прыщавого и остальных пятерых «дедов»-садистов.

Днем, однако, мозг начинал работать вполне здраво. Алексей вспоминал синюю папку и, конечно, думал о том, что, может быть, напрасно бросил институт. Перебивался бы себе там с «тройки» на «тройку» и как-нибудь закончил бы. Потом как-нибудь отработал бы в школе три года «молодым специалистом» и как-нибудь жил дальше. Как-нибудь...

Нет, «как-нибудь» прожить жизнь его не устраивало. Но, с другой стороны, «как-нибудь» – это все же не постоянный голод, холод, недосыпание, грязная работа, унижения. «Какая-никакая» – хоть и какая-никакая, но все-таки человеческая жизнь. А человек ли он здесь сейчас? Или действительно всего лишь «дух»? «Дух» – кто-то очень точно дал определение существованию молодого солдата.

Очень хотелось жить нормальной, полноценной жизнью. Годин смотрел на то, что происходит вокруг, и понимал, что бороться нет смысла: «деды» сильнее и, главное, сплоченнее.

Физически и морально слабые «духи» объединяться не хотят, терпят и переживают. Мечтают стать «дедушками», чтобы, в свою очередь, самим бить молодых солдат, отыграться на новых «духах» за свои унижения, недосыпания, недоедания.

Алексей никого не хотел бить и не хотел, чтобы били его. И помочь ему некому. Годин уже знал, что офицеры сделают все, чтобы замолчать, замять любой конфликт, происшествие. Командиры готовы на все, чтобы ничего не просочилось за пределы части. Они тоже, прежде всего, думают о собственной шкуре. За инцидент с подчиненными по головке не погладят: не присвоят очередного звания, переведут не на самую приятную должность.

В части, конечно, была комсомольская организация. Там занимались тем же, чем и в школе и в пединституте: ставили вновь прибывшего комсомольца на учет, брали членские взносы, проводили скучные собрания, планировали, рапортовали, но о реальных делах или проблемах – ни-ни: «неча наводить тень на партийное руководство, под которым все в нашей стране осуществляется наилучшим образом».

Годин вздыхал: может, «закосить»? Придумать болезнь: начать сильно кашлять, или гавкать на всех, или мочиться под себя? И снова вздыхал, тоже уже знал: симуляцию быстро раскроют, а в военном госпитале тоже не сахар – там дедовщина такая же, как в части. Так что в результате будет все то же самое, но вдобавок уважение потеряешь и окружа-

ющих, и самого к себе.

Взять и по-настоящему покалечить себя? Положить руку под наковальню в той же кузне? Пальцы засунуть в движущийся механизм танка? Чтобы остаться потом на всю жизнь калекой?

Еще вариант: сбежать из части. Дезертировать. Но куда? На какой солнечный остров в синюю даль? В голове все время навязчиво вертится:

«Все очень просто: в сказке – обман.

Солнечный остров скрылся в туман.

Замков воздушных не носит земля.

Кто-то ошибся: ты или я...»

На построениях то и дело зачитывают сводки о беглецах из «доблестной советской армии». Всех рано или поздно находят, и кому – два года дисциплинарного батальона, а кому и больше. А в «дисбате», по слухам, порядки еще круче: охранники – просто цепные псы, и отбывающие наказание вообще не знают ни покоя, ни отдыха. Там еще более тяжелая работа, еще более изощренные унижения и вообще практически никакой связи с гражданским миром. А как потом, отсидев в армейской тюрьме, в глаза смотреть отцу, матери, сестренке, друзьям, Кате: «Ты сбежал! А кто же будет страну, нас всех защищать?!» И разве объяснишь, что хочешь защищать Родину, хочешь служить ей, а не ублюдкам.

А от родных из Дальнедорожного приходят такие хоро-

шие письма. Они греют. От них жить хочется. И друзья из Потаповки держатся ведь. Митяй, Андрюха, Николай. В письмах только намекают, что и им не сладко. Но держатся ведь.

Значит, продолжать терпеть? Терпеть еще несколько месяцев, пока не станешь «черпаком»? Но не сорвешься ли? Терпения хватает не всем. Писаря из штаба разносят новости по ротам: «В дисбате рядовой, несмотря на предупредительный выстрел часового, голой грудью бросился на колючую проволоку... В соседней части „дух“ повесился на ремне в шушилке...»

«Вешайтесь, „духи“!..» – Этими словами провожали их из «учебки» и ими же встречали в части. Вот и вешаются «духи».

Годин потер шею. Так просто окончить все мучения. Но вот только прежде придется помучиться мыслью, что оказался слабаком, что принес страшное горе матери, отцу, сестренке, Кате... «В н-ской части молодой солдат застрелил трех старослужащих и сам застрелился...» Этот хоть и слаб оказался, но по крайней мере от трех ублюдков землю очистил. Может все-таки и этих семерых «дедов» на тот свет отправить? Не мечом, конечно, но... Достать в хозчасти крысиного яда? Перерезать спящим глотки? А потом из-за них в «дисбат»?

Два дня до «рандеву».

«Духам» редко удается собраться, остаться всем вместе

без «дедов» и «черпаков». Но с утра как раз оказались ненадолго вдесятером в курилке. Рассказывали друг другу, что с ними делали «дедушки» при ночном «знакомстве». Каждый чуть ли не хвастался, что ему было больнее:

– Меня шомполом по заднице так отлупили, что сидеть теперь не могу, сплю на животе. Видите, даже не сажусь, чтобы покурить...

– Меня дужкой от кровати по спине, по почкам... Отбили все, в туалет по нужде больно ходить...

– Молотком по пяткам, я теперь вот на носочках стараюсь...

– Мне об грудь автомат перезаряжали: по ребрам прикладом, пока не получится. Все синее от плеча до плеча, больно...

– А в меня электрические провода от полевого телефона тыкали. Это у них «электрический стул» называется, глаз до сих пор дергается...

Годин подумал, что ему, похоже, «повезло»:

– Меня просто били...

Товарищи рассказывали об избиениях, о пытках, но никто, однако, никакого выхода из этого ужаса не предложил. Все были готовы терпеть и дальше. Чтобы через несколько месяцев таких же молодых солдат так же лупить шомполом по заднице, бить дужкой от кровати по спине, молотком по пяткам, перезаряжать автомат об грудь, тыкать в тело электрическими проводами...

В бредовом сне прошла еще одна ночь, и у Година остался лишь один день на раздумья. И кого винить? Он сам захотел пойти в армию!

«Через две, через две зимы,
Через две, через две весны
Отслужу, отслужу, как надо...»

«И вернусь»? Теперь он не был так уверен в этих последних словах припева популярной, жизнеутверждающей песенки. Уже в который раз вспомнил разговор с отцом, его слова: «Не хотел учиться в институте, так теперь узнаешь, какова она – солдатская жизнь!..» Узнал, отец, узнал!

А еще Годин-старший сказал: «Помни, что бы ни случилось, это все равно пройдет». Как так пройдет? Само собой? Хорошо, чтобы – «раз и прошло». Не проходит. Значит, все-таки терпеть? Все терпеть? Что бы ни случилось, терпеть? А знаешь ли ты, отец, что может случиться, что могут сделать с твоим сыном? И это стерпеть? Ради чего? Чтобы жить потом, не считая себя мужчиной, человеком?

Но и еще отец сказал: «Будь готов ко всему!» А готов ли оказался ко всему? Ко всему! Похоже, что нет...

День, ночь до «рандеву». Мозг Година кипел от напряжения, от поиска мыслей. В их калейдоскопе крутились по кругу: кованый меч, веревочная петля, кровь, колючая проволока, глаза матери...

Нужная мысль должна, обязательно должна была прийти

ему в голову. И она явилась. Прямо в конце дневных работ. Просто оказалась в его руках, когда он снова работал на кузне. Усмехнулся и сунул в сапог. «И вернись?»

На ужине без аппетита проглотил синюю перловку с рыбьим хвостом, залил ее теплой несладкой коричневой жидкостью. По пути в казарму смотрел на часть, на офицеров, на товарищей по несчастью с жалостью. Как бы прощаясь.

После отбоя ждать пришлось недолго. Шаги «гонца» безошибочно дошаркали до его кровати. И вот знакомое:

– Просыпайся, «дух»!

– Я не сплю!

В туалете его ждали все те же семеро. В тех же спортивных штанах, майках и кроссовках. С теми же ухмылками, с сигаретами в зубах:

– Привет тебе, Алексей Годин!

Только сейчас заметил, что у некоторых костяшки пальцев на руках перемотаны бинтом. Догадался: чтобы пальцы не сбить о скулы «духа» и не оставить на себе улики об участии в расправе.

Он стоял перед ними в сапогах, в уже застиранных, когда-то белых кальсонах и рубашке, с опущенными плечами и взглядом, ощупывающим синюю керамическую плитку пола. Снова вспомнил завод, Григорича, инженера-технолога Драгунова... «И вернись?»

– Годин, че молчишь?!

– А что говорить-то?

– Ну, для начала, может, расскажешь о международном положении, интеллигент, твою мать!

– А может, станцуешь?

Подумал о том, какое счастье, что никому в части не проговорился о том, что ходил в школе в танцевальный кружок. Танцевал бы теперь днем и ночью перед «дедами».

– Не, пусть лучше какую-нибудь сказочку придумает из гражданской жизни!..

– А можешь про баб что-нибудь рассказать! Много баб перетрахал там у себя в институте?

– Худые, наверное? Зато очкастые, как училки. Такие же умелые во всем таком? Как они, а, Годин?

– Без понятия...

– Да ты – никак девственник, Алеша? Со всех сторон!

– Чего молчишь?

– Ну, раз не хочешь «дедушек» хорошим рассказом об их скорой гражданской жизни порадовать, давай к делу!

– К какому?

– Дурачком не прикидывайся!

– Нет, я – не дурак!

– Ну, тогда давай!

– Что давай?

«Деды» переглянулись:

– Похоже, он что-то не понял!

К Алексею придвинулся щербатый:

– Гони деньги!

– Какие деньги?

Щербатый с разворота ударил его в грудь:

– Не вспомнил какие?

Годин потер зашибленное место:

– Так месяц же еще не кончился!

– Умный какой! Правда, не дурак.

Алексей сделал удивленные глаза:

– Сами же сказали: в конце месяца заплатишь...

– Точно, умник! – Получил еще удар. – Сами сказали – сами пересказали! А вдруг ты решил месячишко перекантоваться по легкому и потом ничего не заплатить. Этот номер не пройдет! Аванс давай, гони монету! Подтверди, что правильно понимаешь политику партии и народа. И тогда спокойно живи дальше до конца месяца.

Годин обвел взглядом стоящих напротив «дедов»:

– Думаю, я правильно понимаю политику КПСС и советского народа.

– Ты не думай! Деньги принес?

– Какие деньги?

– Да он над нами издевается. Умник, интеллигент! Начитался, похоже, за последние дни на бумажной работе. А может, институт вспомнил? Научную диску... дискусскую решил с нами заварганить. А мы с тобой по-простому поговорим, по-нашему, по-рабоче-крестьянски. Чтобы не издевался, гад, над простым народом!

Щербатый снова замахнулся, но Годин отступил на шаг:

– Нет, что вы? Я не издеваюсь. Я просто констатирую.

Его достал ударом в челюсть тот, что стоял справа и как-то незаметно придвинулся:

– Он конста... Он конста... стакирует, гад!.. Последний раз спрашиваем: деньги принес?

– Нет.

Теперь удар слева:

– Сигареты?

Снова справа:

– Бухло?

Годин вытер кровь с лица:

– Нет у меня денег. Нет сигарет. Нет бухла.

Мотнул головой:

– Нет, и не будет!

Щербатый смотрел на него изумленно:

– Посмотрите, да он смеется над нами! Ржет, сволочь!

– Я не ржу!

К Годину придвинулся еще один из семерки, замахнулся. Алексею уже некуда было отодвигаться – уперся спиной в стену. Он ждал удара, а «дедушка» не торопился, видимо, размышляя, куда бы побольнее ударить.

Тем временем прыщавый поковырял что-то ногтем на лице и поинтересовался:

– А что у тебя есть? Или, может, что будет? Если что стоящее и наверняка, так мы отсрочку дадим.

– Ничего нет! И ничего не будет! Ни-че-го!

– Так не бывает! – Опустил взгляд прыщавый, обшаривая фигуру Година. – Мы же говорили: что-то у тебя всегда есть!

– Ну, да, конечно, – кивнул Годин и положил ладони на бедра, на пояс кальсон, на пуговицы.

– Ну, вот видишь! – Чуть ли не облизнулся прыщавый и обвел взглядом остальных «дедушек». – Что-то для «дедушек» у тебя всегда найдется!

Семерка расслабленно заулыбалась, а Годин обвел их взглядом:

– Денег, сигарет, бухла нет. Но, конечно, что-то для вас всегда найдется. Ну, кто первый?

Глазки у «дедушек» забегали:

– Какой активный! Даже и не подумаешь! Похоже, вечер удался!

Алексей посмотрел на щербатого:

– Может ты? – Перевел взгляд на прыщавого. – Или ты?

Прыщавый опустил руки и принялся расстегивать брючный ремень:

– Могу и я!

Остальные снова переглянулись, согласились:

– А мы подождем пока! Посмотрим!

Руки Година скользнули вниз по кальсонам:

– Подходи! Будешь первым!..

«Может оказаться, что мне интересно. Не знаю. Все же попытаюсь его вести. Наверное, любопытно посмотреть, как проживаешь некоторое время (хорошо бы хорошие вещи

произошли). И если случайно, ну совсем случайно тебе придет в голову гениальная мысль, ты ее запишешь, чтобы не потеряло поколение... По крайней мере, попробую. Давай! Нужно собраться... В этой проклятой школе потеряла навык заниматься собой. Даже отвыкла в кино одна ходить. Читаю мало, музицирую мало... Не глупая, не бесталанная... По крайней мере, трудолюбивая, черт подери. Нельзя оправдать безделье безцельем. Действие равно противодействию. А бездействие?

...

Праздновали классом у Марка. Водили хоровод на улице, счастливые и обнадеженные... Ходили с родителями в гости к дяде... Вернулась домой в 13.00, не спавши.

...

Разбудила сестра, поговорили об одном знакомом... Потом почитала первую подвернувшуюся книжку, нет ничего нового в этом мире...

С Ларой и ее мужем ходили на выставку современных художников – шрифты, виньетки. Красиво, но как-то все унифицировано...

...

Как празднично проходит мое время. Ненавижу... Никогда не влюбляюсь серьезно, но постоянно приглядываюсь к кому-нибудь... Разговариваем об одноклассниках с моими тупыми одноклассницами. Лучше самой направлять сплетни о себе, а если вообще не сплетничают о тебе – то дело твое

плохо.

...

Уборка, готовка, глупости. Ждем домой гостей. Водила племянника днем в кукольный театр. Он спросил меня, почему мы не можем ходить по небу.

Вечером гости. Рассказывают случаи из профессорской и министерской жизни. Ужас. В этом есть что-то глубоко принципиально гнилое. У них, по крайней мере, есть прошлое. А у нас? Не вижу впереди никакой дороги. Как вырваться из того, что окружает сейчас? Нужно найти что-то, что укрепляло бы меня, что осталось бы со мной.

...

Помогала готовить материалы папы и его коллеги по профсоюзу... Готовилась к экзаменам.

Ходили на дискотеку в школе. Чего жду, если ничего не хочу? Просто трачу время.

Снова у нас гости. Еще одни дальние родственники... Сбежала от готовки и с подружкой сходили на Тарковского. Нужно найти стихотворение „Только этого мало“ или что-то в этом роде. Вернулась в девять вечера, гости...

...

Читала... Ходила в гости к подружке... У меня много работы, нужно много читать и учить, и нет времени...

...

Одна. Мама на работе, папа в командировке. Целый день дома. Мила предложила посмотреть три документальных

фильма на работе ее матери, потом поехать за город в рощу на туристическую базу, там остаться ночевать, нелегально. Я отказалась и пока не совершила ничего, убралась дома (мама была очень рада), и это заняло остаток дня.

...

Опять потратила все утро в разговорах с Ларой и папой: об американском зерне, о базисе надстройки (только надстройка разлагается, а база наша держится), об отсутствии Маркса сейчас, о Польше, о терроризме, о замыкании СЭВ в самой себе, о последних современных романах...

Ходила в магазин, делала оливье. Признаюсь, сама и съела почти весь. Опять поругалась со своими, что не учусь. Честно говоря, и мне стыдно. А при этом тебя пугают, поучают. Убивают всякое желание. Гадко...

А сейчас очень важное время – попаду ли я в эту английский спецшколу.

Попила кофе – и за доклад о товарище Подгорном. Не буду спать всю ночь. Я стойкая, но надоело мне. Что хочу доказать – что могу серьезно заниматься, когда захочу, – это и так знаю. То, что обижена, – да, но они правы. То, что взялась серьезно, – бла-бла-бла... Звонила Мила, рассказала, как ездили в рощу, ходили на дискотеку. Сопровождающие приятели были пьяными и настойчивыми. Никогда не нужно напиваться мне. Приятно, но ужасно.

...

Действительно не спала всю ночь. Читала Салтыко-

ва-Щедрина и слушала Окуджаву. К семи наши встали. Не знают, что делать, – меня ругать или смеяться. Пошли с Милой в кино.

После случайно встретили Леню и Варю. Варя явно на меня сердита. Черт! Варя ревнует, похоже...

...

Ну вот и желанная английская спецшкола. Предметы частично на английском же. Понимаю только то, что ничего не понимаю. Похоже, у моих одноклассников, тоже поступивших сюда, такие же проблемы...

...

Не купили учебник по физике. С октября или ноября начинаю на общую культуру. Но какая общая культура по физике?

Должна заниматься завтра немного стенографией, дочитать книги по Льву Толстому, сделать уроки по истории, физике, химии и математике. Ужас!

Читала Салтыкова-Щедрина.

...

Читала Салтыкова-Щедрина. Читала дома с пылесосом. На обед пришли зять с племянником.

Читала рассказы Фолкнера. Наши думали, что учу историю.

Ходили с Милой к однокласснику на торт, который испекла его мама. Она все время смотрит на меня с материнской ревностью и подозрительностью.

Почему все дети любят ходить и бегать по земле на всех четырех?

...

Меня разбудил племянник, который спал у нас. Чистила от снега машину и балкон. После обеда спала.

Ходили в гости к еще одному однокласснику. До 22 часов. Столько потерянного времени!

...

Мотаюсь. Учила физику. Заходил П., читали один сценарий...

...

Учебный день. С утра искупалась, почистила-погладила одежду, что-то вспоминали с папой – все что угодно, только не учеба.

Папа: „Человек, когда стареет, глупеет. Сам это вижу, а вот молодые этого не могут заметить“.

...

Читала Тургенева. Учила химию. Как всегда, беда приходит не оттуда, откуда ждешь, – английский. Надо перевести: „День победы национально-демократической революции в Афганистане...“

Зигмунд Йен (ГДР) стал первым германским космонавтом на борту корабля „Союз-31“...

В Советском Союзе проведено успешное испытание нейтронной бомбы...

Дал ток первый гидроагрегат Саяно-Шушенской ГЭС на

реке Енисей...

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович лишены советского гражданства...

Государственный переворот в Афганистане...

Спустя десять лет группа Bee Gees вновь оказалась на верхней ступеньке американского хит-парада с песней Night Fever...

На вооружение ВВС США принят истребитель F-16...

Всемирная организация здравоохранения объявляет о том, что вирус оспы уничтожен в природе...

Члены шведской группы ABBA Бьёрн Ульвеус и Агнета Фальтсог расходятся после семи лет супружеской жизни... “

А еще попросили помочь выпустить классную стенгазету. Кто-то хочет написать в ней о XX съезде партии и осуждении И. В. Сталина (ему скоро, как и Ленину, 100 лет). Но кто-то говорит, что про него писать страшно и политически неверно, кто-то – что Сталин – не актуален. Прямо каламбур какой-то...

Мама сегодня была на конференции. Ее снова избрали секретарем районной партийной организации.

...

Учу английский, читая Бернарда Шоу. Очень он мне нравится, но только не нравятся ужасно диалоги. Очень театральны. Учительница говорила на занятиях про него: „Жил почти целый век“. Леня заметил: „Ну и что, все равно умер!“

С Николаевым обменялись многозначительными улыбка-

ми. Явно ему симпатична.

Читала Чернышевского.

Преподавательница по литературе очень довольна моим сочинением. В спецшколе это моя первая пятерка по литературе.

Получила пятерку и по физике!

На родительском собрании физичка сказала, что я очень талантливый ребенок. (У меня еще был реферат по астрономии. Надо найти его. Правда, очень хорош.)

...

Сегодня на практике, что неприятнее школы. С утра занималась стенографией.

Папа признался, что читал мой дневник. Не гадко ли? Значит, возможно, что читал и еще кто-то. Это меня огорчает.

Поругались вчера с Марком.

Практику сдала неожиданно легко. Хорошо переводила. С машинописью было тоже очень хорошо.

Пришла домой очень уставшей. Спала один час.

Вечером ходила на факультатив по истории. Его ведет один тип Сидоров, ему за семьдесят. Как он сказал, мы не намного младше его. Давал фактический материал.

Не могу понять, почему занятия по истории меня облегчают и ободряют. А эти – Сидорова – прямо-таки удовольствие.

...

Занималась математикой и химией. Поругались немного с папой из-за пустяка...

Мила позвала на день рождения к своей бывшей однокласснице, но я решила, что у меня много работы, и отказалась, а потеряла время у телевизора – мелодии 80-х. Тяжело мне из-за П.

...

Лень, лень, лень! Целую неделю ничего не писала в дневник. Почти и не училась эти дни, все думала о своем дне рождения.

На математике был инцидент. Решали классом задачу. Было озарение, а когда вызвали к доске – слова не могла сказать. Ни звука. Нервы. Реву из-за глупостей.

Today I invited him to the birthday party. He refused in an insulting way as if saying I don't care for you. Это ужасно меня расстроило. Просто не верила, что это возможно. Я потерянный поросенок. Никогда не могу понять, что истинное, а что надуманное.

Взяла гитару у Милы. Может, зять поиграет. Просто так. Для настроения. Because I'm in love? Because I'm unhappy?

...

Вчера была на дне рождения у сына сестры. Было столько детей и взрослых! Тортик, который Лара купила сыну, был просто прелесть!

...

Сегодня празднуем мой день рождения. Сумасшедшая

уборка. После обеда пришла Мила и приготовили еду. Она сказала, что несколько человек были обижены тем, как я их пригласила. Черт с ними!

Папа позже определил: по философским взглядам я неогегелианец, а по отношениям с людьми – ницшеанец. ОК.

Принесли Hitachi. Здорово повеселились! Я, по крайней мере, просто цвела и пахла. Ничем не интересовалась. До 22.30 танцевали. После позвонили соседи, сказали, что поднимаем много шума. Тогда Кир из параллельного класса заиграл на гитаре, и пели дворовые и блатные песни до 24 часов. Папа здорово разволновался, но сохранил присутствие духа. Было всего больше 20 человек. Это был мой лучший день рождения! Столько комплиментов! А ведь заслуживаю их!

...

Немного прибралась. Делала вид, что занимаюсь. Температура 37,5 – и меня отпустили из школы на два дня. Наш класс дежурный. Саша извинился, что не был, – у него были гости, а не обиделся.

Пришла домой. Ждала сестру после обеда. Лара пришла в 18.00, а я уже ушла на факультатив. Обе сердиты...

...

Ничего не делаю, в школу идти не нужно. Обсуждаем день рождения с сестрой.

Вечером зашли ребята забрать кассеты с музыкой, которые приносили. Их назавтра тоже всех отпустили из-за эпи-

демии гриппа.

Я как примерный ребенок целый день провела дома, а вечером пошла на факультатив по истории. Встретила учительницу и думала, как оправдаться, что не хожу в школу, а прогуливаюсь по улице. Она прошла, меня не узнав. Чуть не упала от удивления и облегчения (ребята жаловались, что она их видела с сигаретами и им снизили оценку по поведению).

...

„С днем рождения, Верочка!“ Мама звонила из Венгрии, из командировки. Сестра мне гадала на картах. Нагадала конец всем моим неприятностям. Пришла Мила с подарками. Записная книжка (первое средство против склероза), „Солярис“ (для ускорения схождения с ума), суп из спаржи (огромная забота о моем желудке) и тигровая мазь (против любовной головной боли, использовать только в самом крайнем случае – запах исправляет муку). Слушали Animals – Pink Floyd. Я себя чувствую тупо, держусь тупо, думаю тупо...

Зашел расстроенный Марк – его только что срезали на водительском экзамене. И там порочный круг. Инструктор готовит плохо, гаишник придирается, чтобы еще давать денег инструктору за дополнительные часы.

Подарил мне какое-то идиотское украшение. Посмотрел на карты. Плохо. Договорились, что никому не скажем, что он провалился. Ушел...

Слушаю Animals, Styx – My boat on the river, etc. Раскидываю карты...

Пришел папа. Только сейчас понял, что у меня день рождения. Поздравил.

Сводила сестру и зятя в кафе. Потом зашли на художественную выставку. Взяли такси и поехали в гости к знакомым зятя, а их не оказалось дома.

Очень хочется сходить на хороший концерт.

Вернулись домой пешком по снегу. Очень красиво. Прошла мимо старой школы. Столько хороших воспоминаний... Как здесь весной цвели деревья... В пятом классе Кирюша меня провожал, а Надька за нами следила, дети во дворе над Кирюшей смеялись...

Весь вечер мучило желание, чтобы родители не ругались, чтобы выслушали меня, и вообще, только положительные эмоции!

Пьем виски и едим старые бутерброды. Протекла крыша: и на кухне, и в папиной комнате появилась наледь...

Лара с зятем ушли. Папа раскинул мне карты. Проклятые крести. Судьба...

Читаю „Солярис“. Думаю об астральном. Не думать!

Старею. Путаюсь. Хочу что-то делать, что угодно, но настоящее...

...

Встретились с Ларой, пошли в магазин, она мне что-то хочет купить по случаю дня рождения. Купили...

Ходили с Милой в кино... Потом пошли получать какие-то нужные характеристики в школе. Нашим ребятам

уменьшили оценку за поведение. Кому-то за курение (причем завуч перед этим звонила им, чтобы они сказали, что они не хотели курить, но их заставили другие, но ребята, конечно, так не сказали), у Буси нашли на турбазе в койке бутылку рома...

...

Лютую дома. В моей комнате абсолютный бардак. Расчищала квартиру ко дню рождения, и все вещи оказались у меня.

Вечером иду на факультатив.

...

Спрашивали меня по физике. Поняла, что не подготовилась сразу к двум урокам. Нажимаю на общую культуру. Самочувствие! Вопреки всему в хорошем настроении...

...

Перечитываю Тургенева. С большим удовольствием...

...

Извиняюсь за химию. Но по этим курсам не могу учиться. Досадно, не дается мне. Что делать?

...

Опаздываю в школу. Точно передо мной два одноклассника закрыли двери. Хорошо, что прихватила мандаринку. Подкупила одноклассника и так спасла десять человек. А завтра я дежурю. Блаженство. Relax.

...

Дежурная. Болтаю с „коллегой по счастью“. Двое ребят де-

журят на дверях и уже похожи на сосульки. Скучно мне, и я скучная.

Прохожу по классам, записываю отсутствующих. Математик представил меня каким-то подготовишкам: „Очень хорошая математичка“. Смех в классе, от удовольствия покраснела как свекла. На таком дежурстве, по крайней мере, познакомишься со множеством людей. На прошлом дежурстве один ученик попросил меня дать ему рекомендацию в комсомол.

...

Опять дежурю. Удачно, пропущу две контрольные – по физике и химии. Уже десятки людей в школе говорят со мной как со старым знакомым. Все-таки человеческий контакт значит много. Посмотрела дневник успеваемости. Средний бал – 4,7. Хороший ребенок!

Пригласили на вечеринку новые школьные знакомые. Но подумала и отказалась. Я их совсем еще не знаю...

...

Скатываюсь... На следующей неделе контрольная по алгебре, а у меня с задачами полная ж. Позвонила нескольким одноклассникам, чтобы порешать задачи вместе. Они или не решают, или находят какой-то благовидный повод, чтобы отказать. Марк мне прямо сказал, что так много времени тратится напрасно, но если будут с чем-то проблемы, то могу ему позвонить, и он поможет по телефону. Когда ожидал, что мы будем встречаться, то был очень внимательным, а сей-

час... пошли они все к черту! Как будто не слышу по телефону, как грызут и пережевывают очередные страницы из задачника.

Ходила к сестре, и там меня ждал обещанный шоколадный торт. Съела торт и вернулась домой.

Совсем скатываюсь... Охватывают меня и паника, и отвлечение, и бессилие. Хочу, чтобы быстрее пришло завтра – и я уже в школе, там я как-то рассеиваюсь.

Учу физику – атомную физику, релятивистскую квантовую механику. Время от времени впадаю в сумасшедший восторг: сначала половину страницы тебя убеждают в одном, а потом очередное предложение: „На самом деле все обстоит иначе...“ И начинают убеждать в обратном. Ощущаешь себя электроном и чувствуешь свои волновые свойства. Или, как сказал один пятилетний пацан: „Устал, как лампочка на 120 вольт, которую включили в сеть на 220 без трансформатора“.

...

Да, время в школе идет быстрее...

...

Опять прерывала свои записи. Нет мне оправдания, но правда просто нет времени.

Но попробую припомнить важные вещи. Были контрольные по алгебре, русскому языку. По физике и английскому приходили практиканты, почти не учились с ними. Все время сбивали их на песни Cherokee people, etc. „So hard to live, so proud to die...“ Или вообще пропускаем занятия.

Езжу на автобусе в школу. И все время слышу какие-то забавные истории, реплики:

– Внимательнее, товарищ, вы рвете мне колготки...

– Полный автобус похож на женское сердце: нужно нажать, чтобы влезть.

И кто-то добавил:

– И всегда есть место для еще одного...

Поругались с Марком. А мне опять хочется сблизиться с П.

О, my English is terrible! Сейчас в школе десятидневка, когда по всем предметам говорим только на английском...

...

Экскурсия... контрольные...

...

В первом классе учительница рассказывает о звуке „Р“ и просит детей назвать слово с этим звуком. Молчат, потом один мальчик радостно кричит: „Самолет! – Почему? – Ну, он же так делает: р-р-р-р!“

На уроке истории:

– Балканские страны от турецкого рабства освободила русская армия, а от фашистов...

Молчание.

– Хорошо, помогу вам! А от фашистов – красная...

Дети:

– Шапочка!

Вчера была на дне рождения у Милы. Замечательно...»

Левая рука Година замерла на месте, правая скользнула по кальсонам дальше вниз. Прыщавый, продолжая расстегивать ремень, сделал шаг к нему. Алексей чуть присел и запустил ладонь в сапог. Выдернул из него кованый шип длиной в три ладони. Прихватил его из кузни – прапорщик вроде бы не заметил пропажи. Намотал на толстый край шипа тряпку, получилась удобная рукоятка. Другая сторона сходилась четырьмя поперечностями в узкое острие. Теперь в его руке лежал настоящий стилет. Им так удобно наносить глубокие колотые раны, которые если и не убивают, то очень долго, сложно зарастают.

Сжав в руке «стилет», Годин смотрел на не дошедшего до него прыщавого:

– Ну, чего остановился! Подходи, будешь первым!

Тот не спешил двинуться с места. Тогда Алексей обвел взглядом всех остальных:

– Кто-нибудь другой хочет быть первым? Или вторым? Третьим? Четвертым?..

«Все, Годин, отслужил!»

Побледневший прыщавый отступил назад. На лице щербатого появилась кривая улыбка, глаз у него заметно подергивался:

– Да, ты че, Годин? Мы же пошутили!

Тут же подали голос и другие:

– Ну да, проверить тебя хотели!.. На стойкость!.. Настоящий ты советский солдат или так, баба!..

Алексей смотрел на них недоверчиво:

– Так проверяйте до конца! Подходите! Хоть по одному, хоть все вместе, и я вас на прочность проверю! Может, всех не успею, но парочку точно на тот свет отправлю.

– Больной, что ли? – Никак не мог застегнуть ремень дрожащей рукой прыщавый.

Щербатый сплюнул на пол:

– Дурак, ты, Годин, хоть и умный! Пошли, ребята!

Все семеро, побросав окурки, быстро покинули туалет.

Алексей простоял еще несколько минут в одиночестве и диком напряжении. Рука, сжимавшая «стилет», побелела. Левой он вынул его из правой. Опустился на пол, откинувшись спиной и головой на стену. Подобрал рядом лежащий, еще дымящий «бычок», вставил в распухшие от ударов губы и глубоко затянулся.

Днем на работах ему, как и всем другим «духам», по-

прежнему доставалось то подзатыльника, то пинка. Но били его теперь без особой жестокости, как бы «по обязанности». Главное же, что после еще нескольких почти бессонных ночей, когда ждал, что его все-таки снова вызовут в туалет, он наконец смог полноценно отсыпаться свои положенные по уставу «от отбоя до подъема» – за ним больше не приходили.

Годин тем не менее не расслаблялся. Любую работу старался делать на совесть, обмундирование держал в чистоте и порядке и ни на минуту не расставался со «стилетом». С «товарищами по армейскому счастью» больше проблему ночных вызовов не обсуждали. После «знакомства» каждый решил ее в одиночку и по-своему.

В работе, в теоретических занятиях и практических тренировках, в ожидании писем с «гражданки» пролетали день за днем, и как-то совсем неожиданно вышел очередной приказ министра обороны об увольнении в запас и новом призыве. «Дедушки» вообще забыли на службу, на офицеров и солдат – стали «дембелями». Годин сотоварищи перешли в новую категорию, превратились в «слонов». Как и положено, бывших «духов» ритуально отбили табуретом по заднице:

– Ну, вот теперь вы – настоящие боевые «слоны»!

Когда он в очередной раз попал на работы в кузницу, прапорщик как бы мимоходом сказал:

– Положи на место то, что брал... Больше это тебе ни к чему!

Значит, он видел, как Алексей стащил «стилет», понимал,

для чего. А в конце дня немногословный кузнец неожиданно разговорился:

– Слушай, Годин! Отслужишь, оставайся на сверхсрочную – вижу, у тебя настоящий интерес к металлу есть. Научу тебя с железом работать. Подготовлю себе замену...

Годину слова кузнеца были приятны, но он не знал, что ему ответить:

– Я подумаю.

– Подумай, сынок, подумай. Дело и интересное, и... – Похлопал себя по рабочим штанам, – и на карман всегда будешь иметь.

– Я подумаю...

Армейская жизнь Година налаживалась. После дежурств он научился никем не видимым досыпать в танке, в закутке ангара, а то и прямо над тетрадью во время политзанятий или над подшивкой газет в синем красном уголке:

«Вьетнамскими войсками свергнут кровавый режим Пол Пота в Камбодже...

В СССР стартовала Всесоюзная перепись населения...

Аятолла Хомейни вернулся после пятнадцатилетней зарубежной ссылки и провозгласил Иран исламским государством...

В пустыне Сахара выпал снег...

Осуществлен запуск космического корабля „Союз-33“, пилотируемого международным экипажем в составе летчика-космонавта СССР Н. Н. Рукавишникова и первого космо-

навта Болгарии Георги Иванова...

В Киеве открылся театр драмы и комедии...

Элтон Джон дал концерт в Ленинграде, став первой западной звездой рок-музыки, выступившей в СССР...

Фирма Sony представила Walkman...

В Никарагуа победила сандинистская революция. Покончено с многолетним правлением кровавого и коррумпированного режима „своего для США сукина сына“ Анастасио Сомосы...

В небе над Днепродзержинском (Украина) произошло столкновение двух пассажирских самолетов „Ту-134“. Погибло 173 человека, в том числе 17 футболистов узбекской команды „Пахтакор“...

Советские спортсмены Людмила Белоусова и Олег Протопопов запросили политического убежища в Швейцарии...

Иранская „революционная гвардия“ (студенты) захватывает американское посольство в Тегеране...

Вследствие ошибки американского компьютера, сообщившего о советском ядерном нападении, в США объявлена ядерная тревога. В течение десяти минут мир находился на краю ядерной войны...

Впервые осуществлено переливание искусственной крови человеку...

Pink Floyd выпустили двойной альбом The Wall...»

Отступал и голод. Родители высылали то «трешку», то «пятерку», которые теперь у него никто не отбирал, и можно

было прикупить в «чипке» сгущенки, пряников, печенья или конфет. А еще появившиеся знакомые дежурные из солдатской столовой подбрасывали то хлеба с маслом, то пригоршню сахара-рафинада, а то и кусок колбасы. Годин жевал и с улыбкой вспоминал мудрые слова отца: «Главная заповедь солдата: держись подальше от начальства и поближе к кухне...»

Теперь голова Алексея могла полноценно работать, и он уже вполне осмысленно занимался боевой подготовкой. Садился на место механика-водителя и самостоятельно управлял танком. Натренировался вручную заряжать до восьми снарядов в минуту. В любой момент мог заменить командира экипажа. Постепенно становился одним из лучших наводчиков части.

Только сейчас стал замечать, что танк – это очень неудобная для человека конструкция. Со всех сторон приборы, механизмы, все время бьешься обо что-то. Зимой в танке холодно, летом – жарко. Назад лучше не оборачиваться – за спиной располагается боекомплект. Как представишь, что будет с тобой, если хоть один из этих снарядов взорвется...

Все в бронированной машине напоминало о том, что «танк рассчитан на сорок минут боя». Если будет война, то жить членам экипажа на поле брани положено лишь эти самые сорок минут. Зачем тебе комфорт, удобства? Как-нибудь стерпишь. Сорок-то минут.

Еще во время тренировок, дневных и ночных стрельб на

полигоне Алексей понял, как важно правильно готовить боевую машину к действию. После первых же выстрелов, которые были очень удачными – точно поразили мишень, у него в глазах вдруг все помутилось, к горлу подошла синяя тошнота. «От радости что ли такое со мной?» – подумал и уже чуть не потерял сознание, когда услышал голос командира экипажа: «Открыть люки!»

Остановились, провентилировали танк, с ужасом глядя на зеленые физиономии друг друга. Оказалось, что чуть не угорели всем экипажем: не проверили нагнетатель, который создает избыточное давление внутри башни, и отработанные пороховые газы после выстрела вылетели не в ствол, а в боевое отделение. Вовремя сообразил командир экипажа, а то могли бы уже никогда не прийти в себя.

А на следующий день Годин познакомился с «джином». Во время стрельбы из пушки в башню через плохо почищенный клин-затвор прорвались вообще не выгоревшие пороховые газы: раскаленная, как в газовой горелке, струя. Отклонись Алексей чуть в сторону – и голова превратилась бы в головешку. Как же они чистили потом этот клин-затвор весом под семьдесят килограммов! Его сначала еще и снять надо было, вытащить из башни. Чуть не размозжили кисть механику-водителю, когда клин-затвор начал соскальзывать на край люка. Тот чудом успел выдернуть руку из-под поехавшей не в ту сторону железяки.

В конце учебных стрельб впопыхах загнали в ствол лиш-

ний снаряд, а команды «Огонь!» не последовало. Что делать? По инструкции пушка разряжается исключительно выстрелом. Но тогда пришлось бы отчитываться за этот лишний, потраченный неизвестно на что снаряд. Командир экипажа приговорил:

– Делать нечего: будем выковыривать его обратно с помощью деревянной прокладки и шомпола.

Это было непросто и жутковато. На полигоне им показывали выгоревший изнутри танк. Оплавленный металл. От человека остается кучка пепла. Если, конечно, ударной волной не разнесет по окрестностям вместе с металлическим фаршем. И хоронить будет нечего...

То один, то другой сослуживец бросал в сердцах:

– Танк – это гроб на гусеницах!

Но все в минуты отдыха с удовольствием пели неизвестно кем сочиненную песню:

«На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.
По танку вдарила болванка,
Прощай, родимый экипаж,
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренний пейзаж...»

Под печальные жесткие военные песни сразу вспомина-

лись мама, отец, сестренка и, конечно, такая мягкая на ощупь Катя. Вот и очередное ее письмо: ждет, расписывает, какой будет свадьба, где и как ее проведут. И такие особенные слова: первая брачная ночь...

Родители стали больше писать о здоровье, о каких-то недомоганиях, снадобьях. Лиля, наоборот, кажется все бодрее с каждым днем, у нее взамен старых появляются новые увлечения. Она забросила карандаши и фломастеры, пошла в музыкальную школу: «Учу играть по нотам во поле березонька стояла, а битлс как на твоём магнитофоне никто здесь не учит...»

Еще родители напоминали, что после армии можно восстановиться в педагогическом институте. Но Годин на это только вздыхал. Он все еще не знал, что делать, куда податься после службы. Отсрочка, которую сам себе устроил, сбежав из дома, рано или поздно закончится...

«Позвонила Миле – должны вместе поехать в дом отдыха.

...

Поехали с папой в дом отдыха. На большой черной машине. С ужасом обнаружила, что потеряла пальчик-талисман, который подарила сестра. Поиски безрезультатны.

Вспомнила историю с Андреем. Он также ехал из дома отдыха, но автостопом. Шофер грузовика спросил его, почему не поехал автобусом. Ответил: „Опоздал на поезд“. Когда доехали, то шофер спросил:

– Ты в каком классе учишься?

– В девятом.

– Что у тебя по географии?

– Пятерка!

– Ну, тогда должен знать, что здесь нет железной дороги...

Папа читает газету. Говорит, что Рейган – первый умный президент в США. Надуваю щеки из-за зодиакальной гордости – Рейган тоже Водолей.

Заселились в дом отдыха ЦК – мама не приехала. Погода – неповторимая, небо – бирюза, снег... Жду Милу у чайной и встречаю Георгия. Он живет еще с одним парнем на отдельной даче. Жалуется, что холодно – что-то там перегорело из-за мороза.

Идем с Милой и папой на подъемник. Кататься на лыжах не будем, но интересно посмотреть хоть и с небольшой, но высоты на все...

Ходила в гости к Георгию. Обрато меня провожала его мама. Тысячи звезд. Темно и страшно. Вспомнила, как летом ходили в поход с друзьями, шли по дождю. И тогда мне было страшно из-за темноты.

Приехала мама, вечером смотрели с ней телевизор...

...

На завтраке мама познакомила меня со своей коллегой и ее сыном. Он настолько застенялся, что мне стало неприятно. Мои пошли на прогулку.

Встретились в чайной со всеми приятелями, которые здесь. Но долго не засиделись, в 13.00 мне обратно. Жаль,

только распогодилось.

Опаздываю с обеда. Мама нервничает. Сплю в машине.

...

Иду к Ларе. Там бодрое настроение и трудовой энтузиазм – переупаковывают подушки. Пьем коньяк „Наполеон“ по случаю отсутствия повода. Проснулся племянник. Записываем его истории, так забавно рассказывает-сочиняет...

...

Вспомнила один декабрьский день прошлого года. Ехала на трамвае и услышала, как сзади два мужчины говорят, один другому рассказывает, что Дворец пионеров раньше был духовной семинарией и какие там красивые залы. А сейчас там учатся дети музыке, искусству. Обернулась, а это мой учитель по виолончели. Постарел, стал каким-то маленьким. Может быть, раньше мне как ребенку казался больше... Выглядит как-то не очень в этом черном пальто, с торчащей красной продуктовой сеткой из кармана. Надо как-нибудь позвонить ему. Обрадуется.

Смотрю по телевизору фильм по книге Хемингуэя...

Хочу еще выделить 1 и 8 марта... На торжестве после краткого слова поднесла цветы к монументу в честь молодых коммунисток. Все было очень строго, дали мне специальный пропуск, букет, инструктировали, что и как говорить...

В тот же день ходили с родителями к бабушке. Как она постарела! Летом, когда ее рисовала, она была намного лучше...

...

Бабушке стало плохо...

...

Мила позвонила и попросила увидеться. Ей хочется выпить, идем в кафе. В кафе купили бутылку кубинского рома. Куда с ней податься? Пошли к моей сестре. Сделали себе дайкири. Пришел и зять. К девяти вечера все были счастливы, все со всеми обо всем говорили.

Впервые в жизни напилась. Не качалась, но в туалете мне так поплохело, еле пришла в себя.

В 23.00 поехали домой на такси. Мила была такой веселой, что таксист не взял денег, а дал телефон и имя, чтобы обращаться, если будет снова такой же случай.

Возвращаюсь с экзаменов с Милой. Довольные, купили себе несколько мороженных, сели есть в скверике. Пою себе „Вершину“ Высоцкого:

„Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом идет камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь
Опасный, как военная тропа...“

Счастлива тем, что пою это. А теперь мне страшно от этой песни – как от черной кошки, которая перебежала перед тобой дорогу. Дома зять мне позвонил и сообщил о бабушке.

ке...»

Почти незаметно пролетели еще шесть месяцев. Как и положено, отслуживший год Алексей стал «черпаком». Теперь его уже никто не обижал. Он сам должен был бить, гонять «духов» и «слонов». Но руки он не распускал, чем вызывал недовольство своих товарищей:

– Тебя же били!

Он только жал плечами:

– Били...

Но он никого не бил, хотя иногда очень хотелось дать пинка какому-нибудь обнаглевшему «духу». А пустить кулаки в ход вместо него всегда находилось немало желающих – нынешних «черпаков», вчерашних «боевых слонов». Старался не думать ни о своих товарищах, ни о «гражданке», о которой мечтали все вокруг. Но разные мысли в голову лезли и лезли. Годин не мог, не умел не думать. Тем более что появилась призрачная надежда съездить домой в краткосрочный отпуск. После года службы некоторым солдатам такое счастье приваливало.

В привычных буднях прошло еще шесть месяцев, в течение которых счастье побывать дома так и не привалило. Вроде и особых нареканий на него у начальства не имелось, и был он специалистом первого класса и отличником боевой и политической подготовки, но не свезло. А может быть, дело было и не в везении. Может, прошляпил свой отпуск просто потому, что, следуя заповеди отца, держался от начальства

подальше. На товарищей не доносил, на работы по ремонту жилья и дач офицеров не напрашивался.

Алексей стал «дедушкой», и в голове у него зароилось еще больше мыслей. В том числе и новых, очень тревожных. Сослуживцы переглядывались, переговаривались, перешептывали разными путями поступавшие новости:

– В Афганистане наши штурмовали дворец Амина в Кабуле...

– Советский Союз ввел войска в Афганистан.

– Это война с афганцами?

– Да, с американцами!

– Нас туда пошлют?

– А как же! Зачем нас столько здесь дрессировали? Как там без танковой поддержки?

– Так там вроде горы. А у нас тут...

– Сопки – те же горы, только маленькие...

– Мне друган написал-намекнул: у них вроде пока добровольцев набирают...

– Значит, и у нас будут.

– Добровольно-принудительно...

– А я сам хочу. Может, медаль дадут или орден!

– Цинковый гроб тебе дадут!

– Дурак ты!

– Сам дурак!

И правда, через несколько недель во время построения на плацу замполит части почти торжественно объявил:

– Требуются добровольцы для выполнения интернационального долга, для помощи братскому афганскому народу, страдающему от американского империализма... Кто хочет быть добровольцем – шаг вперед!

Годин не очень понимал, о каком интернациональном долге идет речь, но хорошо помнил отцовское: «Не отставай, но и вперед сильно не суйся». Поэтому чуть запоздал, когда танкисты всех рот шагнули вперед. Он, как «дедушка», стоял в заднем ряду и уже догнал вышагнувших вперед молодых. Едва ли «духи» действительно рвались в бой с американским империализмом. Скорее, рвались из части, где каждый день шла «отечественная война» на выживание.

Многие «дедушки», как и Годин, приняли решение с запозданием. Все уже думали исключительно о «гражданке». Тем более что их последние месяцы-недели в части пролетали весело. В выходные можно было сходить в увольнение в райцентр. Попробовать пообнимать или поцеловать какую-нибудь местную свободную, пусть и не очень красивую, девушку. Конечно, не посмотрел бы на такую дома, но тут на одну девицу – два взвода солдат, десятков прапорщиков и еще пара молодых неженатых офицеров – лейтенантов.

В части, пока «духи» и «слоны» работали, а «черпаки» за ними присматривали, «дедушки» спали, слонялись по закоулкам, фотографировались для «дембельского» альбома в танке, под танком, за танком. И еще размышляли:

– Значит, перед «дембелем» повоевать придется?

– Ну а что? У меня оба деда воевали в Великую Отечественную с немцами.

– А у меня отец успел на Восточный фронт против японцев.

– Мой прадед в Первую мировую с австрияками воевал.

– Мой англичан из Севастополя выковыривал.

– А у меня предок французов гнал из России.

– У всех нас предки воевали, и мы повоюем, если надо.

Хоть американцам, хоть китайцам, да кому угодно по зубам наступим, если полезут куда не звали. Как отцы наши и деды...

Как только появилось свободное время, Годин начал учиться играть на гитаре, которая была у сослуживца. Завидовал сестренке, которая в своем музыкальном училище «шпарит по нотам». Тем не менее освоил «три аккорда» и был доволен собой: данную когда-то клятву научиться играть на гитаре выполнил. По просьбе товарищей теперь мог запросто сбацать и «Мурку», и «Мясоедовскую» и, конечно же, «Колокола»:

«А ты опять сегодня не пришла,
А я так ждал, надеялся и верил,
Что зазвонят опять колокола
И ты войдешь в распахнутые двери...»

Хотел было завести собственную гитару, но сомневался, что хочет и дальше развиваться в музыке. Решил, что, если

потребуется, уже на гражданке купит себе хорошую шести-струнку. Или не купит.

От скуки пошел в художественную самодеятельность части. Не то чтобы хотел к возвращению на «гражданку» вспомнить танцевальные навыки, полученные в школе. Просто надо было занять голову, задающую в свободное время неудобные вопросы. Еще более скучающие жены офицеров части с удовольствием танцевали с ним в паре:

– Молодой человек, а вы неплохо ведете!

Весьма свободная бухгалтерша в синем мини-платьице предпочитала выбирать в партнеры именно его:

– Как, говоришь, тебя зовут, солдатик?.. А меня Валентина. Как Терешкову – первую женщину-космонавта. Сколько тебе еще служить?

Он кружил, и кружил, и кружил вспотевшую деву до упаду. Очень хотелось быть уверенным на танцполе. Кто знает, может, и бывшая пионерка Арина оценит, если они где-нибудь случайно встретятся? А Катя – Катя едва ли когда-нибудь так скажет. Она не самая большая ценительница танцев. Да и в музыке не очень разбирается. Хотя ведь поет, поет, пусть и не очень верно:

«Вот кто-то с горочки спустился.

Наверно, милый мой идет.

На нем защитна гимнастерка,

Она с ума меня сведет...»

Бухгалтерша так жарко, нерастраченно прижималась в танце. И еще шептала:

– Не поверишь, но у меня еще ни с кем... Не за кого здесь было замуж выходить. А ты такой ладный...

После отбоя и прохода дежурного офицера по казарме Алексей вместе с другими «дембелями» лепил и варил пельмени из присланного столовским «гонцом» фарша. Запивал их то синеватой самодельной брагой, то доставленной через забор голубой водкой. Перебирал струны гитары. Ребята просили сыграть то одну песню, то другую. Чаще всего «Я ухожу»:

...Он до рассвета всего лишь часа не дожид,
Упал на снег и грудь Родину закрыл,
Упал на снег не в дни войны, а в мирный час,
И для него весны рассвет навек погас:
«Я ухожу», – сказал мальчишка ей сквозь грусть, —
«Ты только жди, я обязательно вернусь...»
И он ушел, не встретив первую весну,
Домой пришел в солдатском цинковом гробу.

Никто из «дедушек» не успел попасть в Афган. Первых на войну из их части отправили уже тогда, когда Алексей, Казарян, Гвозденков, Зозуля и прочие его призыва стали «дембелями».

– Все, Годин, отслужил!

Какое странное чувство! За воротами части тебя ждет

долгожданная свобода. Но как же Алексей отвык от нее! Годин вспоминал, как это было – до армии. Теперь снова придется делать все самому. Самому решать, где спать, что есть, что одевать, как, чем себя занять. И за все, что ждет его там, за воротами части, на «гражданке», отвечать тоже только ему. Готов? Ко всему?

Привык жить по законам армии и по ее же законам не хотел ни о чем задумываться. Но мысли сами ввинчивались в мозг. О родителях, о Кате, о синей папке, об институте. Сбежал в армию, дав себе отсрочку от большого решения, и вот: отсрочка кончилась, а он так ничего и не решил.

Часть вторая. Обретение

«В списках не значился»

Когда вошел домой, первое, что бросилось в глаза, это то, как постарели мать и отец. Всего-то два года прошло, а они осунулись, как-то потускнели, лица у обоих покрылись морщинками. Зато расцветала сестренка. Она уже была почти подростком. Неугомонная, после объятий всей семьей умудрилась за несколько минут показать брату дневник, фотографии всех одноклассников, пропиликовать что-то на скрипке и немного пожаловаться на родителей:

– Держат меня дома взаперти! Гулять одну не отпускают, а сами после работы почти никуда и не ходят. Только в аптеку для них бегаю.

Алексей пообещал Лиле прогуляться с ней по улицам Дальнедорожного.

– В солдатской форме!

– Конечно!

Сводить ее в парк и накормить мороженым.

– Эскимо! И еще пломбир!

– Обязательно!

Все ей хотелось прямо сейчас, и она просто вцепилась в брата, не отпускала его.

А ему прямо сейчас нужно было другое. После первых расспросов родителей о делах, о здоровье он все не решался спросить. А мать и отец будто забыли, что это его очень интересует. В конце концов не выдержал:

– А Катя? Давно ее видели? – Глянул на часы. – На работе, может быть, в это время? Писала мне, что закончила учебу и теперь работает в кафе: торты вроде делает...

– Торты не торты... – Как-то странно усмехнулся отец.

– Дома она, – поджав губы, уронила мать и добавила: – Но лучше бы тебе к ней не ходить.

– Почему это? – Не понимал Алексей.

– Так она же... – Раскрыла было рот сестренка, но ее за плечо оторвал от брата отец. – Брысь!

Видя, что родители больше ничего не хотят добавить, Алексей кивнул:

– Ладно, я пошел!..

Дверь открыла сама Катя. Ее глаза сначала широко распахнулись от удивления. Потом она их опустила. Опустил свои и Алексей:

– Как ты... поправилась!

Она вновь взглянула на него, невесело усмехнулась:

– Ага, поправилась. Ты что не понял? Леша, я – беременная!

– Действительно, не понял... – Снова и снова, как будто не веря, проводил глазами по ее фигуре сверху вниз, снизу вверх. – Ты же писала, что ждешь меня! И ничего... такого!

– Не хотела тебя расстраивать. Тебе же там, наверное, и так не сладко было.

Понял, почему об этом ничего не написали и родители:

– Не сладко...

За спиной Кати показалась ее мать в синем халате, всплеснула руками:

– Ой, Лешенька из армии вернулся! Какой красивый в военной форме! Детки, что же вы через порог разговариваете? Заходи, дорогой гость, проходи в дом!

Голос ее был необыкновенно ласков. Годин помнил: мать Кати всегда посматривала на него с недоверием, с каким-то подозрением, а тут вдруг такое гостеприимство.

Катя пожала плечами:

– Хочешь, зайди.

Алексей мотнул головой:

– Спасибо, в другой раз, дома свои ждут. – Сглотнул. – И кто, кто – отец?

– Валера... – Отвела взгляд Катя.

– Валерка, Валерка окаянный обрюхатил! – Чуть ли не взвопила мамаша. – И жениться, паразит, не хочет! А как же ребеночек-то будет без отца? И Кате нужен нормальный муж, а не пьянь какая-то. Чтобы заботился о семье. Всякой твари по паре! Не тому доверилась моя девочка. Ой, не тому! Не смогла правильного мужчину выбрать. Ошиблась, с кем не бывает... Но все же поправимо. Ну, заходи, заходи, Лешенька. Мы ведь тебя так ждали, так ждали, думали, как

все у вас устроится...

Алексей снова мотнул головой:

– Ждали, вижу... Спасибо! В другой раз!

Резко развернулся и шагнул к лестнице.

– Леша! – Как-то визгливо вскрикнула Катя. – Не виновата я! Он, он меня...

Годин остановился и оглянулся:

– Что он?!

Катя ничего не ответила, снова опустила глаза. Алексей быстро зашагал по лестнице.

– Леша! Ты приходи, приходи! – С каким-то отчаянием крикнула вслед мамаша.

Пока шел к своему дому, успел подумать и о Кате, которой напрасно доверял, и о Валерке, которому стоило набить морду. На душе было противно. Алексей так предвкушал эту встречу с Катей, представлял себе, как обнимет, как поцелует, прижмет, а потом случится то, что они отложили на два года. Ну вот, случилось, но не с ним. Годин сплюнул. В армии правильно говорили: «Весь мир – бардак, все бабы – бл...ди!» Еще удивлялись, что Алексея ждет его девушка, многих переставали ждать уже через несколько месяцев разлуки. «Ждет! Дождалась!» Снова сплюнул.

Година просто разрывало изнутри. Хотелось одновременно и бутылку водки выпить прямо из горла, и бить, крушить все вокруг, не разбирая, кто прав, кто виноват. Без остановки! Ох, подвернулся бы сейчас Валерка!

Он сжал кулаки и остановился, не доходя до дома. Оглянулся. Снова пошел. Назад, к дому Кати. Не доходя до ее подъезда, остановился. Потоптался на месте. Снова пошел. Но уже к дому Валерки. Через пару десятков шагов остановился. Постоял, усмехнулся вдруг и снова пошел. На этот раз точно домой. С каждым шагом ощущал себя все лучше и лучше, ведь больше не нужно думать о том, о чем он столько думал в армии, – о семейной жизни с Катей и ее родителями. Алексей и желал, так же как его отец, иметь жену, детей, но и не хотел жить при этом предсказуемо, как все вокруг в Дальнедорожном или Потаповке, скучно. Он легко представлял себе, как Катя родит одного, второго, может быть, третьего. Как превратится в свою мать, которая без остановки пилит мужа за дело и без дела. Алексей многое мог представить в такой семейной жизни, кроме одного: о чем они будут говорить с Катей в промежутках между ссорами и домашними делами. Или станут молча лугзгать семечки у телевизора, по которому в сотый раз идут «Карнавальная ночь», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух»? Снова усмехнулся, покачал головой: вот же, все решилось само собой. В его жизни больше нет этой девушки, к которой, как оказалось, кроме прежнего физического влечения и нынешней обиды ничего у него и не имелось. Он теперь абсолютно свободен. Химический элемент «Годин» вырвался из чужой клетки таблицы Гименя.

Домой зашел с легкой задумчивой улыбкой на лице. Отец

озабоченно поинтересовался:

– Надеюсь, ты не наделал глупостей?

– Нет!

Мать обняла:

– Если невеста уходит к другому, еще неизвестно, кому повезло.

– Так точно! Порядок в танковых войсках!

В его комнате теперь жила Лиля. Вместо фотографий рок-музыкантов на стенах висели девичьи картинки. На полках рядом с учебниками и тетрадками – несколько кукол разных калибров. Нажал на кнопку магнитофона – работает. Как будто никто и не включал его с тех пор, как Алексей крутил эту бобину последний раз перед армией:

«В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться!
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.
Так оставьте ненужные споры!
Я себе уже все доказал —
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.
На которых еще не бывал...»

Залез в свой ящик стола. Синяя папка лежала на месте. В ней все в целости и сохранности. Жадно перечитал содержимое и удивился: по-прежнему почти все помнит наизусть.

Первые дни прошли в радости встреч с тетей, одноклассниками, разными приятелями. У магазина столкнулся с Валеркой, сжимающим в руке бутылку портвейна. Завидев Година, тот хотел было шмыгнуть в сторону, но Алексей не упустил его. Злость на этого ханурика прошла. Мирно протянул руку:

– Привет!

Валерка, ожидая самого худшего, осторожно протянул в ответ свою:

– Привет! С возвращением! – Кивнул на бутылку в другой руке. – Бухнём? Обмоем?

– Нет, некогда мне. А у тебя какой повод?

– Да какой повод... Так, ничего особенного, – отвел глаза.

– Да ладно, чего скрывать-то! Знаю! Поздравляю! Ты ведь женишься на Кате?

Валерка насупился:

– Думал, аборт сделает, но ей родители не позволяют. Так что, наверное, придется.

– Наверное?

– Ну, придется.

– Придется!

Потом Алексей рванул в Потаповку. С трудом открыл заржавевший замок на синей двери. Все на своих местах, и слишком тихо в доме.

Все его друзья также благополучно вернулись из армии. Митяй и Андрюха с ходу женились на потаповских девуш-

ках, которые их провожали и ждали из армии. Дождались.

Николай как раз накануне приезда Алексея тоже со своей заявлением в ЗАГС подали. Но этот друг женился не на местной. Провожавшая в армию ждала, Николай же сам ей написал: встретил, полюбил другую. Служил он на Сахалине и привез оттуда диковинную для Потаповки девушку – тоненькую, смуглую русскую кореянку. Попросил родительского благословения. Мать с отцом приняли, не упирались:

– Что ж, теперь в нашем русском роду кроме мордвы, татар да осетин еще и корейцы будут.

Друзья приезду Година, конечно, обрадовались. Просидели за столом да на берегу Енюшки всю ночь. Одну. В последующие дни виделись уже ненадолго: то ли жены-невесты своих половинок придерживали, то ли, правда, у каждого было полно неотложных семейных дел. И ему они советовали:

– И тебе жениться пора, Леха! Иначе жизнь, понимаешь, получается какая-то неполная...

Он и сам это чувствовал. С одной стороны, то, что Катя сошлась с Валеркой, принял с облегчением, с другой – хотелось заполнить кем-то ту пустоту, которая образовалась после разрыва с невестой. И друзья со своими семьями были уже не такими близкими, и от родителей он за два года службы хоть и немного, но отвык, отдалился.

Ближе к вечеру зашел к соседке Зине, за которой ухаживал до армии. Та Година встретила с радостью и большим

животом – как и Катя, была беременна:

– Эх, Леша, я бы тебя дождалась, если бы сказал, что хочешь, чтобы ждала. Но ты же не сказал!

– Не сказал!..

Немного поговорили о погоде, о видах на урожай картошки. Зина глянула на его запястье:

– Сколько времени? Сейчас муж придет с работы, надо ужин на стол накрывать! Хочешь с нами?

– Нет, спасибо!

Вернулся к себе. В застоявшемся без хозяев доме было неуютно. Просто без дела шататься по деревне – тоже приятного мало. Наутро ходил на синекрестовое деревенское кладбище, попрощался с бабушкой и дедушкой. Зашел к соседям с противоположной от дома Зины стороны.

Его встретил старик Прокопыч:

– Какой ты, Лешка, вымахал-то!

– А где?..

– Похоронил я, Леша, свою старуху, – и заплакал. – Горше нет жизни без нее, без моей ласточки...

Было очень жалко доброго старика Прокопыча, с которым всю жизнь дружили Годины. Дедушка Алексея тоже ведь потерял свою жену, но никогда не плакал при внуке. Все держал в себе. Может, потому так быстро и ушел вслед за бабушкой?

Обнял на прощание друзей. Все как-то виновато спрашивали:

– Когда теперь приедешь?

– Не знаю!

Он и правда не знал...

Приехав в Дальнедорожный, несколько дней провалялся на синем диване, прогулял по улицам. Очередным вечером мать с надеждой спросила:

– В институте восстановишься?

– Нет.

Отец, пуская папиросный дым из-за «Комсомольской правды», продолжил мысль матери:

– Сынок, надо что-то решать. Снова на завод пойдешь?

– Можно и на завод.

– Кем?

Кем? Снова нарядчиком – на «женскую» работу? Для его возраста уже не солидно. Более серьезный вариант: попроситься на какую-нибудь технологическую операцию учеником, подмастерьем. Проработать несколько месяцев, набраться опыта, а потом сдать на разряд и получить таким образом приличную профессию, нормальную зарплату. Новую Катю? Квартиру от завода? Жизнь «как у всех»? А чем он лучше всех?

Не в силах ответить на эти вопросы, Алексей не усидел дома, пошел на улицу и напился рядом со школой в какой-то случайной компании, в которой его кто-то узнал и пригласил на «пару глотков»:

– Алексей, иди к нам! Тебе же после армии надо...

Утром отец поинтересовался:

– Болит голова?

– Болит!

– И у меня болит. И особенно у матери. А у нее и так со здоровьем не очень. Хватит болтаться, иди на завод...

Съездил в институт и, несмотря на уговоры в деканате, забрал документы. Пошел на завод учеником, чтобы только занять себя чем-то и не расстраивать родителей. Хотя бы еще на какое-то время. Успокаивал себя: «Оно же у меня еще есть. Мне же всего двадцать лет». И тут же вспоминал, что и друзьям столько же, а у них уже и работа постоянная, и семьи...

Поначалу поставили загружать-разгружать печь для обжига. Работа несложная, но ответственная – можно запросто пережечь керамику. Глядя через специальное окошечко внутрь печи, Алексей нередко просто забывался. Казалось, он мог смотреть на процесс превращения мягкой глины в твердую керамику вечно. Спрашивал, что в нее добавляют, при какой температуре и как долго месят, обжигают. Работающие рядом одобрительно кивали:

– Наша смена подрастает. Толк вроде будет из парня...

Вокруг было немало свободных заводских девушек. Они с удовольствием заговаривали с отслужившим, вполне симпатичным парнем, но Алексей в каждой из них видел Катю. Все разговоры у заводских подруг крутились вокруг будущей квартиры, возможной премии, покупки дефицитных обоев,

фирменных джинсов, желанной поездки в синеморные Сочи или Прибалтику. А мир, судя по телевидению и отцовской «Комсомолке», жил своей, совсем другой жизнью:

«Индира Ганди вновь стала премьер-министром Индии...

Академик Сахаров – разработчик термоядерного оружия, активно выступающий за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия, а также в защиту репрессированных, лишен всех правительственных наград СССР и сослан в город Горький...

Английский парламент в связи с вводом советских войск в Афганистан проголосовал за бойкот московской Олимпиады...

Советский Союз произвел запуск космического корабля „Союз-35“, пилотируемого экипажем в составе командира корабля Л. И. Попова и бортинженера В. В. Рюмина, осуществивших 10 апреля стыковку корабля с орбитальным комплексом „Салют-6“ – „Прогресс-8“. После рекордного 185-суточного полета космонавты возвратились на Землю...

На экраны вышел первый советский фильм-катастрофа „Экипаж“...

На экраны СССР вышел фильм Андрея Тарковского „Сталкер“ по мотивам романа братьев Стругацких „Пикник на обочине“...»

Годин прогуливался то с одной, то с другой. Пытался не только целоваться, но и говорить об устройстве Вселенной, о месте каждого человека не только на заводе, но и в косми-

ческом бескрайнем просторе. Ответом ему обычно был испуг в глазах, и тогда снова приходилось целоваться. Когда же вдруг становилось совсем тошно, то он сбегал из кинотеатра прямо посреди индийского фильма или без слов и действий бросал изумленную девушку возле двери ее квартиры...

«Послали нас помогать колхозникам. Вячеслав – командир отряда, первый комсомольский деятель. Одна мадам перед строем сказала, что не расслышала имя. Он ее спросил, из какого она вуза.

– Из полиграфического!

– Из какого?

– Из полиграфического!

– А мне показалось, из порнографического!

Все в восторге.

Он демократичный руководитель. „Но не путайте меня с начальником штаба. У него более красивые усы, чем у меня. С коллегами мужского пола хорошо понимаем друг друга, потому что мужчины. С коллегами женского пола всегда хорошо понимали друг друга“. Тупее тупого.

Женя – одна из девочек в комнате. Ее отец – районный руководитель, знакомый моего отца. Мы с ней ездили в сентябре прошлого года вместе в Москву... Взялась читать Гессе „Степной волк“, но бросила... Женя курит с девятого класса. Родители не знают. Осталось сказать, что и выпивает, и с мужчинами... близка.

...

Галя смотрит на свои брюки:

– О, как похудела. Как на мне штаны обвисли...

Безотказный способ побудки придумали командиры.

Утром все общежитие начинает дрожать от тяжелых звуков Pink Floyd. Голова взрывается. Конечно, не хочется работать. Но не хочется уже и спать.

После обеда под лозунгом „Наши стога – самые лучшие стога в мире“ дается воля творческому воображению – как сделать стог, чтобы скрыться от жары и от шефов. Вечером дискотека – нужно куда-то девать накопленную энергию.

...

Нашла четырехлистный клевер. Девочки твердят:

– Повезло!

Обычно у клевера три листика. С четырьмя встречается редко. Первый листик – это успех, слава, популярность и жизненная энергия. Второй лист – денежное благополучие, достаток в доме и душевная гармония. Третий лист – любовь, вера и надежда. Четвертый лист – здоровье, сила рода и долголетие. По поверьям, Ева забрала четырехлистник из рая, чтобы он напоминал о счастливом времени в ее жизни. А еще клевер с четырьмя листьями служил в Древнем Египте оберегом от магического воздействия и потусторонних сил. Нужно засушить и хранить такой листочек: будет тебе в жизни счастье...

...

Помню, маленькой часто смотрела на вербу за домом и

всегда думала, что на нижней ее ветви кто-то обязательно повесится. После одной бури эта ветка сломалась, и я вздохнула с облегчением.

Когда была маленькой, веки у меня были голубыми, и старшая сестра с подругой спрашивали, как я это делаю. Я нашла простое объяснение, которое пришло мне в голову: не мою глаза. Они спросили, как долго не мою. Не очень себе представляла время и сказала три-четыре недели и при этом сама себе верила.

...

Вчера сошла с ума.

...

Сегодня не меньше. Полный срыв.

На пляже прихватили нервы. Вернулась – спина белая. Прекрасный повод разреветься. Так сильно разревелась.

Ищу смысл...

Мои говорят о писании, о немецком, о построении моего будущего. Предлагают тысячи вариантов, и, когда спрашивают, какой из них предпочитаю, всегда отвечаю, что у меня есть лучший вариант. And that is a suicide. Почему нет? Это очень легко сделать. У меня еще гарантированные четыре года, постараюсь их провести более-менее интересно. И потом... Что мне мешает? Только мои этого не вынесут.

Та злая собака спросила меня, почему я выбрала переводчество. Сказала, от любопытства. Как вообще из любопытства живу. Посмотреть, что случится со мной. Но становлюсь

все более честолюбивой и менее любопытной...

He... His... Him...

Разлука – вот такая штука: не ожидая ничего, мы вздрагиваем не от стука, а от надежды на него.

Проклятая женская природа. Или, по крайней мере, моя.
The one thing I really need is love. Not the kind Misha or Gleb gave me...

Или становлюсь умнее с возрастом, или... очень плохо, если другой вариант, т. е. много понимаю, трезво оцениваю, но не могу ими жить. Знаю: что упало, то пропало.

Чувствую, что еще маленькая для многого. И одновременно очень старая. Уже так мало мне осталось жить.

Наши меня настраивают, что нужно выйти замуж – иначе получу комплекс старой девы.

Нужно писать – начинаю страдать, что не гениальна. И еще: не красива, не талантлива, не добрая и ленивая, не смелая, не свободная, не самостоятельная, у меня нет идей, друзей, веры, надежды...

У нас в сердце,
Как в сберкнижке,
Есть море, мама и братишки.
Все остальное ерунда.
Ерунда!!!
Опускается ночь за окном,
Как грязные шторы больницы,
Мне от всех вас уйти бы тайком,

Чтобы знать, что значило жить...

Читаю Достоевского. Понимаю, что нельзя так просто прожить свою жизнь. Нужно посвятить, отдать себя чему-то действительно ценному. Не обязательно в глобальном смысле. Даже если по-настоящему поможешь одному человеку, нуждающемуся в тебе, это уже стоит жизни...

Все думаю о Майтрипале – о моем институтском смуглом южном друге. Он сражался на родине на берегах Индийского океана против угнетения своего народа. Учится сейчас у нас, но если после окончания вернется домой, то его посадят в тюрьму. Он уже сидел там, рассказывал, как ужасно быть политическим заключенным. Один из его вариантов, чтобы остаться в Союзе, – жениться на советской девушке. Может, мне стоит выйти за него замуж и спасти таким образом хорошего человека?..»

На заводе работал все тот же инженер-технолог Драгунов, который еще до того, как Алексей ушел в армию, заметил его интерес к разным материалам. Видя, что Годин не теряет любопытства к производству керамики, принес ему «Справочник для поступающих в высшие учебные заведения».

Алексей удивился:

– Зачем? Я уже один раз пробовал учиться в институте.

Драгунов пожал плечами:

– Я помню, в педагогическом.

– Ну да.

– Но не о педагогике речь. Тебе ведь в цеху нашем интереснее, чем в школьном классе, так?

– Так!

– Уверен: при твоём интересе тебе сначала нужно окончить вот это учебное заведение, а потом уже на таком серьёзном производстве, как наше, работать. Открой там, где закладка.

Закладка была на странице ИМИС (Институт материалов и сплавов).

– Почитай условия поступления. Ты же неглупый парень, думаю, можешь поступить.

– Спасибо... – Несколько растерянно ответил Годин.

Да, он однозначно не хотел учиться в педагогическом, но как-то не задумывался над тем, что есть вузы, в которых изучают то, что ему действительно казалось любопытным, – свойства разных материалов: и металлов, и той же керамики. Алексей с увлечением принялся изучать описание специальностей, учебных программ, условия поступления. Учиться там, где изучают керамику, сталь, свинец, – это же должно быть очень здорово.

– То, что надо! Как же я раньше-то...

Наверное, он поспешил забрать документы из педагогического – говорят, что можно было просто перевестись из одного вуза в другой. Но теперь нужно снова сдавать экзамены на общих основаниях. Впрочем, его это не испугало.

После решения поступать в ИМИС сразу стало как-то лег-

че дышать и веселее жить. Годин бодро ходил на завод, после работы спешил домой. Все его школьные учебники сохранились, так что заново увлеченно штудировал химию, физику, математику, английский – готовился к вступительным экзаменам.

Родителям было радостно видеть вдохновенного сына. Они сразу же одобрили то, что тот снова решил учиться в институте. Ничего, что теперь в другом. Даже выгоняли вечерами Лилю из ее комнаты:

– На пару часиков пусти брата. Не нужно ему мешать, пусть готовится.

– Пусть готовится! – Легко соглашалась сделавшая уроки днем сестренка и перетаскивала своих кукол на диван в большой комнате.

Лето стало теплым и приятным. Алексей успел пройтись по всем необходимым предметам, вспомнить все главное, что по ним изучали в школе. На экзаменах чувствовал себя уверенно, хотя и несколько стеснялся находящихся рядом абитуриентов-семнадцатилеток. Разница между ними была всего-то в три года, но они, только что окончившие школу, со своими свежими еще знаниями казались детьми. Одновременно и робкими, и самоуверенными, детьми, не знающими, что где-то существуют «духи», «слоны», «черпаки», «дедушки» – военные люди, абсолютно не ведающие, что такое закон Фарадея или синтез нуклеиновых кислот.

Вот уже и все экзамены позади. У Година уверенные чет-

верки и пятерки. С полученными баллами он обязательно должен быть зачислен.

В назначенный день с утра пораньше отправился в Москву. Хотя и был уверен в себе, но входил в здание института в волнении. В холле на стенде уже были вывешены синие списки поступивших. В алфавитном порядке:

«Агрба,

Архангельская,

Булдаков...»

Алексей быстро добежал взглядом до «Г»:

«Газимов,

Германчук,

Глазова

...

Горкин,

Горяев...»

Какой Горкин, какой Горяев? Они же должны быть после Година.

Алексей снова заскользил взглядом по списку:

«Газимов,

Германчук,

Глазова,

Гликман,

...

Горкин,

Горяев...»

Година не было в списке зачисленных.

– Суконников Арнольд Брониславович! – Кто-то громко прочитал из-за спины. – Зачислен! – Алексея похлопали по плечу. – Зачислен, а как же иначе!

Годин развернулся:

– Поздравляю!

Пухловатый паренек, ростом чуть ниже Алексея, поглаживал себя по круглой, светлой голове с жиденькими волосиками и самодовольно улыбался:

– Ну, и я тебя!

– Не с чем...

– Что, не поступил?

– Нет.

На лице паренька появилось покровительственное сочувствие:

– Бывает, старичок! Не расстраивайся, готовься лучше и на следующий год, может быть, поступишь. Если достоин, конечно, такого института...

Алексей кивнул и на ватных ногах отошел от стенда. Что теперь делать? Возвращаться на завод и поступать на следующий год? А если не поступит и на следующий? Позор: Алексей Годин, один из самых успешных в их школьном классе, ранее уже учившийся в вузе, не смог после армии поступить в институт. Не достоин? Теперь всю жизнь быть ему простым работягой. С его-то способностями, в которых не

сомневались ни учителя, ни родители, ни он сам, в которых Алексей теперь серьезно засомневался... Значит, не подходит он для изучения керамики, свинца, стали...

Годин задумался: прихватить с собой синюю папку и сбежать. Куда? В Потаповке делать нечего, и там будет не уютнее, чем дома. Рвануть на Север? Зафраховаться там? Он уже один раз сбежал – в армию. Теперь – в какую-нибудь экспедицию?

«А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат!..»

Куда угодно, только подальше от дома! Но что это даст? После передышки – в тайге ли, в горах – все равно нужно будет что-то решать. Что-то серьезно решать. Решать и делать. Нужно быть, состояться кем-то в жизни. Хорошо бы, в той жизни, которая по тебе.

Алексей вспомнил прапорщика-кузнеца из военной части. Видимо, не так далеко засунул в память тот разговор, во время которого его позвали на сверхсрочную. Может быть, и правда, стать кузнецом своей судьбы. Работа с металлом интересная и, как Годин понял, весьма прилично оплачиваемая. Будет Алексей пользоваться таким же уважением, каким пользовался прапорщик-кузнец и в части, и у гражданского населения на прилегающей к ней территории. Женится

на неплохо танцующей, не растратившей себя бухгалтерше в синем мини-платьице.

А еще вспомнил те слова потаповского деда, которые почему-то никак не стирались из памяти с течением времени: «Даже если не ладится, нужно терпеть, учиться, браться снова и снова, только тогда можешь чего-то добиться... Нельзя никакое дело бросать на полдороге, все надо доводить до конца, до ума». Стыдливо опустить глаза – и снова в цех к печи обжига до следующего лета? Рвануть на Север и поступать на следующий год без какой-либо гарантии поступления? Или все-таки метнуться на гарантированное теплое местечко в армейской кузне?

«Учись, учись Леша!»

Перед тем как выйти из так и не ставшего родным института, снова подошел к стенду, еще раз пробежал по списку счастливлчиков:

«Архангельская,

...

Германчук,

...

Годин,

...

Деменюк...»

Годин!

Он снова и снова перечитывал список. Фамилия «Годин» ему не привиделась. Она действительно была в списке. Как и положено, по алфавиту. Только на самой нижней строчке колонки. Алексей, читая в нетерпении, перескакивал взглядом на начало следующей и потому не заметил свою фамилию.

Снова прочитал и выдохнул:

– Годин! Порядок в танковых войсках!

Никуда не надо уезжать! Можно спокойно вернуться домой к маме, отцу, сестренке. Порадовать их и далее радовать себя. Он поступил на «Материаловедение». Теперь разберется, почему так легко плавится и снова застывает свинец, почему из мягкой глины получается сверхпрочная ке-

рамика, и, может быть, в синей папке...

Конечно, родители были очень рады. У отца на глазах даже выступили слезы:

– Мы верили в тебя, сынок! Учись, приноси пользу себе, людям, стране, а мы материально поможем, не сомневайся!

– Не сомневайся, мы поможем материально! – Серьезно подтверждала и Лиля.

Мама ничего не говорила, только обнимала и блестела радостными глазами.

На заводе его поздравил инженер-технолог Драгунов:

– Молодец! Учись, возвращайся к нам.

– Спасибо вам большое за помощь!

Мастер Григорич тоже довольно улыбался, повторяя:

– Молодец, молодец!

– Спасибо, если бы у вас нарядчиком не начал, то не поступил бы, точно говорю.

На заводе девушки теперь обращали на него еще больше внимания:

– Смотри-ка, студентом стал!

– Сегодня – студент, завтра – инженер.

– С зарплатой «сто сорок рэ»...

– Есть инженеры, которые и по триста без шабашки заколачивают.

– А с шабашкой?

– Все пятьсот. Машину купит. Кооперативную квартиру построит...

– Обоями импортными ее обклеит...

– Джинсы фирменные купит...

– И на синее море, в Сочи!

– Или в Юрмалу!

– Или в Болгарию! На Золотые пески!

На заинтересованные женские взгляды не реагировал. Все его мысли были заняты предстоящей учебой в институте, еще одной попыткой жизни в Москве, в ином мире...

«В Москве начались XXII летние Олимпийские игры. Впервые Олимпиада проводится в социалистической стране...

Запущен советский космический корабль „Союз-37“. В составе его экипажа в космос отправился первый космонавт из Азии вьетнамец Фам Туан...

Владимира Высоцкого похоронили в Москве на Ваганьковском кладбище...

В Москве на Большой спортивной арене в Лужниках состоялась торжественная церемония закрытия Игр XXII Олимпиады. Всего в московской Олимпиаде приняли участие спортсмены из 80 стран. Спортсмены из СССР завоевали наибольшее количество медалей – 195 (80 золотых, 69 серебряных и 49 бронзовых)...»

А из магнитофонов рвется:

«И где найти теперь слова,
Чтобы были так же хороши.

Разве возраст сорок два —
Мог бы жить да жить.
И с натугой верится,
Что не допел он и не доиграл.
А месяц с неба щерится,
Как позавчера.
И выть на небо хочется,
А вокруг такая тишина.
Как его по отчеству?
Вот и я не знал...»

Когда оформлял документы в институте, попросил поселить его в общежитии. Ответственная женщина, очень похожая на заводскую кадровичку (в таких же больших очках и синей вязаной кофте), спросила:

– Адрес?

– Город Дальнедорожный, улица...

– Да, далекоовато от Москвы живете. По вашей зоне полагается общежитие, но...

– Но?

– Но мест-то не хватает на всех!

Опять не хватает и, значит, снова караулить утренние и вечерние электрички. Нет, очень не хотелось мерзнуть или жариться в ожидании на платформах, тратить время не на учебу, а на толкание в переполненных вагонах едущих в Москву за знаниями, культурным багажом, колбасой, возвращающимися с полными головами и руками.

– Вы же сказали, что мне полагается общежитие.

– А еще я сказала, что мест всем не хватает. Вы инвалид?

– Нет.

– Сирота?

– Нет.

– Вот видите: раз нет, значит, и общежития нет. Были бы хоть какие-нибудь льготы...

– Пойти, что ли, ногу сломать?

– Не нужно этого делать, глупый молодой человек. Еще не факт, что вас потом инвалидом признают.

– Значит, не получится у меня с общежитием, – вздохнул и развернулся на выход.

– Погодите-погодите, выглядите вы... Вам сколько лет? В армии служили?

– Да, два года. Танкист.

– А говорите, льгот нет, танкист! Сейчас посмотрим... Вот, на отслуживших в армии есть еще одно местечко. Так что поселим вас в общежитие, танкист...

Это было здорово: не мотаться каждый день из Дальне-дорожного в Москву и обратно, не делить с подрастающей сестрой стол, шкаф, не спать на диване в проходной комнате. Да и вообще, в армии он настолько отвык от родительской опеки, что чувствовал себя увереннее, находясь от родных на расстоянии. Конечно, любил и мать, и отца, и сестренку, рад был их видеть, но жить уже всюю хотелось своей собственной жизнью.

Комната в общежитии была на четвертых. Четыре же синие панцирные кровати (почти такие, как у тети Дуси и в казарме), один стол у окна, два стула, вешалка и... все. Годину, однако, после армии было не привыкать к почти полному отсутствию мебели. Вещи можно хранить и в чемодане под кроватью, а заниматься за столом по очереди.

Не пугало и то, что туалет в конце общего синего коридора. Душевая одна на два этажа, день – мальчики, день – девочки.

Сразу познакомился с Петром из уральской деревни и Азизом из туркменского Ашхабада. Оказались очень приятными ребятами. Посмотрели на пустующую койку:

– А кто же у нас четвертый?

И тут дверь отворилась, вошел.

– Суконников Арнольд Брониславович! – По памяти выдал Годин.

Пухловатый паренек чуть отвернул и приподнял круглую голову-кочан, пригладил рукой светлые жиденькие волосы, бесцветными глазами посмотрел на Алексея как бы сверху вниз:

– Он самый, собственной персоной! Хм! Я настолько известен в этих стенах?

– Мы с тобой встречались у стенда со списком поступивших.

– Кажется, припоминаю... Так ты же не поступил?

– Ошибся. Не заметил свою фамилию...

– Бывает, старичок. У не сосредоточенных на себе и жизненной цели людей такое бывает... – Огляделся, указал на койку слева от стола. – Я, пожалуй, здесь устроюсь. Мне будет удобно для отдыха и для занятий.

Азиз, сидящий на этой койке, возразил:

– Вообще-то, это моя койка!

Годин усмехнулся:

– Кто первым встал, того и тапки!

– М-да! – Почесал подбородок Суконников и пристально посмотрел на Азиза. – А может, уступишь?

– Чего ради? – Усмехнулся, как и Годин, этой весной дембельнувшийся из армии Азиз.

– Видишь ли, старичок...

– Меня зовут Азиз...

– Видишь ли, старичок. Я сюда поступил не дурака валять, и мне нужны полноценные условия для труда и отдыха.

Пока Азиз собирался с мыслями, слово взял Годин, которого стало раздражать нагловатое поведение нового соседа:

– Видишь ли, старичок, мы все сюда поступили не дурака валять, и всем нам нужны полноценные условия для труда и отдыха.

Суконников, как будто не услышал его, перевел взгляд на койку справа от стола, на которой сидел Петр:

– Старичок, может быть, ты уступишь место будущему светилу отечественной науки?

Петя, вчерашний школьник, как-то растерялся и не на-

шелся, что ответить. Годин зевнул и кивнул на четвертую, свободную койку, стоящую напротив его собственной:

– Свети в своем углу на здоровье!

– Что ж, – Суконников присел на свою койку, – особого содействия с вашей стороны я не вижу. Но напрасно, напрасно. Вот увидите: я далеко пойду. Мог бы и вас за компанию за собой потянуть, но...

– Не надо нас тянуть, – остановил его Годин, – неизвестно еще, куда затанешь. Давай просто нормально сосуществовать.

– Нормально сосуществовать... – Повторил Суконников и глянул в сторону окна. – Стол у нас один. Предлагаю составить график использования во внеучебное время. Никто не возражает?

Годин, Петр, Азиз переглянулись:

– Нет... Можно и график...

– Отлично. Я себе выбираю следующие часы...

Утром все вместе отправились в институт на вводную лекцию. Расположившийся в центре первого ряда Суконников старательно конспектировал:

– Как, должно быть, вы уже знаете, термин «материаловедение» происходит от двух слов: материал и ведать. Собственно, материаловедение – это междисциплинарный раздел науки, который изучает изменения свойств материалов как в твердом, так и в жидком, сыпучем и газообразном состояниях. Мы с вами будем изучать структуру веществ, а

также их электронные, термические, химические, магнитные, оптические свойства. Вы изучите такие процессы, как литье, прокат, сварка, рост кристаллов, обжиг, дутье и многие другие. Вам станут подвластны кристаллография, космо- и биоинженерия, будущие, совершенно новые технологии... Полученные знания в области структуры и свойств материалов позволят вам – будущим ученым и инженерам – создавать принципиально новые продукты и даже, возможно, отрасли индустрии...

Годин жадно слушал профессоров с пятого синего ряда. И первый день, и второй, и третий... Взахлеб читал учебники и не понимал, как же раньше все это прошло мимо него. Зачем он пошел в педагогический, если есть такой интересный институт? Почему он не знал о его существовании? Ни один из учителей в школе не подсказал. Даже страшно представить, что было бы с ним сейчас, если бы не инженер-технолог с керамического завода.

Кто-то из студентов жаловался на то, что им дают слишком много химии, кто-то не понимал, зачем так нагружают сопроматом и термодинамикой. Однако Годину все предметы были интересны, и, хотя он не зубрил, как многие только что окончившие школу, но первую сессию сдал на «отлично» по всем предметам. Почти по всем предметам. Еле-еле вымучил тройку по истории КПСС: ну, не лезли ему в голову даты съездов коммунистической партии Советского Союза. Он легко запоминал валентности химических элемен-

тов, температурные режимы плавления металлов, но сухие повестки дня партийных съездов путались, да и какое ему дело было до этих повесток: он собирался заниматься материалами, а не общественной деятельностью. Конечно, вслух о последнем сказать не мог. Официально отрапортовал на очередном скучнейшем комсомольском собрании:

– Сдал сессию на «отлично», одна тройка.

По какому предмету получил «удовлетворительно», уточнять не стал. На комсомольском-то собрании.

Когда все отрапортовали и окончательно заскучали, с программной речью выступил комсорг курса – Суконников Арнольд Брониславович, его выбрали еще на самом первом собрании в сентябре. Годин слушал соседа по общежитию и зевал: какие же комсомольцы в книгах и кино задорные, веселые, деловые, а в жизни – не пришей к кобыле хвост, что в школе, что в армии, что в институте. Но беспокоило Алексея другое: из-за тройки у него не будет во втором семестре стипендии. Нужно будет как-то пережить несколько месяцев: бросить курить даже дешевые сигареты и еще экономить на еде.

Услышав свою фамилию, вздрогнул. Суконников перечислял тех, кто сдал сессию не только на «хорошо» и «отлично». В конце заметил:

– У кого-то это результат еще не окрепшей социалистической, комсомольской зрелости. У некоторых же такое невнимание к учебе происходит из-за интереса к ненаучным явля-

ниям, увлечениям, лежащим в стороне от единственно верного метода социалистического реализма, к заглядыванию на всяких фокусников, шарлатанов и прочих алхимиков...

Сначала подумалось: «Что он несет?» Потом обдало жаром: «Он намекает? Но откуда, откуда знает? Неужели он залезал в мой чемодан, видел, открывал, читал синюю папку? Суконников что: обшарил все вещи своих соседей по комнате в общежитии? Не может быть! Я слишком мнительный...»

Вечером, растянувшись на общежитской койке, круглый отличник Суконников, снисходительно глядя на менее преуспевших в учебе Година, Петра и Азиза, как бы окончательно завершил свою речь на комсомольском собрании:

– Может, кто и мечтает вернуться домой, а я в свои ростовские края не тороплюсь, хочу задержаться в Москве. Мне нужна аспирантура! Это, ребяташки, реальный предбанничек...

Прихватив синюю зачетную книжку с оценками, Алексей как на крыльях полетел в Дальнедорожный. Родители были в восторге – на единственную тройку не обратили внимания:

– Зато сколько пятерок...

Сестренка же вспомнила, казалось бы, навсегда забытое и серьезно констатировала:

– Теперь папка тебя из дома не выгонит!

Отец ничего не сказал, только крепко обнял сына.

На зимних каникулах Годин решил снова попробовать встать на коньки. Достал с антресолей загрубевшие кожаные

ботинки с ржавыми лезвиями, пошел на ближайший каток. Однако ничего не изменилось: как и в детстве, ноги подворачивались. Он с завистью смотрел на легко кружащих, гоняющих шайбу, катающихся по голубому льду поодиночке и в парах мальчиков и девочек, нескольких взрослых. Вернувшись домой, вздохнул и снова забросил коньки на антресоли:

– Убей бог, не понимаю, почему не получается...

– Потому что коньки старые, а ты новый, – как всегда, нашелся ответ у Лили.

Сходил в гости к тете Дусе (конечно, угостила сгущенкой), повидался без особой радости с несколькими одноклассниками. Катю не встретил, но знал, что они с Валеркой все-таки расписались, она родила, живут вместе с ее родителями, грызутся как кошки с собаками.

Коротая время, не понимая, почему у студентов такие длинные каникулы, несколько дней просто шатался по улицам Дальнедорожного, валялся на синем диване. То вспоминал занятия и экзамены, которых так сейчас не хватало, то возвращался мыслями к синей папке, которая побывала, что ли, в руках Суконникова, то просто ловил из окружающего:

«Произведен запуск космического корабля „Союз-38“ с первым кубинским космонавтом на борту...

Самый большой в мире советский вертолет „Ми-26“ выполнил первый полет...

Американский космический аппарат „Вояджер-1“ передал на Землю первые фотографии Сатурна крупным пла-

НОМ...

Умер Алексей Николаевич Косыгин – видный деятель Советского государства и КПСС, Председатель Совета Министров СССР в 1964–1980 гг., дважды Герой Социалистического Труда...

В авиакатастрофе „Ту-104“ под Ленинградом погибло все руководство Тихоокеанского флота СССР. Из 52 погибших – 16 адмиралов и генералов и почти два десятка капитанов первого ранга, занимавших адмиральские должности. Столько высших морских военачальников не погибло за всю вторую мировую войну...

Открылся XXVI съезд КПСС. Съезд утвердил Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года...

Первый концерт группы „Зоопарк“ на открытии Ленинградского рок-клуба...

Для стыковки с орбитальной станцией „Салют-6“ запущен космический корабль „Союз-39“ с экипажем: советский космонавт Владимир Джанибеков и первый космонавт Монгольской Народной Республики Жугдэрдэмидийн Гуррагча...

На орбитальную станцию „Салют-6“ запущен космический корабль „Союз-40“ с экипажем в составе советского космонавта Л. И. Попова и первого румынского космонавта-исследователя Думитру Прунариу...

Папа римский Иоанн Павел II выписался из госпиталя по-

сле совершенного на него покушения...

Писатель Владимир Войнович (автор популярной и любимой Н. С. Хрущевым песни „Закурим перед стартом“) за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишен советского гражданства...»

Алексей тоже иногда напевал себе:

«Заправлены в планшеты космические карты,
И штурман уточняет в последний раз маршрут.
Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом:
У нас еще в запасе четырнадцать минут.
Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...»

Ему тоже хотелось оставить свои следы.

Каникулы наконец закончились. Алексей с удовольствием снова принялся за учебу и вторую, летнюю сессию сдал уже совсем на «отлично». Петр и Азиз опять не очень преуспели – нахватали троек, а Суконников вновь не оплошал:

– Надо пользоваться шансом! Срубил по любому предмету «отлично» – считай, полметра московской жилплощади приобрел. У меня скоро квартирка наберется!

Никому Годин не говорил, что в зачетке осталась незаполненная строчка. Очередной экзамен по КПСС он не сдал даже и на тройку – «завалил», и теперь ему угрожало не просто

продление «голодного» периода без стипендии, но и вообще исключение за неуспеваемость. Его – отмечаемого некоторыми профессорами как перспективного специалиста – могли отчислить из института только из-за того, что не знает, в каком году состоялся XIV съезд компартии!

Дома вроде бы не заметили, что он чем-то расстроен. Только сестренка спросила:

– А что это за толстую книжку ты все время с собой носишь?

– История коммунистической партии Советского Союза! Чтобы не маяться дома, прихватил синий увесистый томик и, читая его, где только можно, съездил также и в Потаповку. Уже знал, что там его ждет. Без прежнего восторга, но с радостью повидался с всюю семейными, остепенившимися друзьями. Николай и Андрюха, кажется, были вполне довольны своей жизнью.

Митяй вздыхал:

– Ты – умный, может, в Москве за что и зацепишься, а нам, трактористам-механикам, тут за жизнь цепляться – грязь сапогами месить. Эх, за бугор бы свалить. В Штаты или Германию. В Израиль народ прет правдами и неправдами. Вот там – жизнь...

Соседку Зину нашел в огороде: что-то делала на грядках, приглядывая за стоящей в тенишке коляской. Грустно улыбнулась:

– Мог бы быть твоим...

– Картошку окучиваешь?

– Куда ж без нее, родимой. И самим на пропитание, и продаем городским по заказу – копейка лишней не бывает. Дите надо на ноги ставить.

Посидел на могиле дедушки и бабушки. С домом надо было что-то решать.

Родители Алексея, после того как дедушка с бабушкой умерли, перестали ездить в Потаповку. Отцу было слишком больно. Дом же без хозяина и жильцов быстро приходил в негодность. Простенькие иконки в бабушкином «красном уголке» покрылись толстым слоем пыли, укутались в паутину.

Когда вернулся в общежитие, Петр с Азизом потащили его с собой:

– Надо практику срочно оформлять!

– Надо так надо...

В учебной части Петру и Азизу стали оформлять нужные документы, Годину же указали:

– На вас готовится приказ об отчислении. Жалко, конечно, терять такого хорошего студента, но правила едины для всех: у вас не сдан предмет – «История КПСС». Делайте что-нибудь, пока не поздно.

Суконников, вертевшийся в это время рядом, выпятил губу:

– Докатился, Годин. Да еще и скрывал. Не по-комсомольски это...

Алексей ответил ему раздраженным шепотом-матом:

– Да иди ты на...

Нашел свою лекторшу на «исторической» кафедре. Напомнил о себе:

– У меня все отличные оценки, только вот по вашему предмету... Как-то так получилось.

Суховатая предпенсионная преподавательница, которую на курсе между собой называли «истинная сталинистка», покачала головой:

– Как-то так получилось...

Потом смилостивилась:

– Хорошо, если вы готовы, то могу прямо сейчас принять пересдачу.

Очень отчетливо добавила:

– По НАШЕМУ предмету.

– Я готов!

– Итак. Вот вам... вопрос: в чем ошибались Рыков и Бухарин? Почему настоящим коммунистам оказалось с ними не по пути?

«Если бы эти Рыков и Бухарин плавил руду и в чем-то напортачили, я бы, конечно, сказал... Какое мне дело до внутривнутрипартийных разногласий Рыкова, Бухарина, Каутского, Энгельса, Троцкого и всех прочих Плехановых? Зачем мне знать, кто из них прав? Зачем забивать голову?...»

– Вот видите, не знаете... Как же вы, будущий строитель коммунизма, станете работать после окончания института

без основополагающих знаний? Не разбираясь в социалистической идеологии, для кого вы будете создавать, использовать новые, некапиталистические материалы? Что у вас выйдет в результате? Может быть, один сплошной вред? Не боитесь стать вредителем?

Ошарашенный Годин растерялся, залепетал:

– Но я же комсомолец, как я могу... вред?

– Не изучая как должно наш предмет, вы уже вредите и обществу, и себе. Извините, но...

Алексей не мог представить, что ему придется проститься с институтом, в котором он наконец нашел себя. И что, опять на керамический завод подмастерьем или все-таки на Север – геологом, в часть – кузнецом?

Взмолился:

– Пожалуйста, можно еще один вопрос? Я очень хочу приносить пользу обществу, государству!

– Государству, говорите... А читали ли вы, мой милый, работу Владимира Ильича Ленина «Удержат ли большевики государственную власть»?

Годин обрадовался:

– Конечно, и даже конспектировал эту работу, как вы нам и указывали.

– Да? И что вы помните из этой работы?

«Что я помню, что я помню?» Он же честно читал и перечитывал, где только можно, эту историю КПСС и правда конспектировал Ленина из полного собрания сочинений в

пятидесяти пяти томах, но это такие сухие, ни за что не цепляющиеся строчки...

– Ничего вы не помните, ничего не знаете. Так что извините, но...

И тут откуда-то – то ли из лекции, то ли из конспектов, то ли из этого читанного-перечитанного томика отчаянно всплыло:

– В произведении «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин дал сокрушительный отпор буржуазным и мелкобуржуазным партиям, пытавшимся подорвать доверие народных масс к большевистской партии, выступавшим в печати с лживыми утверждениями, что большевики либо никогда не решатся взять одни власть в свои руки, а если и возьмут, то не смогут удержать ее даже в течение самого короткого периода.

– Хм! – Удивилась преподавательница. – Верно, Ленин писал об этом. Но что же еще конкретно вы помните из этой замечательной работы?

– Конкретно, конкретно... Видите ли...

– Похоже, это все, с чем вы ознакомились. Но так я не могу поставить вам даже «удовлетворительно»...

Значит, прощай, ИМИС...

– Конкретно, конкретно...

И он нашел-таки в каких-то закоулках памяти, выцарапал сначала слово «кухарка», а потом целых два связных предложения:

– Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством...

Сказал и сам себе не поверил, что может помнить такое. У лекторши от умиления на глазах появились слезы:

– Так близко к тексту! Да вы просто цитируете! Значит, знаете. Видимо, просто переволновались. Такое бывает. И со мной бывало. Давайте вашу зачетку...

Увидев, что лекторша поставила ему «хорошо», Годин чуть не расцеловал «истинную сталинистку»: он мог не только дальше учиться в ставшем уже родным институте, но и получать стипендию, не перебиваться больше на кефире и хлебе. Сегодня же возьмет на обед в столовой кусок жареной курицы! Заслужил!

Во втором семестре Алексей написал курсовую работу на кафедре твердых тел по производству керамики, так что обязательную летнюю практику отбыл на родном предприятии. Он уже совсем по-другому смотрел в окошечко на процесс закаливания изделий. И инженер-технолог Драгунов говорил с ним теперь совсем по-серьезному, почти как коллега с коллегой. Старик Григорич с большим уважением прислушивался к их разговорам и, пожимая на прощание руку, приговаривал:

– Учись, учись, Леша! Чувствую, большой из тебя человек выйдет!

«В театре „Ленком“ прошла премьера мюзикла „Юнона“»

и „Авось“...

Поступили в продажу первые IBM PC (первый массовый персональный компьютер производства фирмы IBM)...

Трагически погиб лучший хоккеист СССР, двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира Валерий Харламов...

Ученые сообщили об угрозе глобального потепления на Земле...»

Начались занятия на втором курсе. Предметы становились все более серьезными, глубокими, но Алексею по-прежнему давались легко. Как будто заранее в его голове кто-то подготовил полочки, по которым легко раскладывались знания. Когда нужно, он легко «снял» с нужного места то, что требовалось.

– А ты соображаешь, Годин! – Кивал по-прежнему весьма преуспевающий в учебе Суконников.

Как-то раз посмотрел на соседа с подозрением:

– Тоже в аспирантуру метишь?

Алексей пожал плечами:

– Да как-то не думал об этом...

– И не думай, старичок! Что тебе там делать? Такие, как ты, на производстве нужны, в цехах порядок наводить. А в науке требуется особый сорт людей.

– Таких, как ты?

– Таких, как я! Таких, как я!..

«Запущена советская автоматическая станция „Вене-

ра-13“, передавшая панораму места посадки...

Первая зафиксированная смерть жителя Азии от СПИ-Да...

От декабрьского холода в 12.27 остановился „Биг-Бен“ – легендарные часы на башне Тауэра в Лондоне...

В связи с 75-летием Леонид Ильич Брежнев награждается пятой Золотой Звездой Героя...

Население Китая превысило миллиард человек...

Началась Фолклендская война между Великобританией и Аргентиной: британская атомная подводная лодка потопила аргентинский крейсер „Генерал Бельграно“ – 323 погибших...

В отчетном докладе на XIX съезде ВЛКСМ лидер комсомола Борис Пастухов упомянул имя Леонида Ильича Брежнева 38 раз...

Пленум ЦК КПСС одобрил Продовольственную программу СССР на период до 1990 года. Цель Продовольственной программы в том, чтобы обеспечить устойчивое снабжение советских граждан всеми видами продовольствия и повысить потребление высококачественных продуктов питания...

Осуществлен первый совместный советско-французский космический полет на комплексе „Салют-7“ – „Союз“ с экипажем: В. А. Джанибеков (командир корабля), А. С. Иванченков (бортинженер) и космонавт-исследователь Жан-Лу Кретьен (Франция)...

В Великобритании взломщик Майкл Фейган пробрался в Букингемский дворец (Лондон), украл бутылку вина из винного погреба и затем оказался в спальне королевы. Королева проснулась и увидела выпивающего Фейгана, но начала звать на помощь только тогда, когда он попросил у нее закурить...

Принято решение о повсеместном запрете вылова китов в коммерческих целях...»

Второй курс, как показалось, пролетел еще быстрее, чем первый. Алексей, из головы которого не выходила работа на армейской кузнице, хотел лучше изучить сталь – все ее качества, возможные виды. Так интересно было слушать лекцию по булату:

– Названия данного вида стали происходят от персидского: pulad – «сталь». Булат – это сталь, которая благодаря особой технологии изготовления отличается своеобразной внутренней структурой, видом («узором») поверхности, а также высокой твердостью и упругостью. Именно булат во многом предопределил развитие сталелитейной промышленности...

Вновь на кафедре твердых тел Годин написал курсовую работу, но теперь уже по очень особенной, очень интересной корабельной стали. Она должна быть очень прочной, и при этом ей нельзя ржаветь в морской воде, чтобы не сокращался срок службы корабельного корпуса, и магнититься, чтобы на нее не реагировали специальные магнитные мины.

В теоретической части разобрался с тем, что происходит

со сталью при ковке под высоким давлением. В практической представил собственный эксперимент, который провел в лаборатории института: «Вот бы удивился прапорщик-кузнец, увидев, что происходит с металлом в барокамере! У стали еще больше меняется структура. Она не только лучше куется, но и тянется по-другому, меняется теплопроводность...»

На летнюю практику Годин отправился на Череповецкий металлургический комбинат, где как раз корабельную сталь и производили.

– Правильный выбор, старичок! – Похлопал Алексея по плечу Суконников. – Ну а в министерстве уж я отпрактикуюсь за всех!..

Огромная черная промзона на краю города впечатлила: можно час идти вдоль заборов, построек и не встретить ни одного человека. Люди находились, работали внутри этих железных коробок, рядом с машинами, механизмами. Годин наяву увидел, что такое сортовой, фасонный, горячекатаный и холоднокатаный прокат. Здесь ему, так же как и на керамическом заводе, все было интересно. Он расспрашивал о том, что видел и не понимал, рабочих и инженеров. Те удивлялись любопытству молодого парнишки:

– Зачем тебе это сейчас? Вот окончишь институт...

– А если мне сейчас интересно?

Кто-то отмахивался, а кто-то на полном серьезе разъяснял, как коллега коллеге. Годин упорно вникал в то, как по-

лучается высокопрочная, мягкая, легированная, электротехническая – такая разная для разных же нужд – сталь. Глядя на процессы литья и закаливания, снова и снова мысленно возвращался к синей папке, лежащей в московском общежитии под кроватью. А глаза все смотрели и смотрели в восхищении: летят огненные брызги, человек делает сталь! Как много стали! Это не маленькая кузница в их воинской части и не институтская лаборатория!

Практика в Череповце показала Алексею, что он еще ни черта не понимает в том, за чем наблюдал. Да, о чем-то имел чисто теоретическое, поверхностное представление. Но хотелось не только понимать технологические процессы, но и управлять ими. Так, как делают это те люди в цехах и за пультами. Даже лучше их. Во сне он часто видел, как льется в формы расплавленный металл, как остывает, как мощный заводской молот бьет по раскрасневшейся болванке, как тянется, тянется тонкий стальной лист...

Иногда же Година будили совсем другие, удивительные сны. К нему ночью приходили то не беременные еще, твердогрудые Зина и Катя, а то совсем незнакомки, которых он мельком видел на заводе или в институте. В ИМИСе было значительно меньше девушек, чем в педагогическом: в этом техническом вузе обитали в основном или зубрилки, или какие-то синие чулки. Да, с ними полезно, увлекательно было говорить об учебе, о науке, но Годин порой с тоской вспоминал и разговоры, которые велись в «пед», – о художествен-

ных книгах, о театральных спектаклях, о роли личности в истории...

«Здравствуй, маленькая!

Знаешь, как мне хотелось бы видеть тебя в тот момент, когда ты получишь это письмо. Не из эгоистичных чувств, нет, просто у нас получится диалог, я буду рассказывать, то есть писать, а ты будешь слушать, то есть читать, а как хорошо было бы, если бы мы сели сейчас с тобой вдвоем и поговорили бы обо всем.

Вот уже прошло десять дней. Ты не обижайся, что я так долго не писал. И дело тут не в том, что здесь очень трудно и времени не хватает. Я каждый вечер собираюсь тебе писать, беру ручку и бумагу, напишу слово „Здравствуй“ и какое-то чувство охватывает меня. Как будто именно это слово и подчеркивает, насколько ты далека сейчас от меня, насколько сильно во мне желание видеть тебя и насколько оно безнадежное.

Нет, это не романтический бред, не сентиментальность, а, скорее всего, чувства, охватывающие человека, когда он теряет что-то, хоть и не навсегда, а точнее, на определенное время. Помнишь, я тебе говорил о Фолкнере, что мне нравится, как он свободно обращается со временем и с пространством. Вот этого я не могу делать. Время всегда меня тянет, а пространство толкает вперед, торопит. Поэтому всегда опережаю время и от этого часто переживаю, когда приходится ждать чего-то или кого-то.

Ну ладно, хватит морочить твою голову. Перехожу на более реальное описание своей курсантской, послевоенкафедральной жизни. Давай поговорим о бытовых проблемах моей службы.

Живем в палатках, в одной палатке десять человек. Живем неплохо, если подумать – хорошо, а если мне подумать – вообще отлично. Спим на деревянных досках, но ведь могли бы заставить спать вообще на камнях. Матрацы старые и притом рваные. Но ничего, зато теперь у нас не существует проблемы ваты. Когда нужно, достаем из дырок матрацев. Пища – незаменимая и даже не заменяемая: утром – каша, днем – каша, вечером – каша. И то – от каши только название. Честное слово, Севда, ты готовишь раз сто лучше нашего повара. Вот вчера мы долго обсуждали, к какому течению относится творчество – то есть творение нашего повара. И решили, что он символист. Сама подумай, дают какую-то жидкость: запах сена, а вкус напоминает компот из гнилой груши, и говорят, что это чай. Или дают еще что-то, запаха – никакого, но привкус чая, а знаешь, как называется? Вряд ли догадаешься – компот.

Но все это ерунда, главное – руководство мудрое. Вчера делали вешалки, они два часа обсуждали, где их лучше делать: возле первой курилки или возле второй, хотя нет никакой разницы. А за это время заставили нас пять раз перетаскать доски из одной курилки в другую и обратно. И в конце концов решили сделать ее возле третьей курилки.

Встаем в шесть часов, целый день шагаем, стреляем, убиваем территорию, работаем. Ложимся спать в десять. И каждый день так. А завтра особый день, будем принимать присягу. Говорят, что по этому поводу на ужин дадут по два яйца. Смеешься, наверное. А мы радуемся. Ведь яйца-то, в отличие от других видов пищи, будут не символическими, а настоящими.

Вернусь я в Москву в конце этого месяца, там мы должны сдавать экзамен по военке. А в начале августа поеду домой, отдохну месяц и в сентябре – на практику на Сахалин. Вот мои планы, а там посмотрим.

Пиши о себе только мне домой. Потому что в это время я, наверное, буду уже в Баку. Пиши, как выбралась из Москвы, как проходит твоя практика, то есть стройотряд, как у тебя вообще дела. И пиши как можно больше. А в первые числа августа, может быть, и в конце июля я тебе позвоню. Кстати, как Гера? Передай ей привет от меня.

Целую, маленькая, и иду на построение для проверки.

Амир

P. S. Знаешь, что вспомнилось? Вспомнил, как ты говорила, что тебе нравится, когда я злюсь. Да, я часто злюсь на тебя, иногда бываю даже грубым, наверное. И попытаюсь тебе объяснить, откуда у меня эта злость.

Сама знаешь, я довольно-таки спокойный, а точнее, уравновешенный, даже в чем-то консервативный. Мало кто и когда нарушал мое это равновесие (душевное, имею в виду). Но

когда это кому-то удастся, у меня появляется инстинктивная злость. И это уже не зависит от меня. А в данном случае ты действительно нарушила это равновесие. Больше того, я... По крайней мере, я очень скучаю без тебя».

«Несколько знакомых... Если бы не было Амира, то в одного бы влюбилась точно.

Амир. Действительно ли делаем что-то настоящее? У них каждое имя что-то обозначает. Азик – „огонь“, Рафик – „друг“, Амир – „принц“, „князь“, „начальник“, Севда – первая любовь...

Попросил разрешения звать меня Севда, не объясняя, что это значит. Но я узнала от других... жду письмо от него. Обещал мне прислать рассказ, который написал под моим влиянием.

Кто-то запустил музыку из „Однажды на Диком Западе“. У П. есть, вернусь – возьму послушать...

Надеюсь, когда позвонит, застанет меня дома.

Скоро возвращаемся домой. С 10-го по 25-е поеду на море, а может, и раньше.

Опять прочитала его письмо. Иногда так хочется быть с ним, хотя бы на несколько минут, когда засыпает, спеть „ни-ни-на“...

Ами... Знаешь, очень интересно получается, когда у тебя письмо человека, с которым всегда только разговаривала. Что-то вроде того бывает, когда кто-то первый раз звонит тебе по телефону – можешь даже голос не узнать. Как-то

не хватает выражения лица другого, его интонаций, не хватает непринужденности. Получается в какой-то степени по-сторонне.

Гера прочитала в каком-то американском журнале, что влюбленные отдают от тридцати до ста процентов своих мыслей любимому человеку. Тогда, сказала, я стахановка, перевыполняю норму: четыреста – пятьсот процентов!

Ницше: „Государство – это организованная аморальность“.

...

Сегодня из-за чего расстроилась. Самое смешное – из-за денег. Как говорит Гера, опротивело мне быть бедной. Купила себе туфли, а потом другие, которые больше понравились. И еще кожаный пояс! Потом увидела еще красивее!!!

...

Лежу на пляже. Вела разговор с каким-то „биологом“. Больше слушала сама себя и упражнялась составлять полные закругленные выражения.

Лечу обратно в Москву. Это были самые лучшие каникулярные девять дней.

Сейчас свободное время рассказать об Ами. Так было здорово эти дни не думать ни о чем, быть спокойной, а спокойствие и уверенность всегда приносили мне успех. Гм, успех. Хорошо звучит. Чувство, что есть незаменимые люди, и для Ами я такая. Может быть, не самая красивая, но незаменимая...»

«Привет, Stara Gruba!

Не убивай меня. Честное слово, тысячу раз начинала свои письма то с поздравления с победой по испанскому, то с „я работаю в колхозе“, то с наших нежностей gruba swinka и т. д. (начинаю уже забывать их), то с приветов, посланных тебе Амиром в единственном его письме („убью, зарежу!“), то еще как-то, но, не знаю почему, никогда не дохожу до конца. Есть куча чего рассказать тебе. Начну в хронологическом порядке.

Чего я себе никогда не прощу – это того, что не осталась с тобой в Москве до конца. Еще в поезде жутко жалела, что как-то плохо мы провели свои последние дни там. Прости старую дуру!

В поезде ехала с тремя ребятами из Коми. С одним из них пошла в ресторан купить пива и, возвращаясь с бутылками, встретила своего комсомольского секретаря – конечно, я представляла собой прекрасное зрелище. Потом этот парень сказал другим, что я его жена, и до конца поездки я пыталась убедить их, что это неправда.

Еще в первый вечер дома дала себе обещание, которое ты дала на том семейном празднике весной. Родители ссорятся между собой и со всеми и пытаются поссорить нас с сестрой. Не знаю почему: ревнуют или думают, что Лара подает мне плохой пример. Устраивают всякие сплетни – честное слово. Ей говорят, что я о ней что-то сказала, а потом мне – что она обо мне...

С Ларой вроде все okay, но уже чувствуется отчуждение (когда я приехала, она не встречала меня на вокзале, а пошла в театр – тогда был ваш театр Шайны). Может быть, не имею право на это сердиться – не знаю. У нее уже и сын – Мирон, родился 27 июля. То есть у нее свои большие заботы.

Позвонила разным подружкам. Встретились небольшой компанией. Все время думала о тебе и Амуре, стало кисло на душе, я ушла. (Месяцем позже приехала Мила, встрети-лась с Гришей – кстати, она его отperdolila, – и он сказал, что ему сказали, что я на этой встрече вела себя „вызывающе“, демонстративно ушла, раз не стала „центром внимания“. Бог с ними!)

Потом – стройотряд. Здесь я была первым стахановцем. Там был и этот парень, который в школе играл Цезаря и мне нравился. Он стал подкатывать ко мне, но я его отperdolila. Оказывается, что stara drivka, не могу изменять. Shame on me!

Мы с Милой и ее сестрой были несколько дней на море – погуляли здорово. И сейчас at the seaside с родителями.

„Я смеюсь, умираю со смеха...“

Знакомый уже кое-что рассказал им об Амуре и Искандере. Я говорю, что выйду замуж за Хайло (он из Ганы). У них в умах полный хаос. Я толстею – уже превратилась в модель идеально круглого тела. Читаю умные книжки, делаю планы о своих задачах в Москве: учиться хорошо, изучать немецкий, ходить на комсомольские собрания, на спецзанятия по

переводу, на автомобильные курсы, на уроки физкультуры, не курить, не ныть (не веришь?).

Разговаривала с мамой, она сказала, что может послать нас вдвоем на море, но нужно заранее ее предупредить. Я, наверное, буду на практике и, если хочешь, можешь приехать в СССР, погуляем в Грузии или где хотим, а потом поедem ко мне и на море. Только сообщи заранее, что нужно сделать.

Пиши мне в Москву. Присылай фотографии и думай обо мне чаще – хоть когда стряхиваешь пепел.

Поняла?

С любовью...»

Просыпаясь среди ночи, Годин долго смотрел в темно-синее, пустое пространство потолка. За окном проезжают машины. От света их фар по потолку и стенам пробегают тени. Да, эта похожа на Зину. Вот Катя, а вот бухгалтерша из военной части, девчата из педагогического, с керамического... Протягивает руку, но тени исчезают, и он снова остается один. Один на один со своим мыслями и чувствами. Со словами потаповских друзей в ушах: «И тебе жениться пора, Леха! Иначе жизнь получается какая-то неполная...» Катин голос: «Леша, я – беременная!» Зинин: «Я бы тебя дождалась, если бы сказал, что хочешь, чтобы ждала...» Интересно, какая теперь из себя бывшая пионерка Арина? «Всякой твари по паре... Всякой твари по паре...» Новая неясная тень, и он тянется, тянется, тянется...

Вождение

В начале третьего курса их неожиданно бросили помогать совхозу под Серпуховом – на «морковку». Жили в общежитии рядом с вокзалом: девочки в одной большой комнате-зале, мальчики – в другой. Питались утром и вечером в синей столовой, а днем – сухпайком в поле. Ничего особенно нового в «морковке» не было, так как после второго курса уже ездили на «картошку» – помогать колхозникам собирать стратегический советский продукт, картофель обыкновенный. Дешевый и питательный, он хранился в погребах всех жителей и на всех овощебазах страны.

В тот первый общекурсовой выезд почти все перезнакомились: кто-то сдружился, кто-то, наоборот, определил дистанцию. В этот раз Годин открыл для себя нового человека – Стеллу Бородину из параллельной группы. Оказался с ней на одной грядке. Со спины сначала не понял, кто это вообще рядом с ним – парень или девушка. Человек, как и все, в резиновых сапогах, в синих ватных штанах и фуфайке. Потом увидел лицо: миленькое. Вспомнил, что встречал эту девушку на поточных лекциях, но не на «картошке», на которой она по какой-то причине, видимо, не была. Отличница. На занятия ходит обычно в обтягивающих джинсах и блузке. У нее есть что обтягивать.

При всех своих внешних и умственных отличиях Стелла –

представительница немногочисленного институтского «слабого пола» – держала ребят на расстоянии. Скорее всего, так уж ее воспитали в семье, а может, просто привыкла действовать наверняка, вот и берегла себя для того единственно-го, за которого выйдет замуж. «Послешкольные» девушки на глазах выросли и, если на «картошке» еще шарахались от, как им казалось, «грубых» мальчиков, то к третьему курсу уже практически все серьезно приглядывались, а то и прикладывались к ним. Большинство провинциалок не задерживали взгляд на парне из Дальнедорожного: чего менять шило на мыло. Но некоторые были не против сблизиться с Годиным: отлично учится, весьма неглуп, достаточно симпатичен и, черт его знает, вдруг далеко пойдет. Приглядывались к нему и «птички»-москвички, желающие выйти прежде всего за человека, а не просто за сына дипломата или ответственного партийного работника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.